

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ СИНТАКСИС

Субъектно-объектные отношения

**Воронеж
2011**

**ББК 81.2-3
С30**

Авторы:

В.Ю. Копров, Т.Н. Козюра, А.Л. Лебедева,
О.М. Дедова, И.М. Сушкова

Рецензенты:

заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук,
профессор З.Д. Попова
доктор филологических наук, профессор Ю.А. Рылов

**Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис:
Субъектно-объектные отношения** / В.Ю. Копров, Т.Н. Козюра, А.Л.
Лебедева, О.М. Дедова, И.М. Сушкова; под ред. В.Ю. Копрова. – Во-
ронезж: Издательство «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – 263 с.

ISBN 978-5-4292-0007-1

В коллективной монографии с единых теоретических позиций рассматривается семантика, структура и функционирование предложений, выражающих субъектно-объектные отношения в разноструктурных языках: физическое воздействие субъекта на объект в русском, английском и венгерском языках; зрительное восприятие в русском и французском языках; ситуации касания в русском и немецком языках; посессивность (обладание и принадлежность) в русском и английском языках.

Предназначается для студентов, аспирантов, специалистов в области лингвистики, межкультурной коммуникации, перевода и преподавания языков как иностранных.

ISBN 978-5-4292-0007-1

© Копров В.Ю., Козюра Т.Н.,
Лебедева А.Л., Дедова О.М.,
Сушкова И.М., 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние десятилетия происходит смещение фокуса лингвистических исследований с системоцентрической парадигмы на коммуникативно-прагматическую. Уже имеется немало работ, в которых убедительно обосновывается теоретическая и практическая значимость функционального описания синтаксиса. Вместе с тем остаётся ещё много спорных вопросов и проблем, связанных с анализом конкретного фактического материала разноструктурных языков.

Совершенно очевидно, что для создания практически ориентированного синтаксиса того или иного языка необходимо описать устройство и функционирование всех его предложений. Особую роль при этом играют сопоставительные исследования, поскольку многие синтаксические особенности конкретного языка чётче выявляются при взгляде на него со стороны другого языка.

С середины 70-х годов прошлого века в рамках теоретико-лингвистической школы, основанной профессором Воронежского государственного университета З.Д. Поповой, в особое направление начал складываться семантико-функциональный сопоставительный синтаксис разноструктурных языков.

Первоначально в центре внимания находилось простое предложение русского языка [Копров 1980], затем сфера научных поисков расширилась до сопоставления синтаксических систем русского, английского и венгерского языков [Копров 1999а; 1999б; 2000]. Изложенная в указанных работах методика многоаспектного анализа семантико-структурного устройства и функционирования предложения была апробирована в многочисленных публикациях, докладах на конференциях и в серии защищённых на материале русского, германских и романских языков кандидатских диссертаций [Дедова 2002; Козюра 2007; Сушкова 2007; Лебедева 2009].

В коллективной монографии, обобщающей основные результаты исследований в русле данного направления, рассматриваются следующие подсистемы субъектно-объектных отношений:

предложения с семантикой физического воздействия субъекта на объект в русском, английском и венгерском языках;

предложения с семантикой зрительного восприятия в русском и французском языках;

предложения, передающие ситуации касания в русском и немецком языках;

предложения, выражающие посессивные отношения (обладание и принадлежность) в русском и английском языках.

Авторское участие в монографии распределилось следующим образом: В.Ю. Копров – автор Введения, Главы I, первого раздела Главы IV; Главу II написала Т.Н. Козюра; Глава III подготовлена А.Л. Лебедевой; второй раздел Главы IV написан О.М. Дедовой, третий раздел – И.М. Сушковой. Общая научная редакция монографии осуществлена В.Ю. Копровым.

Выражаем искреннюю признательность нашим рецензентам – заслуженному деятелю науки РФ, доктору филологических наук, профессору З.Д. Поповой и доктору филологических наук, профессору Ю.А. Рылову.

Авторы

ВВЕДЕНИЕ

Функциональное описание языков имеет прямой выход в практику перевода и преподавание языков как иностранных, поскольку овладение навыками создания высказываний и текстов путём усвоения целых семантико-функциональных комплексов происходит быстрее и эффективнее, чем при изучении отдельных грамматических форм и конструкций.

Функциональная лингвистика имеет уже несколько направлений, каждое из которых располагает своей теоретической базой, понятийным аппаратом, методикой анализа и многочисленными реализациями, охватывающими большой языковой материал. Перечислим некоторые из таких направлений.

Основополагающая теория функциональной грамматики была представлена в трудах А.В. Бондарко. Разработав на материале аспектуальности концепцию функционально-семантических полей, учёный постепенно распространил свой первоначально морфологически ориентированный подход на описание всей грамматической системы языка [Бондарко 1984]. В шести томах коллективной монографии «Теория функциональной грамматики» под научным руководством А.В. Бондарко были подробно описаны следующие поля: аспектуальность, временная локализованность, таксис, темпоральность, модальность, персональность, залоговость, субъектность, объектность, коммуникативная перспектива высказывания, определённости / неопределённость, качественность, количественность, локативность, бытийность, посессивность, обусловленность [Теория функциональной грамматики 1987; 1990; 1991; 1992; 1996а; 1996б]. В новой серии монографий, входящей под названием «Проблемы функциональной грамматики», многие высказанные ранее положения детализируются, развиваются и дополняются [Проблемы функциональной грамматики 2000; 2005].

Параллельно с указанной выше теорией успешно развивалась синтаксически ориентированная коммуникативная модель Г.А. Золотовой [Золотова 1973; 1982; 2004]. За единицу описания синтаксиса здесь принимается синтаксема. Синтаксемы с предметным и с признаковым значением, вступая в предикативную связь, образуют модель предложения с определённым типовым значением. В моделях предложений субъект подразделяется на личный и предметный (в который включены и зоонимы); предикат классифицируется по частям речи на глагольный, наречный, адъективный, квантитативный и субстантивный. Этим типам предиката соответствуют пять типовых значений (семантических структур) предложений: действие субъекта (акциональный

признак), состояние субъекта (статусный признак), свойство предмета (качественный признак), количество предметов (количественный признак), отнесение к классу предметов (классификационный признак). Наряду с исходными моделями предложений приводятся их фазисные, модально-волевые, субъектные (определённо-личные, неопределённо-личные, обобщённо-личные), объектно-пассивные и инволютивные (безличные) модификации [Золотова 1982, с. 98-99, 179]. В коллективной монографии «Коммуникативная грамматика русского языка», продолжающей разработку русского функционального синтаксиса, выходящего в текст, рассматриваются, в частности, условия, в которых находится говорящий, его отношение к ситуации общения, интенции относительно сообщаемого, речевые регистры [Золотова 2004].

М.В. Всеволодова, её коллеги и ученики разрабатывают функционально-коммуникативную грамматику русского языка [Всеволодова 1999; 2000; Амиантова 2001; Панков 2007]. Эта модель представляет особый интерес для практики преподавания русского языка как иностранного, поскольку характеризуется тонкими и точными наблюдениями над синтаксическим устройством предложения, над языковыми и коммуникативными «механизмами», которые обеспечивают правильность речи и решение говорящим коммуникативных задач. В работах данного направления подчёркивается, что в основе формирования языковой и коммуникативной компетенции носителей русского языка лежит освоение синтаксической парадигмы и вариативности конструкций типа: *Я должен уехать – Мне нужно уехать – Мне уезжать; Я тоскую – Я томлюсь тоской – Меня томит тоска – Меня грызёт тоска – Меня мучает тоска – Я пребываю в тоске* и т. д. По мнению М.В. Всеволодовой, именно такая модель должна быть положена в основу практической грамматики русского языка [Всеволодова 2007: 65-73].

Наиболее полный на данное время вариант грамматики, адресованной преподавателям русского языка как иностранного, представлен в коллективном труде под редакцией А.В. Величко [Книга о грамматике 2004]. В пособии, в частности, содержится не только подробное описание традиционно выделяемых структурных типов простого предложения, но и раскрываются их семантические особенности и правила функционирования.

Создавая свою модель функционального синтаксиса, финский русист А. Мустайоки выделяет следующие коммуникативно-семантические сферы, объединяющие ядерные семантические структуры: физическое действие и деятельность; передвижение и локация; социальное действие и деятельность; интеллектуальная деятельность; существование; обладание / владение; эмоции; физиологические со-

стояния; физические состояния; состояния окружающей среды; характеристика; идентификация [Мустайоки 2006: 203-249]. Данный подход во многом совпадает с другими полевыми описаниями синтаксиса, однако, как отмечает автор, здесь поле определённых языковых единиц образуется на основе их близости друг к другу с точки зрения коммуникативных потребностей говорящего. Говоря о возможностях использования функционального синтаксиса в прикладных целях, учёный особо отмечает сопоставительные исследования и преподавание языков как иностранных на продвинутом этапе обучения [Указ. соч.: 378-383, 401-410].

З.Д. Попова и Г.А. Волохина моделируют синтаксис русского языка в терминах теории синтаксических концептов. Типовые синтаксические структуры, которые отражают в концептосфере человека связи и отношения явлений и объектов реальной действительности, – это, по мнению учёных, и есть синтаксические концепты: «бытие объекта», «бытие признака объекта», «инобытие объекта», «самостоятельное перемещение агенса», «воздействие агенса на объект», «речемыслительная деятельность человека», «претерпевание пациентом состояния», «небытие объекта». Используя полевой подход к описанию системных отношений в грамматике, З.Д. Попова разграничивает в поле русских синтаксических структур ядро и периферию (ближнюю, дальнюю, крайнюю); при этом каждая ядерная схема имеет свой сектор поля – парцеллу [Волохина 1999; Попова 2009].

Несмотря на несомненные достоинства и довольно длительный период развития функциональной лингвистики, пока нельзя сказать, что в ней уже решены все теоретические и прикладные проблемы. Как отечественные, так и зарубежные разновидности функциональной грамматики неоднократно подвергались критическому анализу, и во всех концепциях находились те или иные недостатки (см. работы [Всеволодова 2000; Фигуровская 2001; Гладров 2001б; Вишнякова 2003; Николова 2003; Мустайоки 2006: 107-148; Левицкий 2010; Wid-dowson 1979; Foley 1984; Givón 1984; 1990; Groot 1989]).

Учитывая накопленный опыт, мы попытались создать свою модель **семантико-функционального сопоставительного синтаксиса** разноструктурных языков.

1. Прежде всего поясним наше отношение к нескольким неоднозначным терминам.

1.1. Термины «высказывание», «предложение» и «синтаксическая конструкция» используются нами в работе как синонимичные с одной оговоркой. В общем плане мы обычно относим к рассматриваемому синтаксическому материалу «нейтральный» термин **предложение**. При анализе функционирования предложения в речи мы предпочитаем термин **высказывание** (или предложение-высказывание). Если же

речь идёт о структуре предложения, о её компонентах и конструктивных особенностях, то мы говорим о **синтаксической конструкции**. Таким образом, не противопоставляя язык и речь, мы вслед за Т.П. Ломтевым считаем, что это не два разных объекта исследования, а один объект, взятый с разных его сторон [Ломтев 1979: 42].

1.2. В нашей работе используется термин **«семантико-функциональный»** вместо более привычного для многих грамматистов **«функционально-семантический»** (семантико-функциональный синтаксис, семантико-функциональная категория, семантико-функциональное поле). На наш взгляд, первый термин точнее отражает характер и общую направленность проводимого исследования – от семантики грамматических форм к их функционированию.

2. Практические потребности обучения иностранным языкам и переводу выдвинули на передний план выявление «механизмов», которые обеспечивают адекватное оформление языковыми средствами отражённых сознанием **предметных ситуаций** (ситуативный подход к предложению).

3. Ориентация данного подхода на выход в коммуникацию обусловила ведущую роль **синтаксиса** как системы, интегрирующей все другие уровни и единицы языка: здесь очень востребованы идеи о взаимодействии синтаксиса и морфологии, грамматики и лексики, о частеречной классификации лексики, лексико-грамматических разрядах слов и т.д.

Из двух основных путей описания синтаксиса – от лексических и морфологических форм как элементов предложения к самому предложению или от предложения к его лексическим и морфологическим составляющим – мы выбираем второй путь: **от предложения** как многоаспектной единицы к его разноуровневым компонентам.

4. Создание практически ориентированного семантико-функционального синтаксиса требует разработки **типологии предложения**, которая давала бы ясное представление о синтаксической системе данного языка и о том, какие конструкции обеспечивают в нём тот или иной участок синтаксической семантики.

5. Поскольку одно и то же содержание часто может быть реализовано несколькими языковыми формами, в процессе коммуникации говорящий часто стоит перед проблемой выбора той единицы, которая более всего соответствует его речевой интенции и ситуации общения. То, что носитель изучаемого языка получает в детстве в ходе своей социализации, неноситель языка должен получить в виде **схемы выбора** той или иной вариантной формы. Поэтому для семантико-функционального синтаксиса чрезвычайно важно выявить и описать существующие между синтаксическими конструкциями отношения (вариантность, синонимию, дополнительную).

6. Специфика семантико-функционального синтаксиса того или иного языка может быть выявлена только при его **сопоставлении** с другими языками, что обуславливает сопоставительно-типологический характер нашей модели.

6.1. Известно, что в процессе овладения иностранным языком учащийся (сознательно или неосознанно) обращается к системе **родного** языка, к тем языковым категориям, посредством которых в его сознании отражается объективная действительность. При системном учёте в учебном процессе результатов сопоставительного анализа единиц родного и изучаемого языков родной язык из «неизбежного и беспощадного конкурента иностранного языка» становится опорой усвоения значений его структур [Гальперин 1972: 67].

6.2. Хотя многие грамматические категории представляют собой межъязыковые универсалии, при обучении иностранному языку не происходит простого переноса таких категорий в систему изучаемого языка – овладение иностранным языком идёт скорее по линии **коррекции** уже имеющихся у студента знаний. Каждая новая единица иностранного языка как бы попадает в уже готовую «ячейку» означаемого и размещается в ней вследствие общности семантики знаковых систем языков. В тех случаях, когда подходящая ячейка не обнаруживается, она легко создаётся с помощью арсенала средств мышления, который базируется на владении родным языком [Шубин 1963: 60].

6.3. Для оптимизации этого процесса факты изучаемого и родного языков должны сопоставляться не в одном плане, а в **трёх**:

- в плане описания способов и особенностей выражения того или иного общего грамматического значения;
- в плане содержания, когда рассматриваются случаи передачи семантики грамматической категории или формы, которая отсутствует в одном из сопоставляемых языков;
- в плане функционирования, когда единицы с одинаковым значением по-разному используются в сравниваемых языках.

7. Исходя из указанных положений, мы разработали **методику многоаспектного анализа** семантико-структурного устройства и функционирования простого предложения языков различного строя (флективного русского, изолирующего английского и агглютинативного венгерского).

Были разграничены **семь аспектов** предложения: целевой, номинативный, предикативный, релятивно-номинативный, актуализирующий, эмоционально-экспрессивный и стилистический.

7.1. В качестве основного аспекта устройства предложения, наиболее релевантного для семантико-функциональной типологии предложения, был выдвинут **номинативный** аспект.

Внутри него выделены два подаспекта: **ситуативно-структурный и релятивно-структурный**.

7.1.1. Анализ устройства предложения в ситуативно-структурном подаспекте осуществляется с опорой на три иерархически взаимосвязанных уровня обобщения его семантики: типовое значение, инвариантную семантическую структуру, варианты семантической структуры.

В соответствии с концепцией **информативного минимума** простого предложения в семантической структуре разграничиваются следующие обязательные **актанты**: субъект, объект, адресат и локализатор.

При семантико-структурной классификации предложений традиционный критерий односоставности / двусоставности мы заменили **критерием количества актантов** в семантической структуре, в соответствии с которым предложения подразделяются на одноактантные, дваактантные, трёхактантные и четырёхактантные.

Была также уточнена система номинативных частей речи и разграничены следующие **частеречные типы** предложений: номинативный, адъективный, нумеративный, вербальный, партиципиальный, деепричастный.

На основе номинативного критерия внутри частей речи выделены **лексико-грамматические разряды** слов и произведена **субкатегоризация** главных семантических актантов – субъекта (антропоним, зооним, агенс-каузатор) и объекта (одушевлённый, неодушевлённый).

7.1.2. В рамках релятивно-структурного подаспекта была исследована понятийная природа, семантика и формы выражения в русском, английском и венгерском языках **категорий личности / безличности, залога, определённости / неопределённости (обобщённости)** семантических актантов.

В ходе анализа были прослежены основные линии взаимодействия указанных категорий в структуре предложения трёх сопоставляемых языков и выявлена иерархия **категориально-грамматических признаков** субъекта и объекта: активность, пассивность, демиактивность; определённость, неопределённость (обобщённость).

7.2. Многие положения предлагаемой модели семантико-функционального сопоставительного синтаксиса разноструктурных языков в процессе исследований развивались, уточнялись и дополнялись. Результаты **сопоставления** синтаксических систем русского, английского и венгерского языков в номинативном аспекте обобщены в таблице.

№	Инвариантные семантические структуры	Количество типов предложений		
		Рус. яз.	Англ. яз.	Венг. яз.
1.	Субъект и его опредмеченный признак	2	1	1
2.	Субъект и его качественный признак	6	1	3
3.	Субъект и его количественный признак	3	1	1
4.	Субъект и его действие / состояние	6	1	3
5.	Субъект и его качественный процессуальный признак	1	1	3
6.	Субъект – сравнение – объект	3	1	2
7.	Субъект – действие / состояние – объект	17	7	8
8.	Субъект – посессивность – объект	4	2	1
9.	Субъект – локализация – локализатор	3	1	2
10.	Субъект – действие – объект – адресат	9	7	3
11.	Субъект – действие – объект – локализатор	12	4	3
12.	Субъект – действие – объект – локализатор – локализатор	11	6	5
		77	33	35

Как видим, русский синтаксис отличается наибольшим разнообразием семантико-структурных типов предложений, используемых для выражения **двенадцати инвариантных семантических структур** (см. об этом [Копров 2010]).

7.3. В указанной выше работе на материале трёх разноструктурных языков обозначены линии и точки взаимодействия компонентов номинативного аспекта с компонентами **других аспектов** устройства предложения-высказывания (предикативного, релятивно-номинативного, актуализирующего, стилистического) в семантико-функциональных подсистемах (7), (8) и (9).

7.4. Кроме того, на примере синтаксиса официально-делового стиля русского и английского языков показана применимость результатов семантико-функционального сопоставительного подхода в **лингвопрагматических** исследованиях.

В целом подход к предложению как **многоаспектной** сущности позволяет построить его типологию, обладающую большей объяснитель-

ной силой по сравнению с разного рода «одномерными» концепциями, так как он даёт возможность выявить и смоделировать всю систему компонентов, категорий и отношений, существующих в сфере простого предложения.

Первый выпуск коллективной монографии посвящён многоаспектному описанию средств выражения **субъектно-объектных отношений**, которые занимают центральное положение в синтаксисе всех языков.

Субъектно-объектные отношения, входя в типовое значение «отношение между субстанциями», в свою очередь, объединяют большое количество семантико-функциональных подсистем, инвариантную семантическую структуру которых обобщённо представляет схема «субъект – действие – объект»:

«агенс – физическое воздействие – пациенс»: *Мальчик перевернул лодку; Лодку перевернули; Ветром перевернуло лодку; Лодка перевёрнута ветром;*

«каузатор – эмоциональное состояние – экспериенсив»: *Эта книга увлекла меня; Я увлекся этой книгой;*

«экспериенсив – интеллектуальная деятельность – объектив»: *Он узнал правду;*

«экспериенсив – восприятие – перцептив»: *Мы увидели спутник; Нина услышала свою фамилию; Нине слышалась ее фамилия;*

«экспериенсив – эмоциональное отношение – объект»: *Я люблю её; Она нравится мне;*

«посессор – посессивность – объект»: *Светлана имеет машину; У Светланы есть машина; Машина принадлежит Светлане и др.*

В соответствующих главах настоящей работы с единых теоретических позиций анализируются предложения, выражающие следующие разновидности субъектно-объектных отношений:

физическое воздействие субъекта на объект в русском, английском и венгерском языках (Глава I),

зрительное восприятие в русском и французском языках (Глава II),

ситуации касания в русском и немецком языках (Глава III),

посессивность (обладание и принадлежность) в русском и английском языках (Глава IV).

ГЛАВА I. СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПОЛЕ ФИЗИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКАХ

В настоящей главе рассматриваются русские, английские и венгерские простые повествовательные предложения со значением физического воздействия субъекта на объект.

Поскольку предложения с данной семантикой представляют все традиционно выделяемые в грамматиках типы конструкций, поаспектное изучение их устройства имеет особое значение для разработки семантико-функционального синтаксиса разноструктурных языков.

Обзор обширной литературы вопроса показывает, что во многих работах обычно описываются только две-три конструкции с данной семантикой, причём зачастую – под разными углами зрения. В центре внимания исследователей оказываются то характеристики самого действия, то его именные актанты, то только коммуникативная перспектива высказывания и т.д. Более того, часто в рамках одной работы при описании тех или иных конструкций используются разноаспектные и потому несопоставимые семантические и функциональные параметры и признаки. В результате тонкие и ценные сами по себе наблюдения над устройством и использованием в речи предложений в целом не создают прочной основы для их сопоставления.

Основные задачи нашего исследования можно сформулировать следующим образом: выделить имеющиеся в русском, английском и венгерском языках средства выражения физического воздействия субъекта на объект; проследить зависимость устройства предложений физического воздействия от их лексико-грамматического наполнения; проанализировать данные синтаксические конструкции в основных аспектах их организации и функционирования, выявив при этом связи и отношения, существующие между ними как внутри отдельного языка, так и в сопоставительном плане; определить единый критерий, позволяющий в практических целях (преподавания синтаксиса на семантико-функциональной основе и перевода) системно сопоставить семантику и сферы функционирования интересующих нас конструкций.

Семантическая структура предложений физического воздействия субъекта на объект обозначается формулой **«агентс – физическое воздействие – пациентс»**. Эта семантическая структура представляет собой вариант инвариантной семантической структуры (ИСС) «субъект – действие – объект», которая, в свою очередь, входит в типовое значение «отношения между двумя субстанциями».

1.1. Семантико-функциональное поле физического воздействия в ситуативно-структурном подаспекте номинативного аспекта устройства предложения

1.1.1. Состав семантико-функционального поля физического воздействия

В **русском** языке семантико-функциональное поле физического воздействия (СФП ФВ) выражают следующие синтаксические конструкции:

- 1) личная активная: *Она приоткрыла жалюзи* (А. Толстой);
- 2) определённо-личная: *Так вот под вечер останавливаем на шоссе для проверки «эмку»* (В. Богомолов);
- 3) неопределённо-личная: *Зная дивизии вынесли* (К. Симонов);
- 4) трёхчленная пассивная (вербальная и партиципиальная): *Сырая казарма быстро нагревается человеческим дыханием* (А. Куприн); *При этом ими был убит техник-лейтенант Алиев...* (В. Богомолов);
- 5) двучленная пассивная (вербальная / партиципиальная): *Из его трюмов выкатывались полевые орудия, зарядные ящики, лотки со снарядами, выгружались упакованные в ящики запасные части для авиационных моторов* (А. Кондаков); *Архив был эвакуирован* (К. Симонов);
- 6) трёхчленная безличная: *На рассвете туманами затопило землю* (М. Бубеннов);
- 7) двучленная безличная: *Затопит участки работ* (В. Кетлинская).

В **английском** языке данное СФП представлено тремя конструкциями:

- 1) личной активной: *Maybe I broke a glass* (M. Spark);
- 2) трёхчленной партиципиальной пассивной: *He had just been captured and dragged back to the curb by his father* (J. Salinger);
- 3) двучленной партиципиальной пассивной: *Many excellent and expensive houses were being erected* (T. Dreiser). См. об этом также [Маркот 1990].

В **венгерском** языке данное поле составляют следующие конструкции:

- 1) личная (активная): *A család lakást takarít* (Семья убирает квартиру);
- 2) определённо-личная:
  - а) определённо-субъектная: *Eltörtem a lábamat* (Я сломал ногу);
  - б) определённо-объектная: *Te lököd* (Ты толкаешь меня);
- 3) неопределённо-личная: *A ház felépítették* (Дом построили);
- 4) пассивная: *A ház a kőművesek által lebontatott* (Дом разобран каменщиками);

5) двучленная пассивная (деепричастная) конструкция: *Be van törve az ablak* (Окно разбито).

Сопоставление СФП ФВ в трёх языках выявляет сходства и различия в составе их компонентов.

В центре данного поля во всех сопоставляемых языках находится личная активная конструкция.

В русском и венгерском языках широко представлена неопределённо-личная конструкция. В этих же двух языках функционируют определённо-личные предложения (определённо-субъектные, а в венгерском языке – и определённо-объектные). В английском языке определённо-личная и неопределённо-личная конструкции отсутствуют.

Пассивные конструкции (трёхчленная и двучленная) в русском языке представлены вербальным и партиципальным частеречными типами, в английском – только партиципальным типом.

В венгерском языке в качестве пассивной регулярно используется деепричастная конструкция.

Специфику русского СФП ФВ составляют безличные конструкции.

1.1.2. Актанты семантической структуры предложений физического воздействия

В семантической структуре предложений ФВ выделяются обязательные и факультативные **актанты**.

Число актантов детерминировано выражаемым предложением типовым значением «отношение между двумя (тремя, четырьмя) субстанциями», а их конкретная разновидность определяется лексико-грамматическим разрядом (ЛГР) глагола, обозначающего физическое воздействие субъекта на объект.

В лингвистической литературе содержится много разных по степени детализации классификаций глаголов физического воздействия [Попова 1971: 3-54; Анищева 1981; Булынина 2004; Васильев 1981; 2000; Гайсина 1981; Кильдибекова 1985; Козельская 1983; Фёдорова 1992; 2010; Селезнёва 1987; Пешехонова 2008; Большой толковый словарь 2008]. Для целей нашего исследования среди глаголов данного разряда достаточно выделить следующие основные **подгруппы**:

1) собственно физическое воздействие (*бить, давить, мять, гладить, сушить, покрывать, резать, ломать* и т.п.): *Командарм зажёг спичку* (К. Паустовский); *Капитан Озеров раскрыл планшет* (М. Бубёнов);

2) воздействие на объект с его перемещением (*нести, везти, ставить, класть, бросать, толкать, наливать, высыпать* и т.п.): *Марфа несла самовар* (К. Паустовский); *Кружилин достал папиросы* (А.

Иванов); *Ветер косо нёс прозрачные на свету листья* (К. Паустовский);

3) созидание объекта (*делать, строить, плести, шить* и т.п.): *В лесу несколько бойцов варили в котелке кашу* (Ю. Нагибин); *Они копали то ли траншею, то ли щели* (А. Ананьев).

В инвариантную семантическую структуру (ИСС) предложений с глаголами физического воздействия всех подгрупп входят два обязательных актанта – агентс и пациенс. Под **агентсом** понимается производитель, источник воздействия, под **пациентом** – актант, испытывающий воздействие или возникающий как его результат.

В лексико-семантических вариантах (ВСС) данной структуры могут быть также следующие актанты.

1. В предложениях с глаголами подгруппы «собственно физическое воздействие на объект» в качестве факультативного актанта выступает **инструмент** (орудие), под которым понимается предмет, вовлечённый в действие и способствующий его осуществлению.

Инструмент, в свою очередь, субкатегоризируется на два типа:

а) **неотчуждаемый** от агенса (*рука, палец* и т.п.): *Мы обламывали руками отдельные льдинки* (К. Паустовский);

б) **отчуждаемый** от агенса (*молоток, компьютер* и т.п.): *Комариха заботливо припёрла дверь колом* (Ю. Нагибин).

Часто инструмент противопоставляют ещё одному факультативному актанту – **средству** как расходуемому в процессе воздействия инструменту: *Дно окопа забросал сухой травой* (М. Бубёнов).

ВСС таких предложений обобщённо обозначается формулой: «агентс – собственно физическое воздействие – пациенс – (инструмент / средство)».

2. В ВСС предложений с глаголами подгруппы «физическое воздействие на объект с его перемещением в пространстве» в качестве обязательного актанта входит **локализатор** (или два, три локализатора) – предмет (предметы), обозначающий местоположение пациенса: *Илька кинул комок земли на подоконник* (В. Астафьев).

Если в семантике предложения таких локализаторов несколько, то разграничиваются три их подтипа:

а) **директив** – предмет, по направлению к которому перемещается предмет-пациент: *Алёхин выложил из вещмешка на плащ-палатку две буханки белого хлеба, несколько банок различных мясных консервов, кульки с печеньем и сахаром* (В. Богомолов);

б) **аблатив** – предмет, от которого перемещается предмет-пациент: *Старший сталевар Серёжа Попов с разбегу отивырнул меня от печи* (В. Кожевников); *Фёдор Брянцев, ослеплённый слезами, стащил брата с насыпи в канаву* (И. Акулов);

в) **трасса** – место, по которому перемещается пациенс: *В длинную*

полярную ночь вместо катера **по льду реки** от одной лунки до другой таскал деревянную будку сивый меринок Кузя (С. Залыгин).

Одушевлённый локализатор может одновременно являться **адресатом** (бенефициантом) производимого агенсом действия: *Константинов пододвинул ей телефон* (Ю. Семёнов); *Славина девушка поднесла ему стаканчик* (В. Астафьев).

В качестве факультативного актанта в рассматриваемых предложениях может выступать **инструмент**: *Я доставал ведро шестом* (К. Паустовский).

Факультативным актантом предложений данного подтипа является также **средство перемещения** (транспортное средство) как один из видов инструмента: *Сапёры притащили с собой на плац-палатке какого-то солдата* (М. Бубённых).

В обследованном материале встречаются различные комбинации перечисленных актантов, например:

Продавищица зачерпнула из мешка медной тарелкой куски сахара... (В. Астафьев); *Тогда я той же веткой подтащил к берегу цветущую водяную гречиху* (К. Паустовский); *Ольга Дмитриевна плоской ложечкой положила всем нам салату* (С. Крутилин).

ВСС предложений такого типа обозначается формулой: «агнс – перемещение – пациенс – локализатор (инструмент / средство перемещения / адресат)».

3. Факультативным компонентом ВСС предложений с глаголами подгруппы «созидание пациенса» является **материал**, под которым понимается предмет, из которого в результате физической деятельности агенса возникает пациенс: *Валька Бессонов мигом смастерил из газеты полумаску* (В. Кетлинская); *После труб Охватов из куска покрепче свернул котелок с проволочной окантовкой и дужкой* (И. Акулов).

В ВСС предложений данного типа могут также входить следующие факультативные компоненты:

инструмент: *Этим ножом мы просверлили небольшое отверстие в ржавой металлической стенке баржи...* (А. Иванов);

адресат: *Раз в день буду варить ему кулеш* (Г. Троепольский); *Бабушка сшила Ильке сумку из своего старого передника* (В. Астафьев);

ВСС предложений с глаголами созидания можно представить формулой: «агнс – созидание – пациенс – (материал / инструмент / адресат)».

Итак, обобщённо инвариантную семантическую структуру всех предложений с глаголами физического воздействия представляет формула: «агнс – физическое воздействие – пациенс – (локализатор) – (инструмент / средство / материал / адресат)».

Структура семантико-функционального поля физического действия

в русском языке представлена на Рис. 1.

Рис. 1. Семантико-функциональное поле физического воздействия в ситуативно-структурном подаспекте.

Отметим, что в данной главе по соображениям места мы детально не рассматриваем трёх- и четырёхактантные предложения (составительный анализ таких предложений см. в нашей монографии [Копров 2010: 239-241]).

1.1.3. Субкатегории агенса и пациенса

Для установления отношений синонимичности / дополнительности конструкций необходимо рассмотреть субкатегориальную природу агенса и пациенса в каждой из них.

В связи с тем, что диапазон ситуаций, связанных с физическим воздействием одного предмета на другой, очень широк, в качестве обязательных актантов в предложениях выступают имена, обозначающие самые разные субстанции. См., например, русские предложения с глаголом подгруппы перемещения пациенса *тащить*:

Парни тащили его в гору (В. Кетлинская); *Но последние несколько дней меня тащил на себе Савелий* (А. Иванов); *Усталые быки еле тащили повозку* (И. Калашников); *Буксир тащил против течения вереницу барж* (К. Паустовский).

ВСС: агенс – ФВ (перемещение) – пациенс

<i>парни</i>	<i>тащить</i>	<i>его</i>
<i>Савелий</i>		<i>меня</i>
<i>быки</i>		<i>повозку</i>
<i>буксир</i>		<i>баржи</i>
...		...

Анализ лексического наполнения актантных позиций в предложениях не требует подстановки в эти позиции всех возможных с конкретными глаголами имён – для выявления лексико-грамматических особенностей той или иной конструкции достаточно сделать это на уровне **лексико-грамматических разрядов** (ЛГР) существительных.

Часто при выделении разрядов (групп, классов) существительных одновременно используется несколько разнородных принципов: номинативный (семантический), словообразовательный, морфологический, синтагматический и т. д. Так, традиционная классификация существительных, изложенная в ГРЯ-52, основывается на двух признаках: реальных свойствах отображаемых предметов и отношении существительного к категории числа [ГРЯ 1952: 104-120].

В нашей работе выделение ЛГР существительных основывается на едином для всех частей речи **номинативном критерии**.

Наибольшую значимость для семантико-синтаксических исследований имеет противопоставление **одушевлённых** и **неодушевлённых** предметов и выражающих их имён существительных.

Кроме данной оппозиции используются и другие дифференцирующие признаки.

Так, Н. Хомский в качестве доминирующего выбрал признак «нарицательность» [Хомский 1972: 74-78].

В системе семантических признаков, предложенной В.В. Богдановым, относительно семы «одушевлённость / неодушевлённость» расположены семы «человечность», «нарицательность», «счисляемость», «единичность», «женскость» [Богданов 1977: 55-76].

У. Чейф считает наиболее значимым различие между исчисляемыми и собирательно-вещественными существительными. Исчисляемые существительные могут определяться как потенционные, если они обозначают предметы, которые обладают или считаются обладающими собственной внутренней энергией: *The wind opened the door* (*Ветер открыл дверь*); *The ship destroyed the pier* (*Корабль разрушил пирс*). Дальнейшее углубление характеристики существительного, по признанию У. Чейфа, представляется «сложным и довольно тёмным делом». Сам автор предлагает определять потенционное существительное как одушевлённое или неодушевлённое, а затем первое из них – как лицо мужского или женского рода. При этом понятие «лицо» относится только к человеческим существам в отличие от других живых существ [Чейф 1975: 127-130].

Н. Сальников, анализируя подкласс существительных в форме творительного падежа в составе русского безличного предложения типа *Градом побило рассаду*, использует ещё один признак – «потенциальная энергия», под которой подразумевается любая энергия, содержащаяся в системе в скрытом виде. Потенциальная энергия в физике противопоставляется кинетической в том смысле, что последняя является энергией движения, а первая зависит лишь от взаимного расположения предметов. Если система подвергается внешним воздействиям, то энергия переходит из одной формы в другую. Не все предметы обладают потенциальной энергией, например, *дом*, в то время как *кирпич*, находящийся на определённой высоте (на балконе, на крыше дома) такой энергией обладает. Признак «энергия» свойствен только неодушевлённым существительным, которые служат названиями предметов и явлений реальной действительности, т.е. являются конкретными [Сальников 1977: 282-284].

Сравнение понятий, стоящих за двумя сходными по форме семантическими признаками – «потенционность» у У. Чейфа и «потенциальная энергия» у Н. Сальникова, позволяет заметить, что они не только не совпадают по содержанию, но и находятся на разных местах в иерархии признаков. Признак «потенционность / непотенционность» занимает более высокое положение, поскольку среди «непотенционных» субстанций можно далее выделить предметы, обладающие потенциальной энергией (*кирпич, бревно, песок, пуля*) и не обладающие ею (*дорога, холм, поляна*).

Разделяемый нами номинативный подход к разделению существительных на ЛГР выдвигает на передний план следующие задачи:

а) уточнение номенклатуры грамматически релевантных семантических признаков;

б) установление иерархии семантических признаков (которая, однако, может варьироваться в зависимости от анализируемого в данный момент фактического материала);

в) распределение существительных по ЛГР с оптимальной для типологии предложения степенью дробности.

При описании системы семантических признаков существительных мы будем продвигаться от вершины иерархии вниз. На вершине находятся самые общие признаки, на основе которых выделяются наиболее обширные классы слов. На следующей ступени расположены менее объёмные признаки, при учёте которых внутри классов слов разграничиваются более мелкие группы. Так, по мере движения вниз, мы доходим до признаков, характерных для самых мелких, но грамматически ещё релевантных групп слов. Ещё ниже будут располагаться предельно узкие и даже уникальные семы и, соответственно, подгруппы существительных и отдельные слова, описание которых представляет интерес уже для лексикологов.

Система номинативных семантических признаков существительного предстаёт в следующем виде:

- конкретность – абстрактность;
- одушевлённость – неодушевлённость;
- личность – неличность;
- потенционность – непотенционность;
- обладание энергией – необладание энергией;
- отчуждаемость – неотчуждаемость.

Наложение данной системы признаков на слова, составляющие часть речи (ЧР) существительное, даёт **семь** его лексико-грамматических разрядов:

1) ЛГР неконкретных существительных, в который входят слова, обозначающие разного рода абстрактные понятия (*демократия, справедливость, дружба, ненависть*), и существительные, являющиеся производными от других ЧР (*синева, красота, деление, бег, пятёрка* и т. п.);

2) ЛГР антропонимов (*отец, мальчик, студентка*);

3) ЛГР зоонимов (*собака, лошадь, попугай*);

4) ЛГР существительных, обозначающих природные явления (*ветер, дождь, наводнение, молния*), неприродные явления, производные от действий явления (*взрыв, выстрел, удар*), а также так называемые «самодвижущиеся» технические средства и предметы вооружения (*автомобиль, мотоцикл, корабль, кран; снаряд, граната, осколок*);

5) ЛГР существительных, которые обозначают предметы, способные под влиянием каких-нибудь внешних сил оказывать воздействие

на другие предметы (*кирпич, дерево, топор, нож, дверь, доска*);

6) ЛГР «части тела человека или животного» (*рука, нога, кулак, палец*);

7) ЛГР других конкретных существительных, негативно охарактеризованных по линии всех указанных выше признаков (*дом, сад, небо, поле*); при необходимости подобные слова могут быть далее классифицированы с использованием дополнительных семантических признаков.

Соответствующие ЛГР существительных, естественно, выделяются и на материале других сопоставляемых языков.

1.1.3.1. Субкатегории агенса

В качестве агенса в предложениях физического воздействия могут выступать различные **конкретные** субстанции, способные оказывать физическое воздействие на пациенс. Существительные, обозначающие такие субстанции, входят во все, кроме седьмого, перечисленные выше ЛГР.

Анализ фактического материала показал, что для синтаксически релевантной субкатегоризации агенса физического воздействия достаточно различать только **три** его подтипа:

1) агенс-антропоним, в роли которого выступают существительные первого ЛГР, характеризующиеся семантическими признаками «одушевлённость» + «антропонимичность»: *Солдат отстранил его* (К. Федин);

2) агенс-зооним, в роли которого выступают существительные второго ЛГР, характеризующиеся признаками «одушевлённость» + «неантропонимичность»: *В саду щипал траву привязанный к дереву телок с белым пятном на лбу* (К. Паустовский);

3) агенс-каузатор, в роли которого выступают существительные третьего, четвёртого и пятого ЛГР, характеризующиеся признаками «потенционность» + «неодушевлённость» (3), «неодушевлённость» + «непотенционность» + «обладание энергией» (4), «неодушевлённость» + «непотенционность» + «необладание энергией» (5): *Потоки встухали, подмывали склоны* (К. Паустовский); *Ударная волна разрывов свалила его...* (В. Кожевников); *За окном ветер гнул молодые деревья, шумел листьями, нёс пыль* (К. Паустовский); *В одном из боёв осколок снаряда оторвал ему пальцы* (А. Кондаков); *При отдаче ракетница ударила его по виску* (И. Акулов).

Существительные шестого ЛГР включаются в первый (антропоним) или второй (зооним) тип агенса, в зависимости от выражаемой ситуации.

Если правомерность выделения двух первых субкатегорий агенса сомнений у синтаксистов обычно не вызывает, то относительно третьей ведутся споры, вплоть до исключения её из категории агенса. Под рубрикой **агенса-каузатор** оказываются объединёнными разные по номинативной природе субстанции и явления:

потенционные, т.е. обладающие способностью оказывать физическое воздействие на другую субстанцию (*ветер, ливень, наводнение*);

непотенционные по своей номинативной природе, но обычно воспринимаемые как потенциальные (*машина, танк; снаряд, пуля, осколок*);

непотенционные, но обладающие способностью приобретать в определённых условиях способность оказывать физическое воздействие на другие субстанции (*дерево, палка, кирпич*).

Самодвижущиеся технические средства и предметы вооружения, составляющие подгруппу (б), обычно оказываются в роли агенс-каузатора вследствие метонимического переноса, например: *Машина привезла картины утром* (С. Крутилин); *Два мостовых крана разгружали железнодорожные платформы* (В. Кожевников); *Туда же швырнула до пятка снарядов и пушка* (И. Акулов).

Многие субстанции в ситуациях физического воздействия агенса на пациенс регулярно выступают также в роли инструмента / средства, что и вызывает разногласия при описании их статуса в семантике конструкций, особенно в тех из них, в которых формы выражения агенса и инструмента совпадают (пассивная и безличная конструкции).

В связи с этим возникает необходимость в дальнейшей **субкатегоризации** агенс-каузатора.

Мы предлагаем разграничивать:

а) агенс-каузатор с функцией **причины**. В данной роли выступают потенциальные субстанции (явления природы), которые посредством языка часто осмысливаются как самодостаточные производители действия, т. е. как полноценные агенсы. Но в других ситуациях им может быть свойственна и роль причины физического действия-состояния субъекта. Ср.: *Ветер колышет листья деревьев* (агенса-каузатор) – *Листья деревьев колышутся от ветра* (причина); *Сквозняк распахнул дверь* (агенса-каузатор) – *Дверь распахнулась от сквозняка* (причина);

б) агенс-каузатор с функцией **инструмента**. В этой роли выступают неприродные явления и самодвижущиеся технические средства, которые, будучи в реальности непотенционными, регулярно воспринимаются нами как потенциальные, т. е. как агенсы. При этом они, однако, тесно ассоциируются с деятельностью человека и часто выполняют в ситуации роль инструмента. Ср.: *Взрыв разрушил перемычку плотины* (агенса-каузатор) – *Строители гидроэлектростанции точно рассчитанным взрывом за одну минуту перекрыли русло реки* (инструмент);

Танки с ходу раздавили гусеницами землянку (А. Иванов) (агенса-каузатор) – *Одним танком можно было бы всю их оборону смести* (А. Иванов) (инструмент);

в) «**пациентивный**» агенса-каузатор. В этой роли выступают непотенционные субстанции, которые, выполнив в предшествующей ситуации роль пациента, в другой ситуации приобретают способность (потенционную энергию) играть роль агенса-каузатора, например: *Недалеко от обрыва лежала вывороченная бурей толстая ель, припахивающая гнильцой и плесенью. Падая, она вырвала вместе с корнями и поставила плашмя большой пласт дёрна* (М. Бубённый); *Павлик вбежал на крыльцо, распахнутая им дверь толкнула какого-то человека* (Ю. Нагибин).

Еще раз подчеркнём, что во всех указанных выше случаях мы имеем дело именно с разными подтипами агенса-каузатора, а не с причиной, инструментом или пациенсом. Объединяет все три подтипа агенса-каузатора в единую субкатегорию номинативный признак «обладание энергией», который и даёт им возможность в соответствующих ситуациях оказывать физическое воздействие на другую субстанцию.

Таким образом, агенса-антропоним, агенса-зооним и агенса-каузатор представляют собой субкатегории одного актанта – агенса. Таково современное состояние русского языка, поэтому как абсолютизировать, так и игнорировать различия, существующие в экстралингвистической действительности между денотатами перечисленных субкатегорий агенса, достаточных оснований у нас нет.

1.1.3.2. Субкатегории пациента

При классификации пациентивных существительных основным дифференцирующим признаком оказывается «одушевлённость / неодушевлённость» субстанции, выступающей в качестве объекта физического воздействия.

С опорой на данную оппозицию выделяются два ЛГР конкретных существительных:

1) существительные, обозначающие одушевлённые субстанции – людей и животных;

2) существительные, обозначающие все остальные (неодушевлённые) субстанции.

Конечно, можно было бы использовать и более дробную категоризацию пациента – номенклатура пациентивных ЛГР существительных это позволяет. Однако здесь мы руководствовались положением о том, что в обусловленности категорий выделяются две стороны – денотативно-отражательная и языковая [Бондарко 1978: 88]. Именно языко-

вая сторона рассматриваемой категории продиктовала нам решение ограничиться только двумя субкатегориями:

а) **одушевлённый** пациент: *Лозневой волоком потащил Черню с огорода* (М. Бубеннов); *Подстегнули коней* (В. Шукшин);

б) **неодушевлённый** пациент: *Кульчицкая листала словарь* (Ю. Нагибин); *Алексей круто повернул лодку* (И. Лазутин).

Итак, определив субкатегории агенса и пациента, мы можем теперь с оптимальной степенью подробности проанализировать лексико-грамматическое наполнение агентивной и пациентивной позиций в синтаксических конструкциях, выражающих рассматриваемую семантическую структуру в сопоставляемых языках.

1.1.4. Синонимия и вариантность в семантико-функциональном поле физического воздействия в русском, английском и венгерском языках

Несмотря на огромную литературу вопроса, многие проблемы, связанные с синтаксической синонимией, ещё не нашли своего удовлетворительного решения. Под сомнение подчас ставится не только практическая полезность изучения данного явления, но и реальность его существования как одного из механизмов, функционирующих в языковой системе. Дело осложняют дискуссионность критериев синонимичности конструкций и недифференцированное использование целого ряда смежных терминов, таких как синоним, вариант, перифраза, конверсив, трансформ, дублет и т.п.

Синтаксическими **синонимами** мы считаем конструкции, которые характеризуются тождественностью компонентов в ситуативно-структурном аспекте при наличии расхождений в составе реализуемых ими компонентов релятивно-структурного аспекта.

Соответственно, при анализе на предмет синонимичности / несинонимичности предложения первоначально исследуются в ситуативно-структурном аспекте с целью установления наличия / отсутствия общности между ними. Затем, в рамках релятивно-структурного аспекта, внимание сосредоточивается на выявлении свойственных им категориально-грамматических различий.

Таким образом, синонимичность / несинонимичность синтаксических конструкций наиболее оптимальным способом выявляется при их последовательном анализе в двух указанных подаспектах номинативного аспекта устройства предложения.

По принятому нами определению две (три и более) формы представляют собой **варианты** при общности хотя бы одного компонента их номинативной семантики. Однако соотносительные в целом варианты формы могут выражать и разные компоненты номинативного

значения. В таких случаях формы находятся в отношениях **дополнительной дистрибуции**, и в конкретных речевых ситуациях может использоваться только одна из них.

Следовательно, понятие «вариант» по своему объёму шире, чем «синоним» (см. об этом подробнее [Копров 2010: 54-61]).

1.1.4.1. Лексико-грамматическое наполнение конструкций поля физического воздействия

1. Личная активная конструкция.

В агентивной позиции здесь могут встречаться существительные всех возможных ЛГР: *Ребята бросали топоры и пилы* (В. Кетлинская); *Всю ночь за стеной мыши грызли декорации* (К. Паустовский); *Злой ветер трепал их одежды* (М. Бубённый); *В это время воздух сотрясали совсем уже недалёкие гранатные разрывы* (А. Иванов); *Занемевшие пальцы рванули спуск* (В. Астафьев); *Паровозик подвёл новые платформы* (В. Кетлинская); *Вода, вытесненная взрывом из своего ложа, с силой толкнула понтон* (Ю. Нагибин); *Пуля пробила газету в вершке от фотографии* (Ю. Нагибин).

В функционально ограниченном варианте данной конструкции – определённо-личном предложении – в качестве агенса всегда выступает антропоним: *Обслуживаю самолёт комэска* (А. Чаковский); *Буду делать посуду из глины* (И. Калашников).

В пациентивной позиции находятся существительные шести ЛГР: *Настёха резко оттолкнула Дуняшу* (Ю. Нагибин); *Пыжиков погнал телят сам* (С. Залыгин); *Табола вскинул топор и отсёк кисть* (А. Ананьев); *Гребцы притабанили струг* (В. Шукшин); *Илька взял шест* (В. Астафьев); *Они вместе создавали оранжевую* (В. Кетлинская).

2. Трёхчленная пассивная конструкция.

В агентивной позиции здесь встречаются существительные тех же ЛГР, что и в соответствующей позиции предыдущей конструкции: *Такие деликатесы, как редька и чеснок, были извлечены из подполья Ириной Матвеевной по случаю предстоящего серьёзного дела* (С. Залыгин); *Первые участки леса были съедены гусеницей* (К. Паустовский); *Нагромождение скал омывалось волнами* (В. Кетлинская); *Все были разбужены резкой остановкой поезда* (В. Богомолов); *Лебедев был оглушён взрывной волной...* (В. Кожевников); *... кусты помяты, растоптаны машинами и людьми* (М. Бубённый); *Несколько домиков, стоявших у леса, были раскиданы бомбами до последних венцов* (М. Бубённый).

В пациентивной позиции используются существительные тех же ЛГР, что и в личной активной конструкции (см. приведённые выше примеры).

3. Трёхчленная безличная конструкция.

В агентивной позиции здесь встречаются существительные (3)-(5) ЛГР: *Только полой **водой** его и подняло* (К. Паустовский); ***Волной** замочило руки выше локтя* (А. Толстой); *Их **танками** пораздавило...* (А. Платонов); *Его сильно ушибло **бревном*** (В. Астафьев); *Одним **снарядом** у танка выбило колесо-ленивец, другим – заклинило башню* (М. Бубёнов).

Можно также представить окказиональную ситуацию, в которой в качестве агенса выступит антропоним или зооним. Например, предложение *Прохожего убило **свиньей*** описывает реальную ситуацию, в ходе развития которой свинья упала с балкона многоэтажного дома, на котором её содержали, и придавила проходившего внизу человека.

В пациентивной позиции встречаются существительные тех же ЛГР, что и в личных конструкциях (см. приведённые выше примеры).

4. Неопределённо-личная конструкция.

Хотя в данной конструкции агенс не лексикализован, в её семантике представлен агенс-антропоним. Это подтверждает возможность трансформации в неопределённо-личную конструкцию только личной активной конструкции с агенсом-антропонимом: *Лазутчиков увела **специальная группа**...* (В. Кожевников) → *Лазутчиков увели.*

В пациентивной позиции здесь встречаются существительные тех же разрядов, что и во всех предыдущих конструкциях: ***Леонтия** развязали* (В. Шукшин); *По моей просьбе в погреб спустили **кошку*** (В. Богомолов); *Степану прорезали **ногу*** (В. Шукшин); ***Самолёт** починят* (В. Кожевников); ***Гидростанцию** построили* (К. Паустовский).

5. Двучленная пассивная конструкция.

Агенс в двучленном пассиве не лексикализуется, однако на его категориальный тип часто указывает сама ситуация, семантика глагола, контекст. Как показывает трансформация таких предложений в трёхчленный пассив, в качестве агенса здесь выступают существительные всех агентивных разрядов: *Первый раз в жизни из рук **сержанта Захарова** был выбит пистолет* (И. Лазутин) (*бандитом* – агенс-антропоним); *Все кусты на поляне были обглоданы (лосями, козами, зайцами – агенс-зооним); Почти все палатки были сорваны* (В. Кетлинская) (*ветром* – агенс-каузатор).

В пациентивной позиции здесь встречаются существительные всех ЛГР, за исключением синтетической формы пассива, в которой использование одушевлённого пациенса иногда приводит к контаминации собственному пассивного и возвратного значения, например: *Ребёнок **кушается** (матерью – пассивность или сам – возвратность)*. Во многих случаях снятию подобной двусмысленности способствует ситуация, контекст, например: *... все подозрительные задерживаются до выяснения личности* (В. Богомолов).

6. Двучленная безличная конструкция.

Как в двух предыдущих конструкциях, агент здесь не лексикализован. Однако трансформационный анализ показывает, что в качестве агента может выступать только агент-каузатор, например: *Его сбilo с ног (ветром, волной, машиной, ударом и т.п.)*.

Лексическое наполнение пассивной позиции не ограничено.

1.1.4.2. Синонимические ряды в поле физического воздействия

Как показал анализ фактического материала, в семантической структуре предложений различных конструктивных типов возможны **шесть** комбинаций субкатегорий агента и пациента:

- 1) агент-антропоним – ФВ – одушевлённый пациент;
- 2) агент-антропоним – ФВ – неодушевлённый пациент;
- 3) агент-зооним – ФВ – одушевлённый пациент;
- 4) агент-зооним – ФВ – неодушевлённый пациент;
- 5) агент-каузатор – ФВ – одушевлённый пациент;
- 6) агент-каузатор – ФВ – неодушевлённый пациент.

Синтаксические конструкции, объединённые по принципу общности выражаемого подтипа семантической структуры (1)-(6), составляють шесть **синонимических рядов**.

Однако между конструкциями – конститuentами поля ФВ в сопоставляемых языках выявляются и существенные различия: не все из них находятся в синонимических отношениях между собой.

В русском языке личная активная, трёхчленная пассивная вербальная и обе партиципальные конструкции входят в состав всех синонимических рядов (1)-(6), так как в них может фигурировать агент любого субкатегориального типа, и, следовательно, они отличаются самой широкой синонимичностью: *Мальчик (собака / течение) принёс утку / палку – Утка / палка была принесена мальчиком (собакой / течением) – Утка / палка была принесена*.

Двучленная пассивная вербальная конструкция «подключается» к указанному синонимическому ряду, если в её пассивной позиции находится неодушевлённый пациент, а в качестве имплицированного выступает агент-антропоним, агент-зооним или агент-каузатор: *Палка приносится (мальчиком / собакой / течением)*.

Неопределённо-личная и личная активная конструкции вступают в синонимические отношения с перечисленными выше предложениями только тогда, когда последними выражается агент-антропоним: *Утку / палку принесли – Мальчик принес утку / палку – Утка / палка была принесена мальчиком – Утка / палка была принесена*.

Напротив, безличные конструкции будут синонимичны исходному ряду конструкций, только если ими выражается агент-каузатор: *Утку / палку принесло течением – Утку / палку принесло – Течение принесло*

утку / палку – Утка / палка была принесена **течением** – Утка / палка была принесена.

Таким образом, в русском языке только личной активной, определённо-личной, трёхчленной пассивной вербальной и обеими партиципальными конструкциями выражаются все шесть подтипов рассматриваемой семантической структуры. Двучленной пассивной вербальной конструкцией реализуются подтипы (2), (4), (6). Остальными конструкциями обозначается только по два подтипа семантической структуры: определённо-личной и неопределённо-личной – (1) и (2); трёхчленной и двучленной безличными – (5) и (6).

Синонимическую структуру поля физического воздействия в русском языке с позиции субкатегориального типа агенса представляет рис. 2.

Рис. 2. Синонимические ряды в семантико-функциональном поле физического воздействия.

Для **английского** языка, в отличие от русского, подобная субкатегоризация актантов синтаксически не релевантна, поскольку здесь все три имеющиеся в СФП ФВ конструкции **синонимичны** друг другу при любом лексико-грамматическом наполнении их агентивных и пациентивных позиций:

The boy / dog / wave pushed the girl / ball – The girl / ball was pushed by the boy / dog / wave – The girl / ball was pushed.

Для **венгерского** языка важно противопоставление двух субкатегорий агенса: агенса-антропонима и агенса-неантропонима (субкатегории, объединяющей агенса-зооним и агенса-каузатор).

Здесь, как в русском и английском языках, агенсом ядерного личного предложения может выступать любая конкретная потенционная субстанция: *Viktor / macskam nem iszik semmilyen szeszes italt* (Виктор / моя кошка не пьёт спиртные напитки).

Агеном неопределённо-личного предложения, как в русском языке, может быть только агенса-антропоним: *Még nem láttatották az útlevelemet* (В моем паспорте ещё не поставили визу).

В деепричастном предложении, как в русском и английском двучленном пассиве, категориальная характеристика агенса нейтрализована: *A ruha el van szakadva* (Одежда разорвана).

Ср. венгерские синонимичные конструкции (личное, неопределённо-личное и деепричастное предложения): *A költövesek a városban sok új házat építettek* (Каменички построили в городе много новых домов) – *A városban sok új házat építettek* (В городе построили много новых домов) – *A városban sok új ház fel volt építve*.

Таким образом, рассмотрев устройство семантико-функционального поля физического воздействия русского, английского и венгерского языков в ситуативно-структурном аспекте, мы получили следующие результаты:

с применением единых номинативных критериев была выявлена синонимичность / несинонимичность (дополнительность) конститuentов данного поля в каждом из сопоставляемых языков;

создана основа для дальнейшего поаспектного анализа семантики и сопоставления синонимических рядов в трёх языках.

1.2. Средства выражения физического воздействия в релятивно-структурном подаспекте

При анализе предложений в релятивно-структурном подаспекте мы исходим из положения о том, что в языках номинативного строя «поверхностное» оформление актантов осуществляется не только в соответствии с ролями в семантической структуре предложения, но и с

семантикой «категориально-грамматической рамки», накладываемой на актанты в процессе порождения высказывания.

Таким образом, в пределах релятивно-структурного подаспекта предметом изучения являются **категориально-грамматические характеристики** актантов, которые они получают при занятии информативно обязательных позиций в синтаксических конструкциях.

В сопоставляемых языках релятивно-структурный подаспект устройства предложения составляют следующие **грамматические категории**:

- 1) подлежащность / бесподлежащность и соотносённая с ней в русском и венгерском языках категория личности / безличности;
- 2) залог и залоговость;
- 3) определённость / неопределённость (обобщённость) актантов.

1.2.1. Залог и залоговость

1.2.1.1. О концепциях категории залога и залоговости в языках номинативного строя

Существование оппозиции **действительный (активный) / страдательный (пассивный)** залог в предложениях языков номинативного строя обусловлено господством в структуре их предложений имени в первом (именительном) падеже – подлежащего. Не случайно в языках эргативного строя залоговое противопоставление отсутствует.

В теории категории залога, несмотря на то, что она уже почти два столетия находится в центре интенсивных научных поисков, до сих пор имеется немало спорных моментов. Подробные обзоры залоговых концепций приведены в работах [Мучник 1971; Королёв 1969: 199-215; Фюреди 1976; Зимек 1978: 79-87] и др.

Указывая на сложную и противоречивую природу залога в русском языке, В.В. Виноградов определил его как явление, лежащее на самой пограничной черте между грамматикой (ближе к синтаксису предложения, чем к морфологии), лексикологией и фразеологией [Виноградов 1972: 476-494]. Грамматическая категория залога находится в центре семантико-функционального поля залоговости [Бондарко 1978; 1983: 418]. Многоуровневость залога требует применения полевого подхода в данной сфере.

В свете многоаспектного подхода к анализу устройства предложения в структуре поля залоговости прослеживаются следующие линии:

- 1) соотношение компонентов синтаксической структуры предложения с компонентами его семантической структуры;
- 2) взаимодействие категории залога и залоговости с категориями и субкатегориями семантических актантов и с лексико-грамматическими разрядами выражающих их слов;

- 3) связь компонентов залоговости с лексико-грамматическими разрядами признаковых глагольных лексем;
- 4) зависимость залоговых форм от видо-временных характеристик признакового компонента;
- 5) взаимосвязь залоговости с категориями подлежащности / бесподлежащности и личности / безличности;
- 6) взаимосвязь залоговости с категорией определённости / неопределённости семантических актантов;
- 7) взаимодействие залоговости и категории порядка слов.

Разделяемая нами трактовка категории залога восходит к высказыванию В.А. Богородицкого о том, что «если действительный залог обозначает действие, которое производится субъектом над кем-либо или чем-либо, то это же самое действие может быть представлено и со стороны испытывающего его объекта; глагольные выражения такого обратного действия носят название страдательного залога» [Богородицкий 1935: 165].

С данным определением категории залога связаны её важнейшие характеристики.

1. Залог – это **синтактико-морфологическая** (а не морфологическая или чисто синтаксическая) категория, поэтому её анализ неразрывно сопряжён с изучением семантико-структурного устройства предложения. При этом синтаксическая составляющая залога для языков номинативного строя является универсалией, а морфологическая варьирует от языка к языку. Функционирование категории залога в конкретном языке самым тесным образом связано с лексико-грамматическими разрядами используемой в залоговых конструкциях лексики.

2. Синтаксическая сущность категории залога заключается в возможности **изменять соответствие** между двумя рядами компонентов: актантами семантической структуры предложения (субъектом и объектом / объектами) и компонентами синтаксической структуры предложения (подлежащим и дополнением / дополнениями).

Если в реальной предметной ситуации и отражающей её семантической структуре предложения действие всегда **направлено** от его производителя (семантического субъекта) к объекту, то в синтаксической структуре выражающих её залоговых конструкций эта направленность может или сохраняться, или изменяться на противоположную. Причины и следствия такого варьирования направленности отношения (ракурса, точки зрения говорящего и т. п.) описываются лингвистами с разных теоретических позиций [Тимофеев 1958: 8-10; Смирницкий 1959: 265-267; Гухман 1964: 8-14; Шендельс 1970: 112, 124; Адамец 1973: 99-100; Бондарко 1978: 59-60; Буланин 1986].

1.2.1.2. Категория залога в русском, английском и венгерском языках

Опираясь на вышеизложенное, определим залоговую семантику актантов, приобретаемую ими в активных и пассивных конструкциях.

Рассмотрим типичные предложения, которые противопоставляются по линии категории залога как активная – *Мальчик сломал игрушку* и пассивная – *Игрушка была сломана мальчиком*.

Оба предложения выражают одну и ту же двуактантную семантическую структуру «агенса – физическое воздействие – пациенс».

В **действительной** (активной) конструкции в качестве носителя глагольного признака – подлежащего – выступает агент, в качестве зависимой субстанции – дополнения – представлен пациент. Грамматическая направленность признака от подлежащего к дополнению – «центробежность» – совпадает здесь с ситуативной (реальной) направленностью действия от агенса к пациенту. Тем самым ситуативная роль агенса как производителя признака получает грамматическую поддержку, т. е. усиливается, и **агент** в позиции подлежащего приобретает залоговый признак «**активность**». Ситуативная роль пациента как предмета, подвергаемого физическому воздействию, грамматически также подчёркивается, и **пациент** характеризуется как «**пассивный**» участник кодируемой предложением ситуации.

В **страдательной** (пассивной) конструкции в качестве носителя признака – подлежащего – выступает пациент, а производитель действия – агент – представлен дополнением как зависимый синтаксический компонент. Грамматическая направленность признака – «центробежность» – противоречит здесь его ситуативной направленности, которая выглядит здесь как «центростремительная» (от дополнения к подлежащему). Тем самым пассивный участник ситуации – **пациент** – в позиции подлежащего грамматически как бы «**активизируется**», а производитель воздействия – **агент** – в позиции дополнения «**пассивизируется**». См. в этой связи высказывание А.А. Потебни о том, что «в предложении *Книга эта читается всеми* книга делает так, что все её читают. Конечно, такая самодеятельность субъекта страдательного сказуемого фиктивна, но она действительна в грамматическом смысле как способ изображения» [Потебня 1958: 100].

Схематично залоговую семантику актантов можно представить следующим образом:

Активная конструкция

агент	– воздействие →	пациент
<u>Мальчик</u>	<u>сломал</u>	<u>игрушку</u>

подлежащее – сказуемое → дополнение
 «**активность**» «**пассивность**»

Пассивная конструкция

пациент ← воздействие – агент
Игрушка сломана мальчиком
 подлежащее → сказуемое – дополнение
 «**активность**» «**пассивность**»

В зависимости от видо-временной семантики признакового компонента в русском языке пассивное значение выражается двумя конструкциями – вербальной: Книга **читается** девочкой и партиципальной: Книга **(была) прочитана** девочкой.

Некоторые разногласия возникали у исследователей при определении залоговой семантики **неопределённо-личной конструкции**, поскольку в ней отсутствует лексически заполненная позиция подлежащего. См. высказывание И.П. Распопова о том, что позиция подлежащего здесь оказывается частично разрушенной [Распопов 1970: 77-79]. Мы полагаем, что агент представлен в данной конструкции особым образом – синтаксическим нулём.

Используя понятия, применённые при анализе семантики активной и пассивной конструкций, опишем залоговую семантику неопределённо-личной конструкции следующим образом:

пациент ← действие – агент
Дверь захлопнули ∅
 дополнение ← сказуемое – подлежащее
 «**пассивность**» «**активность**»

Грамматическая направленность признака здесь совпадает с ситуативной, как это имеет место в активной конструкции, и значение грамматической «**активности**» у агента отчётливо ощущается во многих примерах: Но его схватили, ахнули оземь, придавили коленями (В. Астафьев); Сегодня ночью на реке иллюзы открыли (К. Паустовский).

В **английском** языке категория залога представлена одной оппозицией форм: активная вербальная конструкция / пассивная партиципальная конструкция: The boy broke the toy (Мальчик сломал игрушку) – The toy **was broken** by the boy (Игрушка была сломана мальчиком).

Субъект в активной конструкции выступает как грамматически «активный», а в пассивной – как «пассивный». Объект, соответственно, также имеет в залоговых конструкциях противоположные грамматические признаки: «пассивность» в активной конструкции и «активность» – в пассивной.

Как показывает анализ фактического материала, категория англий-

ского залога отличается от русского **более широкой** сферой функционирования, которая охватывает следующие дополнительные области.

1. В качестве носителя грамматического признака в пассивной конструкции может выступать практически объект, выраженный не только прямым, но и **косвенным** дополнением: *It was thought about* (ср. с русской неопределённо-личной конструкцией: *Об этом подумали*).

2. Залоговые преобразования здесь возможны по отношению не к двум актантам, как в русском языке (субъекту и объекту), а к трём актантам: субъекту, объекту и **адресату**: *The teacher gave me the book / The teacher gave the book to me* (Учитель дал мне книгу) → *The book was given to me (by the teacher)* → *I was given the book (by the teacher)*. См. также [Иванова-Мицевич 2008; 2010].

3. В пассиве может употребляться семантическая структура с **локализатором**, не свойственная ни русскому, ни венгерскому языкам: *Nobody lived in this room* (Никто не жил в этой комнате) → *This room was not lived in*.

Таким образом, в английском пассиве в позиции носителя грамматического признака (подлежащего) может выступать **любой** семантический актант.

4. Наблюдается более частотное, чем в других сопоставляемых языках, использование пассивной конструкции с имплицитным (неопределённым, обобщённым) субъектом – **двучленного пассива**: *The dinner wasn't eaten* (ср. с двумя вариантными русскими конструкциями: *Обед не был съеден / Обед не съели*).

5. В трёхчленных пассивных конструкциях английского и русского языков отмечены значительные расхождения в количественном соотношении агентов различных **субкатегориальных типов**. Так, если в русском пассиве соотношение агентов-антропонимов и агентов-каузаторов различных подтипов приблизительно равно (агент-зооним представлен единичными примерами), то в английском пассиве частотность неодушевлённого агента (каузатора и зоонима) возрастает до двух третей всех пассивов. Такая диспропорция объясняется, в частности, тем, что в русском языке для выражения «неактивности» агента-каузатора во многих случаях используется не пассив, а специальная безличная вербальная конструкция типа *Ветром сорвало крышу*, в то время как в английском языке вследствие отсутствия таковой применяется пассив.

6. В английском языке, с его более фиксированным порядком слов, залоговые конструкции чаще, чем в других сопоставляемых языках, используются для передачи вариантов **коммуникативной перспективы** высказывания (подробнее об этом будет сказано ниже).

Таким образом, в семантико-структурном устройстве предложения английского языка категория залога играет более важную роль,

чем в русском языке, здесь её формы берут на себя функции, выполняемые в русском языке другими категориями – личности / безличности и определённости / неопределённости актантов. Более тесно английские залоговые преобразования связаны и с категорией порядка слов.

В венгерском языке сам факт наличия грамматической категории залога часто ставится лингвистами под сомнение.

Так, в работе К. Болла, Э. Палл и Ф. Паппа констатируется очень слабая выраженность категории залога в венгерском языке [Болла 1977: 409, 483].

Как отметил А. Шальга, само слово «залог» на венгерский язык не переводится: ни один вариант его перевода (*igéalak, változat*) не может адекватно передать сущность этого грамматического термина [Шальга 1984: 51].

Л. Дэйж, считая, что венгерский язык не имеет парадигматического оформления страдательного залога, признаёт возможность преобразования исходной (активной) диатезы в пассивную и приводит много соответствующих примеров. Например, русскому двучленному пассиву с глаголом несовершенного вида типа *Дом строится* соответствуют две венгерские конструкции: а) деепричастная: *A ház épül*; б) неопределённо-личная: *A házat építik*. Кроме таких способов передачи пассивной диатезы здесь имеется и ряд других периферийных конструкций. Однако в целом венгерский язык, по мнению автора, противопоставляется русскому как язык без пассивных конструкций языку, представляющему собой один из подтипов выражения пассива. Другой подтип, по мнению автора, представлен английским языком, в котором сфера употребления и формы выражения залога отличаются от русского [Дэйж 1984: 22-25].

На наш взгляд, в венгерском языке существование залоговых форм поддерживается синтаксической оппозицией **вербальная активная конструкция – деепричастная пассивная конструкция**. Ср., с одной стороны, с английским языком, где залоговая оппозиция (активная вербальная конструкция – пассивная партиципиальная конструкция) – единственная, и, с другой стороны, с русским языком, в котором категория залога опирается на более системное противопоставление актива двум формам пассива – синтетической (с глаголом на *-ся*) и аналитической (с краткой формой страдательного причастия) (см. об этом подробнее [Копров 2010: 140-145]).

Таким образом, венгерский язык по количеству грамматических способов выражения пассивности (окказиональная синтетическая и более регулярная аналитическая формы) располагается между русским языком (с его двумя категориально отмеченными формами) и английским языком (с его единственной аналитической формой), например:

Дело решается – Az ügy intéződik – The case is being solved;
Дело решено – Az ügy el van intézve – The case has been solved.

Итак, основной функцией категории залога как компонента релятивно-структурного подаспекта устройства предложения в сопоставляемых языках является грамматическая характеристика актантов семантической структуры.

1.2.1.3. Семантико-функциональное поле залоговости в сопоставляемых языках

Большой интерес для типологии **русского** предложения представляет анализ залоговой семантики синтаксических конструкций с глаголами на *-ся*.

Вопрос о языковой природе, значениях и функциях аффикса (постфикса, частицы) *-ся* является весьма спорным. Мы, вслед за многими учёными, видим в постфиксе *-ся* проявление агглютинативности в общем флективном строе русского языка (см. об этом [Пешковский 1938: 128; Виноградов 1972; Янко-Триницкая 1962: 30-36]).

Семантика постфикса *-ся* настолько многообразна и значима для типологии русских предложений, что оппозиция «глаголы без *-ся* / глаголы с *-ся*» использовалась даже в качестве формального критерия деления всех глаголов на два соответствующих класса [Светлик 1970]. Однако широкого применения в синтаксисе данный критерий пока не нашёл из-за отсутствия достаточно строгой и последовательной классификации самих возвратных глаголов. Иногда даже в синтаксических работах проблемы устройства предложения с глаголами на *-ся* растворяются в лексико-морфологических классификациях глаголов. В наименьшей степени данный недостаток присущ описаниям русских возвратных глаголов, произведённым А.А. Шахматовым, В.В. Виноградовым, Н.А. Янко-Триницкой, И.П. Распоповым, О.В. Чагиной и другими лингвистами.

В работе А.А. Шахматова подробно рассматривается отдельная залоговая группа глаголов на *-ся*, именуемая учёным возвратным залогом. Составляющими возвратного залога являются:

а) собственно-возвратный залог – действие глагольного признака направлено на сам субъект (*умываться, румяниться, обуваться*);

б) обще-возвратный залог – действие также приходится на объект, но последний уже не мыслится как производитель действия (*озариться, распусться, радоваться, беспокоиться, стараться, улыбаться*);

в) косвенно-возвратный залог – действие мыслится как производимое субъектом косвенно на него же (*я отстрочился, посеюсь*); и косвенно-результативно-возвратный залог (*разбушеваться, намучиться*,

наплясаться);

г) взаимно-возвратный залог – действие субъекта и объекта взаимно направлено (*бороться, сговориться, соглашаться*);

д) пассивно-возвратный залог – интенсивность действия глагольно-го признака указывает на его независимость от производителя действия (*мне хочется, мне кажется, думается, не спится*);

е) кратно-пассивно-возвратный залог – интенсивность действия указывает на его производителя и даже характеризует его (*белеется парус, кто-то стучится, балуется; Коля дерется, бросается бумажками, собака кусается*).

Но одна из групп выделяется А.А. Шахматовым как обособленная, это – страдательно-возвратный залог; он развивается из собственно-возвратного залога, когда глагол относится к неодушевлённому предмету, и из обще-возвратного, когда при глаголе имеется название производителя действия в творительном падеже (*ветка наклонилась ветром к земле*) [Шахматов 1941]. См. также [Виноградов 1972; ГРЯ 1952; Распопов 1984: 92-94].

Отличительной чертой классификации Н.А. Янко-Триницкой является последовательный синтаксический характер. Путём сопоставления конструкций с возвратными и невозвратными глаголами выявляется субъектная и объектная семантика. Общее значение частицы *-ся* определяется как «усиление самостоятельности действия». Поэтому, будучи присоединённой к переходному глаголу, частица лишает глагол связи с объектом, устраняя его различными способами, а будучи присоединённой к непереходному глаголу, она лишает глагол связи с субъектом действия. В зависимости от характера устранения прямого объекта невозвратного переходного глагола все значения возвратных глаголов подразделяются на отоъектные и отсубъектные [Янко-Триницкая 1962: 243-246].

Подробную классификацию возвратных глаголов в семантико-синтаксическом плане предлагает в своих работах О.В. Чагина. Автор выделяет 11 разрядов возвратных глаголов: собственно-возвратные, взаимно-возвратные, возвратные глаголы эмоций, возвратные глаголы количественных и качественных изменений (декаузативные глаголы), косвенно-возвратные, возвратно-каузативные, пассивно-качественные, активно-безобъектные, побочно-возвратные, возвратные глаголы пассивного значения, возвратные глаголы квазипассивного значения [Чагина 2009].

Анализ семантической структуры предложений с возвратными глаголами в релятивно-структурном подаспекте с позиций информативного минимума предложения позволяет нам уточнить некоторые классификационные рубрики, предложенные в работах Н.Н. Янко-Триницкой и О.В. Чагиной.

Исходя из приоритета **синтаксической** стороны в семантико-структурной классификации такого разнородного материала, каким является массив предложений с глаголами на *-ся*, в нём следует прежде всего выделить конструкции, являющиеся одной из форм выражения грамматической категории залога – **пассивного залога**. Различительным критерием здесь является наличие в структуре предложения имплицитной или эксплицитной формы пассивного субъекта. Ср. два предложения: *Все подозрительные задерживаются до установления личности* (двуактантная пассивная конструкция: пассивная форма глагола *задерживать*, пассивный неопределённый субъект действия) – *Они опять задерживаются* (одноактантная конструкция: возвратный глагол *задерживаться*).

Вторую большую группу составляют конструкции с глаголами на *-ся*, которые, не являясь формой грамматической категории залога, тем не менее входят в **СФП залоговости**. При этом, как показало наше исследование, часть из них тяготеет к сфере выражения активности субъекта, т. е. к **активным** предложениям, а другая часть – к сфере пассивности субъекта, т. е. к **пассивным** предложениям.

Анализ материала позволил нам включить в состав СФП залоговости следующие конструкции.

1. Предложения, в которых глагол включает (инкорпорирует) в своё значение ситуативно определённый (иногда – единственно возможный) неодушевлённый объект: *Курица несётся (яйца)*; *Он зажмурился (глаза)*; *Собака оскалилась (пасть)*.

2. Предложения с собственно-возвратными глаголами, указывающими на то, что действие имеет своим объектом самого субъекта: *Дети умываются*; *Она переоделась*.

Эти предложения, как известно, восходят к активным конструкциям, в которых объект был представлен формой винительного падежа энклитического местоимения *ся* (*себя*). Поэтому они располагаются в непосредственной близости от категориальной залоговой формы с активным субъектом. Ср.: *Песней она поддерживала себя, поддерживала окружающих* (Д. Гранин).

Однако, как отметил А.М. Пешковский, предложения с собственно-возвратными глаголами по смыслу не тождественны предложениям с невозвратными глаголами и местоимением *себя*. Предложение *Он застрелился* более цельно, чем более расчленённое *Он застрелил себя*. «Для нечаянного выстрела с выделением фактической стороны дела больше подходит второе, а для настоящего самоубийства, связанного с психологической цельностью акта, больше подходит первое» [Пешковский 1936: 129].

Думается, что в подобных примерах мы имеем дело с проявлением конкуренции грамматической формы – постфикса *-ся* и местоимения

себя как способов выражения одного и того же залогового значения – направленности действия субъекта на сам субъект, выступающий объектом действия. Кстати, в английском языке, имеющем только лексические средства выражения возвратности, реализация семантических различий, подмеченных А.М. Пешковским, невозможна. Более того, предложение *He shot himself* вне контекста отличается двусмысленностью: *Он застрелился* или *Он стрелял сам*.

3. Предложения с взаимно-возвратными глаголами, называющими действия субъектов, которые затрагивают ряд объектов, включающий и самого субъекта: *Они обнялись*; *Она поцеловалась с сестрой*. Сопоставляя такие предложения с обычными активными конструкциями, можно проследить за некатегориально выражаемыми в них оттенками реальной направленности действия:

а) *Они с братом обнялись* – *Они обняли друг друга* (действие взаимное, равнонаправленное; в первом предложении взаимность выражена грамматически, во втором – лексически);

б) *Он обнялся с братом* (действие взаимное, но доминирует направленность от субъекта *он* к объекту *брат*) – *Он обнял брата* (обычная для активных конструкций направленность действия от субъекта к объекту).

4. Предложения с глаголами на *-ся* в абсолютном употреблении подразделяются на две группы:

а) активно-безобъектные конструкции: *Она ругается*; *Корова бодается*. Субъектом действия в таких конструкциях является одушевлённый субъект – антропоним или зооним. Ни о какой семантической возвратности, т. е. направленности действия на сам субъект, здесь, разумеется, речи нет. Предложения данного типа интерпретируются нами как личные активные, грамматически выражающие действие активного субъекта, направленное на обобщённый объект;

б) качественно-возвратные конструкции: *Мел пачкается*. Сравнение предложений данного типа с предложением *Мел пачкает*, в котором абсолютно употреблен невозвратный глагол, показывает, что в обоих случаях речь идет об обобщённом объекте, но в первом это значение грамматически закреплено при помощи постфикса *-ся*. При этом и в том, и в другом предложении глагольный признак бывает осложнён модальными и видо-временными значениями, придающими субъекту значение вневременного действия, свойства.

5. Предложения с косвенно-возвратными глаголами, обозначающими действия, которые совершаются субъектом в своих интересах: *Старики запаслись на зиму топливом*. Здесь речь также идет о действии активного субъекта. Ср. с предложением с лексически выраженной возвратностью *Старики запасли себе на зиму топливо* и с предложением *Старики запасли на зиму топливо*, в котором значение «себе, для

себя, в своих интересах» не выражено.

6. Отдельную группу составляют предложения с возвратными глаголами ЛГР касания типа: *Он коснулся её руки; Она притронулась к его лбу*. В данных предложениях глагол инкорпорирует значение неотчуждаемого инструмента – части тела активно действующего субъекта (*рукой, пальцами, губами* и т.п.), которым он, собственно, и осуществляет контакт с объектом (см. об этом подробнее в Главе III настоящей работы).

7. Предложения с пассивно-возвратными глаголами (ЛГР зрительного и слухового восприятия, умственного действия). Субъект представлен здесь формой дательного падежа или синтаксическим нулём как грамматически пассивный, носителем грамматического признака выступает объект, занимающий позицию подлежащего: *Издалека слышались какие-то непонятные звуки; Ему вспомнилась поездка на Кавказ*. Предложения данного типа регулярно противопоставляются личным активным конструкциям: *Они слышали какие-то непонятные звуки; Он вспомнил поездку на Кавказ* (анализ залоговых конструкций с глаголами зрительного восприятия см. в Главе II).

8. Предложения с пассивно-возвратным глаголом ЛГР обладания *иметься*: *У них имеется трехэтажный дом*. В предложениях этого типа с пассивной семантикой субъект, который всегда является одушевлённым, представлен предложно-падежной формой как пассивный; объект выступает как грамматический носитель отношения обладания. Грамматическая направленность отношения (центростремительная) здесь противоположна его реальной центробежной направленности; ср. с активной конструкцией: *Они имеют трехэтажный дом* (см. об этом подробнее в Главе IV).

9. Предложения с так называемыми пассивно-каузативными глаголами, в которых активный каузирующий субъект является в то же время объектом действия другого неназванного или выраженного предложно-падежной формой пассивного субъекта: *Он подстригся* (он сделал так, что его подстригли); *Она лечилась у опытного невропатолога* (она устроила так, что её лечил опытный невропатолог). Такие предложения с осложнённой семантикой противопоставляются простым личным активным или неопределённо-личным предложениям, в которых каузатор действия представлен как его пассивный объект, а производитель действия выступает как активный: *Его подстригли* (неопределённый активный агенс); *Её лечил опытный невропатолог* (определённый активный агенс). Ср. также с пассивными предложениями: *Он подстрижен модным парикмахером; Она лечится / была вылечена опытным невропатологом*.

10. Пассивно-бессубъектные предложения: *Стекло бьётся; Золото хорошо куётся*. В предложениях данного типа выражается потенци-

альная возможность объекта подвергаться определённому физическому воздействию со стороны обобщённого субъекта.

Итак, в структуре русского СФП залоговости выделяется 10 типов конструкций с возвратными глаголами различных ЛГР. При этом предложения типов (1)-(6) относятся к сфере **активности**, а (7)-(10) – к сфере **пассивности** субъекта.

В современном **английском** языке в связи с отсутствием грамматической формы, эквивалентной русскому постфиксу *-ся*, оттенки залоговых значений выражаются **лексическими** средствами в рамках активных или пассивных конструкций.

Так, значения возвратности и взаимности реализуются как самим глаголом в активной форме (объект инкорпорирован в глагольную семантику), так и при помощи местоимений (*oneself, each other, one another*): *John dressed (himself)* (Джон оделся); *They kissed (one another)* (Они поцеловались) (см. об этом также в работе [Нестер 2006]).

Дж. Керм и О. Есперсен предложили выделить в английском языке так называемый «пассив действия», образуемый сочетанием глаголов *to get, to become* и пассивного причастия: *He got infuriated by her refusal* [Curme 1935; Есперсен 1958]. Подобные предложения, не входя в систему категории залога, составляют, тем не менее, конститuent СФП залоговости. Ср. с русскими предложениями с глаголами на *-ся* с причинным компонентом: *Он разъярился (рассердился) из-за её отказа* (критику «пассива действия» как особой формы английского залога см. в работах [Жигадло 1956; Воронцова 1960]).

Русские предложения с глаголами на *-ся* других семантико-структурных разновидностей переводятся на английский язык разными способами:

а) предложения типа *Он подстригся* передаются аналитическим путём: *He had his hair cut*;

б) *Ему вспомнился кошмар* – конструкцией с глаголом в активной форме: *He remembered the nightmare*;

в) *Внезапно послышался удар* – двучленным пассивом: *Suddenly a crash was heard*;

г) *Мне все еще не верится в это* – активной конструкцией с модальным глаголом и инфинитивом: *I still can't believe that*.

Различные оттенки залогового значения, которые исследователи относят к так называемому среднему (медиальному) залогу [Бархударов 1975: 111-112], чаще всего выражаются английскими предложениями с глаголами в активной форме: *The concert began* (Концерт начался); *The door opened* (Дверь открылась); *The book sells well* (Книга хорошо продаётся); *The dog bites* (Собака кусается).

Однако грамматическая невыраженность подобных значений в английском предложении переводит их описание в лексико-

семантическую плоскость.

В венгерском языке так называемые возвратные глаголы составляют целую подсистему форм, грамматически противопоставленных как активным, так и пассивным формам.

В отличие от русского языка с его единственным, но многофункциональным постфиксом *-ся* в венгерском языке суффиксы, выражающие оттенки залоговых значений, весьма многочисленны. Их можно разделить на две группы, в первую из которых входят суффиксы иковых глаголов, во вторую – безиковых. Все суффиксы первой группы являются вторичными: они состоят из первичных (простых) суффиксов, из которых *-d-*, *-z-* выступают в качестве последнего компонента. Эти суффиксы выражают очень близкие оттенки залоговых значений: возвратное, взаимное, пассивно-возвратное, общевозвратное. Суффиксы безиковых глаголов *-ul*, *-ül* выражают общевозвратные оттенки залогового значения и являются непродуктивными: *tanulni* (учиться) (см. об этом подробнее [Майтинская 1959: 103-107]).

Если рассматривать русские и венгерские конструкции с возвратными глаголами с типологической точки зрения, то между ними обнаруживается общность в образовании и функционировании. Здесь, как и в русском языке, возвратный глагол обозначает:

1) действие, субъектом и объектом которого является то же самое лицо или предмет, т. е. субъект совершает действие над самим собой (возвратность): *ruházkodni* (одеваться), *fésülködni* (причесываться), *borotválkozni* (бриться), *öltözni* (одеваться), *takarózni* (кутаться), *mosakodik* (мыться), *védekezik* (защищаться);

2) действие, происходящее между двумя лицами, когда оба лица являются одновременно и субъектами, и объектами действия (взаимность): *ölelkezni* (обниматься); *csókolózni* (целоваться); *találkozni* (встречаться); *birkózni* (бороться).

Конструкции со всеми перечисленными возвратными формами относятся к сфере **активности** (сопоставление возвратности и взаимности в венгерском, русском, английском и немецком языках см. [Дэжé 1984: 28-31]).

Суффиксы *-ód*, *-őd* могут использоваться для реализации пассивно-возвратного оттенка значения: действию подвергается предмет, обозначаемый подлежащим, а субъект действия не указан, например: *íródni* (писаться (быть написанным)): *A levél lassan íródik* (Письмо пишется медленно) (т. е. оно как бы само пишется).

Как уже отмечалось, в современном венгерском языке наблюдается тенденция использовать такие конструкции вместо двучленных пассивных. Однако между значениями пассивно-возвратной и пассивной суффиксации ещё ощущаются различия: в пассивно-возвратном примере *A levél megíródott* (букв. Письмо писалось) состояние объекта

представлено как бессубъектное (как будто само по себе); в пассивном примере *A levél megíratott* (Письмо было написано) субъект действия представлен имплицитно. Ср. с русскими предложениями: *Дверь открылась* – *Дверь открыта*.

Пассивно-возвратное значение часто легко переходит в различные подтипы общевозвратного значения. Например, в предложениях типа:

а) *A cukor a vízben oldódik* (Сахар растворяется в воде) наблюдается значение свойства объекта;

б) *A ruha gyűrődik* (Платье мнётся); *A bot nem hajlik* (Палка не сгибается) выражается значение состояния (свойства) объекта и его имплицитной причины.

См. также глаголы, передающие в предложениях различные другие виды общевозвратного действия: *gúnyolódni* (издеваться); *zavarodni* (смущаться); *nyalakodni* (лакомиться); *változni* (меняться); *fogódzni* (держаться); *keveredni* (смешиваться); *maradni* (оставаться); *fáradni* (утомляться); *bezárkózni* (закрываться) и т. д.

Однако таким русским предложениям с глаголом на -ся, как *Собака кусается*; *Крапива жжётся*, соответствуют венгерские предложения с невозвратными (активными) глаголами: *A kutya harap* (*Собака кусает); *A csalán csíp* (*Крапива жжёт) или с отглагольными прилагательными: *A kutya harapós* (*Собака кусачая); *A csalán csípős* (*Крапива жгучая).

Таким образом, по разнообразию возвратных форм венгерский язык превосходит русский; по количеству оттенков залоговых значений, передаваемых конструкциями с возвратными формами глаголов, они приблизительно равны и значительно превосходят в этом отношении английский язык, в котором возвратная форма глагола вообще отсутствует.

Ср. предложения в трёх языках:

Ребенок причесывается – *A child combs his hair* – *A gyermek fésülködik*; *Мой приемник сломался* – *My radio has broken down* – *Elromlott a rádióm*; *Мы уже раньше встречались* – *We've met before* – *Már találkoztunk*; *Спектакль начинается в четыре часа* – *The performance begins at four o'clock* – *Az előadás négykor kezdődik*; *После лекций они вернулись домой* – *After lectures they returned home* – *Előadások után (ők) hazatértek*.

Итак, формы выражения значений категории залога и залоговости в значительной степени определяют специфику синтаксиса разноструктурных языков.

1.2.2. Залоговость и безличность

Для типологии русского простого предложения с семантикой физического воздействия несомненный интерес представляет анализ взаимодействия залоговости с **категорией личности / безличности**.

На органическую связь залоговых значений с безличностью указал А.А. Потебня [Потебня 1968: 413, 441]. А.А. Шахматов по значению сближал безличную конструкцию со страдательной: «дополнение в винительном падеже может вызывать представление о субъекте, испытывающем на себе действие предиката, подобно тому как такое же представление вызывается дополнением при глаголе страдательного залога» [Шахматов 1941: 95]. Ф.И. Буслаев в качестве одной из особенностей русского языка отметил возможность замены личных конструкций «безличными в форме действительного залога для обозначения залога страдательного, но в форме залога среднего, с творительным лица действующего и с винительным предмета, подлежащего действию: *Его гром убил – Его громом убило* (вместо *Он убит громом*)» [Буслаев 1959: 385].

Анализ устройства **трёхчленного безличного предложения** типа *Ветром сорвало крышу* в терминах залога позволяет установить, что, с одной стороны, пациенс представлен здесь как зависимая субстанция; в связи с этим можно говорить о центробежной грамматической направленности глагольного признака (хотя самого грамматического центра – позиции подлежащего – здесь нет). С другой стороны, агенс выступает не как независимая субстанция – грамматический носитель признака (подлежащее), а как другая зависимая субстанция – дополнение.

Таким образом, ситуативная направленность воздействия от агенса к пациенсу получает в синтаксической структуре предложения только частичную поддержку, вследствие чего его семантика объединяет в себе грамматические признаки как активной, так и пассивной конструкций. Пациенс имеет здесь грамматический признак **«пассивность»** (как в личной активной конструкции), а агенс характеризуется как **«активно-пассивный»** или **«демиактивный»**, например:

Агенс	–	воздействие	→	пациенс
<u>Ветром</u>		<u>сорвало</u>		<u>крышу</u>
дополнение	–	безл. глагол	→	дополнение
«демиактивность»				«пассивность»

Выявленные грамматические признаки актантов особенно рельефно выделяются при сопоставлении залоговой семантики личной активной (1), безличной (2) и пассивной (3) конструкций, выражающих одну и ту же ситуацию:

1) <u>Град</u> побил	<u>рассаду</u>
агенса	пациенса
активность	пассивность
2) <u>Градом</u> побил	<u>рассаду</u>
агенса	пациенса
демиактивность	пассивность
3) <u>Градом</u> побита	<u>рассада</u>
агенса	пациенса
пассивность	активность

При этом становится особенно заметным убывание степени активности агенса: **активность** → **демиактивность** → **пассивность**. Ср. также документированные примеры использования всех трёх конструкций: *Пуля глубоко пропахала ему щёку* (М. Бубённый); *Пулей чуть задело мякоть* (А. Иванов); *Моряк был убит пулею в глаз* (А. Платонов).

Сопоставив трёхчленную безличную конструкцию, в которой агентивная позиция эксплицитно представлена формой в творительном падеже, с двучленной безличной, мы интерпретировали имеющийся в последней синтаксический нуль как имплицитную форму **демиактивного** агенса-каузатора. Ср.: *Градом побил рассаду* → *Рассаду побил*.

Следовательно, в сфере субъектно-объектных предложений СФП залоговости русского языка включает в себя и категорию залога, и категорию личности / безличности. В других сопоставляемых языках, как уже отмечалось, прямого эквивалента рассмотренных безличных конструкций нет.

1.2.3. Определённость / неопределённость (обобщённость) агенса и пациенса

Определённость / неопределённость (обобщённость) семантических актантов является одной из основных категорий устройства предложения.

Начиная с Д.Н. Овсянико-Куликовского, который впервые выделил неопределённо-личное предложение в качестве особого типа простого предложения [Овсянико-Куликовский 1912], в лингвистической традиции наблюдается стремление противопоставить эти две конструкции. Особый интерес для нас представляют результаты соотнесения обеих конструкций с точки зрения категориальной характеристики выраженного в них производителя действия – агенса (подробный обзор концепций см. в монографии [Копров 1999: 122-133]).

Грамматическая составляющая данной категории проявляется в асимметрии количества компонентов семантической и синтаксической структур предложения. Функциональная сущность категории заключается в возможности эксплицитного или имплицитного представления семантических актантов в синтаксической структуре предложения. Отличительной особенностью нашего подхода к рассматриваемой категории является также распространение её сферы не только на агенса, но и на все обязательные актанты семантической структуры предложения – объект, адресат и локализатор.

Актант, **эксплицитно** представленный в синтаксической структуре словоформой, одновременно с лексическим именованием как известного или неизвестного говорящему получает грамматическую характеристику по линии **категорий числа, рода и персональности**: единственное / множественное число; мужской / женский / средний род; 1-е лицо (говорящий), 2-е лицо (собеседник), 3-лицо (неучастник ситуации общения). Данные категориальные признаки актантов встречаются в подобных предложениях в различных комбинациях и объёмах, но во всех случаях лексикализированный актант предстает в них как грамматически **определённый**.

Имплицитность (неназванность) того или иного обязательного актанта в синтаксической конструкции не означает его отсутствия в предложении: в семантической структуре предложения эта позиция остаётся и мысленно заполняется **неопределённой** или **обобщённой** номинацией того предмета, который обычно выполняет функцию данного актанта в выражаемой ситуации. Имплицитное обозначение актанта объясняется и тем, что говорящий может рассчитывать на его адекватное восстановление адресатом высказывания (примеры разноструктурных предложений см. ниже).

Категория определенности / неопределенности актантов в тесно взаимодействует с категорией другого – предикативного – аспекта устройства предложения – с **категорией персональности** (лица).

В силу закона экономии речевых усилий в русском предложении избыточная местоименная форма персональности регулярно опускается, образуя особый вариант личных активных предложений – **определённо-личные**, точнее, определённо-персонально-субъектные предложения: *Проволочную петельку в приклад забью* (А. Иванов); *Ночью уберём его с поля* (А. Платонов).

В английском языке в силу его облигаторной подлежащности и меньшей развитости глагольных флексий такое опущение личного местоимения невозможно, т. е. подобная вариативность конструкций отсутствует.

В венгерском языке удельный вес глагольной формы в выражении персональности актантов выше, чем в русском: глагол во всех време-

нах однозначно указывает на персональность актантов, причём часто не только субъекта, но и объекта. Вследствие этого местоименные показатели персональности субъекта и объекта регулярно опускаются, и в синтаксической системе венгерского языка широко представлены определённо-субъектные и определённо-объектные предложения.

Сущность русской категории определённости / неопределённости **агенса** наилучшим образом раскрывается при противопоставлении личной активной и неопределённо-личной конструкций.

В **личной активной** конструкции агент выступает как грамматически «**определённый**». При этом он может быть как известным, так и неизвестным говорящему. См. примеры с грамматически определённым известным / неизвестным агентом: ***Фрол** ссыпал землю в ямку* (В. Шукшин); ***Катерина Петровна** осторожно перебирала пухлые булочки* (К. Паустовский); *И вот **сторож** распахнул дверь фургона* (Г. Троепольский); ***Столяры** делали по её заказу столики, стульчики, полочки, кубики* (В. Кетлинская); *На ходу **кто-то** задевал кусты* (В. Шукшин); ***Кто-то** рвал дверь снаружи* (Ю. Нагибин); *Сзади меня **кто-то** тронул* (А. Бек).

В русском и венгерском синтаксисе личной активной конструкции с грамматически определённым агентом категориально противостоит **неопределённо-личная** конструкция, в которой агент лексически не выражен, например: *Этот дом построили в 1998 году – Ez a házat 1998-ben építették.*

С точки зрения синтаксической формы данная конструкция является бесподлежащей (позиция подлежащего в её структурной схеме представлена имплицитно), поэтому согласования признакового компонента с агентом не происходит. Отличительной чертой неопределённо-личной конструкции в русском и венгерском языках является фиксированная форма глагола – 3-е лицо множественного числа. В английском языке в силу его тотальной подлежащности подобная конструкция отсутствует.

В русской **трёхчленной пассивной конструкции** агент (известный или неизвестный) представлен словоформой в творительном падеже. Следовательно, он характеризуется грамматическими категориями числа, рода и персональности как **определённый**, например: *Как выяснилось, портсигар Гусева в числе многих подобных был изготовлен в начале этого года **старшиной** по прозвищу Коляныч* (В. Богомолов).

В отличие от трёхчленного пассива в **двучленном пассиве** агент выступает как **неопределённый**. Лексическая известность / неизвестность неопределённого агента в двучленном пассиве во многих случаях нейтрализуется: *Материал там уже сложен* (В. Кожевников); *Крылья были сделаны по указу великих государей* (К. Паустовский); *А эта партия была сознательно испорчена* (А. Чаковский).

См. также высказывание, в котором неизвестный неопределённый агенс параллельно выражен и двучленным пассивом, и неопределённо-личными конструкциями: *Четыре дня назад недалеко от Каменки обстреляли воинскую автомашину, шофёр и сопровождающий были убиты, из кузова растащили около сорока комплектов военного обмундирования* (В. Богомолов).

В трёхчленной безличной конструкции грамматически определённый неодушевлённый агенс выступает как лексически известный или неизвестный:

а) лексически известный агенс характеризуется в предложении по линии категорий числа и рода: *Всю штабную избу разволокло снарядами* (И. Акулов); *Меня тогда камнями чуть не завалило* (В. Астафьев);

б) в функции неизвестного неодушевлённого агенса здесь выступают ситуативно ограниченные разряды предметов и явлений: *Захария ударило чем-то по голове* (И. Калашников).

Характерной грамматической чертой двучленной безличной конструкции является то, что агенс представлен в ней синтаксическим нулём, т. е. характеризуется как **неопределённый**. Как в других конструкциях с нулевой формой агенса, его лексическая известность / неизвестность обычно нейтрализуется. Однако, как отмечалось выше, в отличие от двучленного пассива, где агенсом может быть актант любого субкатегориального типа, и от неопределённо-личной конструкции, где агенс – это всегда антропоним, здесь в качестве производителя действия выступает **агенса-каузатор**:

а) на лексическую известность агенса-каузатора указывают следующие факторы: прозрачность семантики глагола, ситуация, контекст: *Моста не было. Его или смыло, или затопило* (К. Паустовский); *От ударной волны с дребезгом посыпались стекла, сорвало занавески* (В. Кожевников);

б) лексически неизвестный агенс-каузатор встречается сравнительно редко, так как его номинативные свойства обычно подсказываются семантикой глагола или самой ситуацией в целом: *Здесь Глеба ранило* (Д. Гранин); *Особенно сильно изуродовало Бубенцова* (И. Акулов); *Многие деревья расщепило, разодрало, как в грозу от удара молнии* (С. Крутилин) – (пулей, осколками снаряда и т.п.).

См. также высказывание, в котором двучленный пассив и двучленные безличные конструкции употреблены параллельно: *Левое крыло с фарой сорвано, бампер погнуло, пробоина в кожухе, маленько крышу смяло* (Ю. Нагибин).

Таким образом, анализ конститuentов семантико-функционального поля физического воздействия в релятивно-структурном подаспекте

показал, что конструкции, составляющие синонимические ряды, выражают специфические **наборы категориально-семантических признаков** агенса. Эти признаки позволяют системно дифференцировать синонимичные конструкции как внутри системы одного языка, так и в сопоставительном плане.

Так, в личной активной конструкции, являющейся ядерной во всех трёх языках, агент характеризуется признаками «активность» + «определённость».

В трёхчленной пассивной конструкции, наиболее широко представленной в английском и русском языках, агент характеризуется признаками «пассивность» + «определённость».

В двучленной пассивной конструкции, общей для всех трёх сопоставляемых языков, агент выступает как «пассивный» + «неопределённый».

В русской и венгерской неопределённо-личной конструкции агент имеет признаки «активный» + «неопределённый».

В русской трёхчленной безличной конструкции агент характеризуется признаками «демиактивность» + «определённость».

Наконец, в русской двучленной безличной конструкции агент выступает как «демиактивный» + «неопределённый».

Выявленные сходства в категориально-грамматической семантике конститuentов одноименных синтаксических рядов в разных языках наглядно демонстрируют принципиальную возможность точной передачи грамматического содержания предложения с одного языка на другой при помощи однотипных конструкций.

С другой стороны, установленные в ходе анализа различия более рельефно оттеняют сложности, с которыми англоговорящие учащиеся (и переводчики) сталкиваются при изучении русских и венгерских неопределённо-личных предложений, а также трудности, возникающие при изучении и переводе русских безличных конструкций носителями двух других сопоставляемых языков.

Вместе с тем совершенно очевидно, что выявленными в номинативном аспекте номинативными и категориально-грамматическими признаками семантико-функциональные особенности средств выражения физического воздействия в сопоставляемых языках не исчерпываются. Необходимо рассмотреть их и в других аспектах.

1.3. Средства выражения физического воздействия в актуализирующем аспекте

Каждая синтаксическая конструкция при функционировании в речи характеризуется свойственным ей прямым **порядком слов** и выражаемой при этом нейтральной коммуникативной перспективой. Для ак-

туализации компонентов высказывания используется инверсия.

В **русском** языке личная активная конструкция отличается наибольшим разнообразием варьирования порядка слов. Ср.: *Кирилл вытер рукавом лоб* (К. Федин) – *Лоб Кирилл вытер рукавом* – *Рукавом Кирилл вытер лоб* – *Вытер Кирилл лоб рукавом*.

Актуальное членение конкретного высказывания на тему и рему в письменной речи во многом зависит от контекста.

В определённо-личной конструкции за счёт опущения агентивной формы обычно актуализируется пациенс: *Сейчас достану чугун* (М. Бубённый).

В неопределённо-личной конструкции в качестве ремы обычно выступает само отношение – физическое воздействие: *Его оторвали от гудка, подняли* (В. Кетлинская); *Свет не зажигали* (А. Куприн). При инверсии в неопределённо-личном предложении актуализируется пациенс: *Стреляют зайцев* (К. Федин).

В трёхчленной пассивной конструкции с прямым порядком слов тематичным является пациенс, рематичным – агенс: *Здесь всё до мелочей было с любовью расставлено Катиными руками* (А. Толстой). Но возможна инверсия, при которой коммуникативная перспектива высказывания меняется: *Русскими фольварк был занят две недели тому назад* (А. Толстой).

В двучленном пассиве рематизируется признаковый компонент: *«Вооружённые силы Юга России» на протяжении полугода бесперебойно снабжались через черноморские порты всеми видами военного оружия* (К. Федин). См. пример двучленного пассива с инверсией: *У берега разгружалась баржа с цементом* (В. Кетлинская).

Трёхчленная безличная конструкция, в силу бесподлежащности её структуры, допускает двоякую трактовку прямого порядка слов:

а) N 5 – V imp – N 4, где агенс-каузатор – тема, пациенс – рема: *К ногам Жадова течением нанесло барахтающегося человека* (А. Толстой);

б) N 4 – V imp – N 5, где пациенс – тема, агенс-каузатор – рема: *Дым из труб сыростью и ветром сбивало к земле* (А. Толстой).

Предварительный анализ выборки предложений из национального корпуса русского языка [<http://www.ruscorpora.ru>] показывает, что вариант (а) частотнее.

В двучленной безличной конструкции порядок слов свободно варьируется, что позволяет говорящему изменять актуальное членение высказывания, ср.: *Лодку залило и опрокинуло* (К. Федин) – *Залило и опрокинуло лодку*; *Только спустя неделю повыбрасывало трупы рыбаков* (А. Куприн) – *Трупы рыбаков повыбрасывало только спустя неделю*.

В **английской** активной конструкции порядок слов и, следовательно, коммуникативная перспектива высказывания, фиксированы: Т

(агенс) – Р (пациенс): *MacDonald touched his hat* (A. Christie).

Изменение актуальной перспективы, связанное с инверсией актантов, требует использования трёхчленной пассивной конструкции: *The door was opened by a girl* (J. Priestley).

Для актуализации агенса используется также специальная выделительная конструкция *It is ... that / who ...*: *Дверь им открыла Лиза* (Д. Гранин) → *It was Liza who opened the door to them*.

В двучленном пассиве в качестве ремы выступает признаковый компонент – причастие со связкой: *Many excellent and expensive houses were being erected* (T. Dreiser).

1.4. Эмоционально-экспрессивный и стилистический аспекты средств выражения физического воздействия

1. При рассмотрении СФП физического воздействия в эмоционально-экспрессивном аспекте учитываются разнообразные модификации рассмотренных выше неокрашенных (нейтральных) конструкций. См. примеры из русской речи:

Долго же вы чинили машину! Сколько можно долбить эту стену! Во время рабочего дня красит ногти! Она же разбила мою машину!

2. Анализ стилистического аспекта функционирования средств выражения физического воздействия показывает, что в русском, английском и венгерском языках личные активные предложения стилистически нейтральны, поэтому они наиболее широко используются во всех стилях речи.

Неопределённо-личное предложение характерно для русской и венгерской разговорной речи.

Пассивные конструкции, особенно трёхчленная, чаще используются в книжной речи: в официально-деловом, научном стилях. В английском языке в целом они встречаются чаще, чем в русском (см. об этом подробнее [Копров 2010: 276-280]).

Русские трёхчленные и двучленные безличные предложения предпочитаются в разговорной речи и в художественных повествованиях.

1.5. Русско-английские параллели в поле физического воздействия

В заключение приведём некоторые наблюдения над переводческими соответствиями в сфере предложений физического воздействия различных конструктивных типов русского и английского языков.

1. При переводе **русских активных и трёхчленных пассивных** высказываний с прямым порядком слов трудностей, как правило, не возникает.

Сложности могут иметь место при переводе русских высказываний с

инвертированным порядком слов: стараясь сохранить актуальное членение оригинала, переводчики часто прибегают к трансформациям, изменяющим залоговую семантику предложения на противоположную. Ср.:

а) русская активная → английская пассивная конструкция: *Товар увезли позавчерашней ночью два старых маклака из Зареченска* (Ю. Герман) → *The goods had been taken away in lorries the night before last by two old dealers from Zarechensk;*

б) русская пассивная → английская активная конструкция: *Под Воронежем красной конницей товарища Будённого наголову разбиты два кавалерийских корпуса белых – Мамонтова и Шкуро* (К. Федин) → *The Red Cavalry troops of comrade Budyonny have completely routed the White Cavalry of Mamontov and Shkuro near Voronezh;*

в) имеются, однако, документированные примеры перевода русских залоговых конструкций с инверсией соответствующими английскими залоговыми конструкциями без инверсии, т.е. с изменённой коммуникативной перспективой:

русская активная → английская активная: *Лагерь для врачей уже разворачивал «квартирмейстер» отряда доктора Лобода* (Ю. Герман) → *Dr. Loboda's "quartermaster corps" was already pitching camp for the medical personnel;*

русская пассивная → английская пассивная: *Русскими фольварк был занят две недели тому назад* (А. Толстой) → *The farmstead had been occupied by the Russians two weeks earlier.*

2. В связи с отсутствием в английском синтаксисе неопределённо-личной конструкции русские **неопределённо-личные предложения** передаются несколькими способами:

а) предложениями с активным определённым (известным или неизвестным) агенсом: *Кириллу налили вина* (К. Федин) → *Someone poured out a glass for Kirill;* *Их свалили в кучу* (К. Федин) → *The hunters threw them in a pile;*

б) предложениями с активным агенсом, выраженным местоимением *they*: *Вместе с ними хоронили павших в боях красноармейцев* (К. Федин) → *They buried them along with the soldiers who had fallen in battle;*

в) двучленными партиципийными предложениями с пассивным неопределённым агенсом: *Наконец, убрали в комнате всё, кроме большого стола, оклеенного золотой бумагой* (А. Толстой) → *Finally, everything was taken out of it except a large table covered with gilt paper.*

3. В связи с отсутствием в английском синтаксисе прямого эквивалента русских безличных конструкций **трёхчленные безличные предложения** обычно переводятся следующими английскими:

а) личной активной: *Взрывом опалило лица двум патронным и сбросило с мостика командира дивизиона* (К. Федин) → *The blast*

seared the faces of two other men in the gun crew and blew the squadron commander off the bridge;

б) трёхчленной партиципальной пассивной: *He умер Данило, бревном задавило* (В. Кетлинская) → *He didn't die like a dog, he was crushed by a log*; *В спину ему ударило тяжелым мешком, завалило соломой* (А. Толстой) → *He was struck heavily in the back by a falling sack and half-buried in straw*;

в) вербальной или партиципальной конструкцией с обстоятельством причины: *Ветром трепало мокрый кумачовый флаг* (А. Толстой) → *A damp flag of red bunting was flapping in the wind*; *Шагов на двести дорогу залило водой* (В. Кетлинская) → *The ice was covered with water for a stretch of about two hundred paces ahead*;

г) другими, в том числе лексически связанными, конструкциями: *Снегом вас занести может* (А. Куприн) → *You might be snowed up*; *Но автомобиль уже заливало водой* (К. Федин) → *But the water was already pouring all over the car*; *И вдруг совсем рядом за сараем взлетел чёрно-огненный столб, грохотом взрыва швырнуло высоко горящие пучки соломы* (А. Толстой) → *A black column streaked with flame shot up quite near them, just behind the shed, the crash of the explosion sending tufts of straw high into the air*.

При переводе с английского языка на русский учащиеся, как правило, используют эквивалентные конструкции: активная английская → активная русская, пассивная английская → пассивная русская, «забывая» о существовании русской вариантной трёхчленной безличной конструкции, которая при выражении ВСС с агенсом-каузатором наиболее частотна.

Кстати, в венгерском языке во всех подобных ситуациях обычно используется личная активная конструкция. См. пример перевода русских синонимичных предложений различных конструктивных типов одним способом: *Завивает ветер белый снежок* (А. Блок) / *Завивает ветром белый снежок* / *Завивается ветром белый снежок* → *Kerget az orkán fehér havat*.

4. Для перевода на английский язык русской **двучленной безличной конструкции** используются различные способы:

а) неопределённость демиактивного агенса передаётся английской двучленной партиципальной конструкцией, хотя демиактивность при этом заменяется пассивностью:

Как-то разом налетел, рванул ветер, закрутился крупный снег, стало темно, как вечером, и в полчаса замело дорогу (В. Кетлинская) → *All of a sudden there was a burst of wind, the snow came whirling down in big flakes, it was as dark as night and in half an hour the road was wiped out*; *Его несло* (Ю. Герман) → *He was carried away*; *Здесь Глеба ранило* (Д. Гранин) → *Here Gleb was wounded*; *Все к чёрту залило!* (В. Кет-

линская) → *Everything's swamped!*

б) если такая пассивизация агенса нежелательна, то используется активная конструкция, но при этом, однако, происходит лексикализация агенса:

По мостовым гнало бумажонки, солому, прошлогоднюю пересохшую листву, раскрошенный навоз (К. Федин) → *Down the street the wind swept papers and straw and dry leaves and manure; Влаго высырело выдуло* (К. Федин) → *The winds quickly dried up the moisture;*

в) регулярно используются одноактантные конструкции различных частеречных типов:

Самолет сильно тряхнуло (А. Чаковский) → *The plane had shaken violently;* Лодку залило и опрокинуло (К. Федин) → *The boat became swamped and capsized;*

г) встречаются также другие способы перевода:

Ребята, Гавриле палец долой оторвало (А. Толстой) → *Gavril's had his finger chopped off, lads;* На крутой яме машину подкинуло, где-то в утробе кузова инструменты весело громыхнули звонкой сталью, Анечку бросило в сторону (К. Федин) → *They struck a particularly bad bump which caused the instruments somewhere inside the car to clatter merrily and Annochka to fall hard;* Телегу, где лежал Бессонов, дернуло, повалило (А. Толстой) → *The cart in which Bessonov was lying gave a sudden jerk and overturned.*

Переводчику рекомендуется предварительно проводить многоаспектный анализ исходного высказывания, что поможет ему выбрать тот вариант перевода, который наиболее адекватно передаст важнейшие семантико-функциональные параметры оригинала.

Выводы

1. Семантическая структура предложений семантико-функционального поля физического воздействия обозначается формулой «агенса – физическое воздействие – пациенс – (локализатор) – (инструмент / средство / материал / средство перемещения / адресат)».

В центре данного поля во всех сопоставляемых языках находится личная активная конструкция. В русском и венгерском языках широко представлена неопределённо-личная конструкция. В этих же двух языках функционируют определённо-личные предложения (определённо-субъектные, а в венгерском языке – и определённо-объектные). В английском языке определённо-личная и неопределённо-личная конструкции отсутствуют. Пассивные конструкции (трёхчленная и двучленная) в русском языке представлены вербальным и партиципиальным

частеречными типами, в английском – партиципиальным типом. Только в венгерском языке регулярно используется деепричастная конструкция. Специфику русского СФП физического воздействия составляют безличные конструкции.

2. Анализ фактического материала показал, что для синтаксически релевантной субкатегоризации агенса физического воздействия достаточно различать три его типа: агенс-антропоним, агенс-зооним и агенс-каузатор (агенс-каузатор с функцией причины, агенс-каузатор с функцией инструмента, «пациентивный» агенс-каузатор). При субкатегоризации пациенса языковая сторона рассматриваемой категории позволила ограничиться только двумя рубриками: одушевлённый пациенс и неодушевлённый пациенс.

Опора на субкатегории агенса и пациенса позволила с оптимальной степенью дробности проанализировать лексико-грамматическое наполнение агентивной и пациентивной позиций в синтаксических конструкциях, выражающих рассматриваемую семантическую структуру в трёх сопоставляемых языках.

3. Комбинации субкатегорий агенса и пациенса дают шесть вариантов семантической структуры «агенс – физическое воздействие – пациенс»:

- 1) «агенс-антропоним – ФВ – одушевлённый пациенс»;
- 2) «агенс-антропоним – ФВ – неодушевлённый пациенс»;
- 3) «агенс-зооним – ФВ – одушевлённый пациенс»;
- 4) «агенс-зооним – ФВ – неодушевлённый пациенс»;
- 5) «агенс-каузатор – ФВ – одушевлённый пациенс»;
- 6) «агенс-каузатор – ФВ – неодушевлённый пациенс».

Синтаксические конструкции, расположенные по принципу общности выражаемого варианта семантической структуры (1)-(6), составляют шесть синонимических рядов. Однако при этом между некоторыми конституентами ФСП физического воздействия синонимических отношений нет.

В русском языке личная активная, трёхчленная пассивная вербальные и обе партиципиальные конструкции входят в состав всех рядов (1)-(6), так как в них может фигурировать агенс любого субкатегориального типа, и, следовательно, они отличаются самой широкой синонимичностью. Двучленная пассивная вербальная конструкция «подключается» к указанному синонимическому ряду, если в её пациентивной позиции находится неодушевлённый пациенс, а в качестве имплицированного выступает агенс-антропоним, агенс-зооним или агенс-каузатор. Неопределённо-личная и личная активная конструкции вступают в синонимические отношения с перечисленными выше предложениями только тогда, когда в последних фигурирует агенс-антропоним. Напротив, безличные конструкции будут синонимичны исходному ряду конст-

рукций, только если в них содержится агенс-каузатор.

Таким образом, личная активная (и определённо-личная), трёхчленная пассивная вербальная и обе партиципальные конструкции выражают все шесть вариантов семантической структуры. Двучленной пассивной вербальной конструкцией реализуются варианты (2), (4) и (6). Остальные конструкции обозначают только по два варианта: определённо-личная и неопределённо-личная – (1) и (2), трёхчленная и двучленная безличные – (5) и (6).

Для английского языка подобная субкатегоризация актантов синтаксически не релевантна, поскольку здесь все три имеющиеся конструкции синонимичны друг другу при любом лексико-грамматическом наполнении их агентивных и пациентивных позиций, т.е. они образуют синонимические ряды, совпадающие по объёму с самим СФП физического воздействия.

Для венгерского языка важно противопоставление двух субкатегорий агенса: агенса-антропонима и агенса-неантропонима (как единой субкатегории, объединяющей агенс-зооним и агенс-каузатор).

4. Дальнейшая дифференциация семантики конструкций, составляющих синонимические ряды в поле физического воздействия, производилась путём их анализа в релятивно-структурном подаспекте номинативного аспекта устройства предложения. В сопоставляемых языках данный подаспект составляют следующие грамматические категории:

1) подлежащность / бесподлежащность и соотнесённая с ней в русском и венгерском языках категория личности / безличности;

2) залог и залоговость;

3) определённость / неопределённость (обобщённость) актантов.

5. Основной функцией категории залога является грамматическая характеристика актантов семантической структуры «агенс – физическое воздействие – пациент». В активной конструкции агенс предстаёт как «активный», а объект – как «пассивный» производитель действия; в пассивной конструкции субъект получает грамматический признак «пассивность», а объект – «активность».

СФП залоговости включает в себя, кроме категории залога, различные конструкции с возвратными формами. Во всех сопоставляемых языках залоговые значения и средства их выражения, по-разному комбинируясь в составе данного СФП, составляют значительную долю своеобразия организации их синтаксиса.

В структуре СФП залоговости русского языка выделяется 10 типов конструкций с возвратными глаголами. При этом 6 типов предложений относятся к сфере активности, а 4 – к сфере пассивности субъекта. В современном английском языке в связи с отсутствием грамматической формы, эквивалентной русскому постфиксу *-ся*, оттенки залоговых значений выражаются лексическими средствами в рамках активных

или пассивных конструкций. В венгерском языке так называемые возвратные глаголы составляют целую подсистему форм, грамматически противопоставленных как активным, так и пассивным формам. По разнообразию возвратных форм венгерский язык превосходит русский; по количеству оттенков залоговых значений, передаваемых конструкциями с возвратными формами глаголов, они приблизительно равны и значительно превосходят в этом отношении английский язык, в котором возвратная форма глагола отсутствует.

6. Для типологии русского предложения несомненный интерес представляет анализ взаимодействия залоговости с категорией личности / безличности. Ситуативная направленность физического воздействия от агенса к пациенсу получает в синтаксической структуре трёхчленного безличного предложения только частичную поддержку, вследствие чего его семантика объединяет в себе грамматические признаки как активной, так и пассивной конструкций. Пациенс имеет здесь грамматический признак «пассивность» (как в личной активной конструкции), а агенс характеризуется как «демиактивный».

7. Определённость / неопределённость (обобщённость) семантических актантов является одной из основных категорий устройства предложения. Грамматическая составляющая данной категории проявляется в асимметрии количества компонентов семантической структуры и структурной схемы предложения. Функциональная сущность категории заключается в возможности эксплицитного или имплицитного представления актантов в предложении.

Актант, представленный в синтаксической конструкции словоформой, одновременно с лексическим именованием получает грамматическую характеристику по линии категорий числа, рода и персональности. Данные категориальные признаки актантов встречаются в конкретных предложениях в различных комбинациях, но во всех случаях эксплицитный актант предстаёт как грамматически определённый. Имплицитность (неназванность) того или иного обязательного актанта в синтаксической конструкции не означает его полного отсутствия в предложении: в семантической структуре позиция актанта остаётся и мысленно заполняется неопределённой или обобщённой номинацией того предмета, который выполняет функцию этого актанта в выражаемой ситуации.

В русском и венгерском синтаксисе личной активной конструкции с определённым агенсом категориально противостоит неопределённо-личная конструкция, в которой агенс не лексикализован. В русской и английской трёхчленной пассивной конструкции агенс (известный или неизвестный) представлен словоформой как определённый. В двухчленном пассиве в обоих языках агенс выступает как неопределённый. Те же категориально-грамматические значения присущи агенсу в рус-

ских трёхчленной и двучленной безличных конструкциях.

Категория определённости / неопределённости актантов тесно взаимодействует с категорией другого аспекта – предикативного, с категорией персональности (лица). В русском языке местоименный показатель персональности субъектного актанта в некоторых случаях опускается, в результате чего образуются так называемые определённо-личные предложения. В английском языке в силу его облигаторной подлежащности и меньшей развитости глагольных флексий опущение личного местоимения невозможно. В венгерском языке удельный вес глагольной формы в выражении персональности актантов выше, чем в русском: глагол во всех временах однозначно указывает на персональность актантов, причём часто не только субъекта, но и объекта, вследствие чего их местоименные показатели регулярно опускаются, и в синтаксической системе имеются определённо-субъектные и определённо-объектные предложения.

8. Таким образом, конструкциями, составляющими синонимические ряды в поле физического воздействия, выражаются специфические наборы категориально-грамматических признаков агенса и пациенса.

В личной активной конструкции, являющейся ядерной как во внутриязыковых подсистемах, так и в плане сопоставления трёх языков, агенс характеризуется признаками «активность» + «определённость», а пациенс – «пассивность» + «определённость» или «неопределённость».

В трёхчленной пассивной конструкции, наиболее широко представленной в английском и русском языках, агенс характеризуется признаками «пассивность» + «определённость», пациенс – «активность» + «неопределённость».

В двучленной пассивной конструкции, общей для микрополей всех трёх сопоставляемых языков, агенс выступает как «пассивный» + «неопределённый», пациенс – как «активный» + «определённый».

В русской и венгерской неопределённо-личной конструкции агенс выступает как «активный» + «неопределённый», а пациенс – как «пассивный» + «определённый».

В русской трёхчленной безличной конструкции агенс характеризуется признаками «демиактивность» + «определённость», пациенс – «пассивность» + «определённость».

В русской двучленной безличной конструкции агенс выступает как «демиактивный» + «неопределённый», пациенс – как «пассивный» + «определённый».

9. Моделирование речемыслительного процесса выбора говорящим той или иной русской конструкции СФП физического воздействия в номинативном аспекте позволяет использовать в качестве ведущего

критерия выбора совокупность субкатегориальной и категориально-грамматической семантики **агенса**. Схема такого выбора представлена в таблице 1.

**Таблица 1. Структура СФП физического воздействия
в свете категориально-грамматической семантики агенса**

НОМИНАТИВНАЯ СЕМАНТИКА АГЕНСА			
Категориально-грамматические признаки агенса	Субкатегории агенса		
	антропоним	зооним	каузатор
Активность + определённость	Личная активная конструкция (<i>Мальчик сломал игрушку</i>)	Личная активная конструкция (<i>Собака сломала игрушку</i>)	Личная активная конструкция (<i>Упавшая коробка сломала игрушку</i>)
Пассивность + определённость	Трёхчленная пассивная конструкция (<i>Игрушка была сломана мальчиком</i>)	Трёхчленная пассивная конструкция (<i>Игрушка была сломана собакой</i>)	Трёхчленная пассивная конструкция (<i>Игрушка была сломана упавшей коробкой</i>)
Активность + неопределённость	Неопределённоличная конструкция (<i>Игрушку сломали</i>)	-	-
Пассивность + неопределённость	Двучленная пассивная конструкция (<i>Игрушка была сломана</i>)	Двучленная пассивная конструкция (<i>Игрушка была сломана</i>)	Двучленная пассивная конструкция (<i>Игрушка была сломана</i>)
Демиаktivность + определённость	-	-	Трёхчленная безличная конструкция (<i>Упавшей коробкой сломало игрушку</i>)
Демиаktivность + неопределённость	-	-	Двучленная безличная конструкция (<i>Игрушку сломало</i>)

10. Включаясь в речь, каждая синтаксическая конструкция характеризуется в актуализирующем аспекте свойственным ей порядком слов и коммуникативной перспективой. Высказываниями с прямым для данной конструкции конкретного языка порядком слов выражается нейтральная коммуникативная перспектива. Для актуализации компонентов высказывания в русской письменной речи широко используется инверсия компонентов, в английской – категория залога и специальные актуализирующие конструкции.

11. При рассмотрении СФП физического воздействия в эмоционально-экспрессивном аспекте учитываются модификации рассмотренных выше неокрашенных (нейтральных) конструкций.

Анализ стилистического аспекта средств выражения физического воздействия показывает, что в русском, английском и венгерском языках личные активные предложения стилистически нейтральны, т.е. используются во всех стилях речи. Неопределённо-личные предложения характерны для русской и венгерской разговорной речи. Пассивные конструкции, особенно трёхчленная, чаще используются в книжной речи: в официально-деловом, научном стилях, причём в английском языке они встречаются чаще, чем в русском. Русские трёхчленные и двучленные безличные предложения предпочитают в разговорной речи и в художественной литературе.

12. Сходства в семантике конstituентов синонимических рядов в разноструктурных языках обуславливают принципиальную возможность точной передачи содержания предложения с одного языка на другой при помощи эквивалентных конструкций. Выявленные расхождения более рельефно оттеняют сложности, с которыми англоязычные учащиеся и переводчики сталкиваются при изучении и переводе русских и венгерских неопределённо-личных предложений, и трудности, возникающие при переводе и изучении русских безличных конструкций носителями других языков.

13. Анализ фактического материала позволил провести ряд межъязыковых параллелей.

В английском языке неопределённо-личные предложения передаются несколькими способами: а) предложениями с активным определённым (известным или неизвестным) агенсом; б) предложениями с активным агенсом, выраженным местоимением *they*; в) двучленными партиципальными предложениями с пассивным неопределённым агенсом.

Русские трёхчленные безличные предложения обычно переводятся следующими английскими: а) личной активной; б) трёхчленной партиципальной пассивной; в) вербальной или партиципальной конструкцией с обстоятельством причины. В венгерском языке во всех подобных ситуациях обычно используется личная активная конструкция.

Для перевода на английский язык русской двучленной безличной конструкции используются различные способы: а) неопределённость демиактивного агенса передаётся английской двучленной партиципальной конструкцией, хотя демиактивность при этом заменяется пассивностью; б) если такая пассивизация агенса нежелательна, то используется активная конструкция, но при этом, однако, требуется лексикализировать неопределённый агенс.

В следующих главах монографии методика поаспектного анализа предложения и результаты семантико-функционального сопоставительного исследования средств выражения физического воздействия в русском, английском и венгерском языках используются при анализе других подсистем субъектно-объектных отношений в разноструктурных языках.

ГЛАВА II. СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПОЛЕ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Данная глава посвящена описанию семантико-структурного устройства и функционирования предложений со значением зрительного восприятия в русском и французском языках.

Сопоставительное исследование компонентов СФП зрительного восприятия в двух указанных языках производится на основе метода поаспектного анализа организации предложения в свете категории залогов и залоговости.

Предварительно был уточнён состав основных подгрупп возвратных глаголов зрительного восприятия в русском и французском языках.

Особое внимание уделяется пассивно-возвратным конструкциям.

2.1. Восприятие в русской и французской картинах мира

Восприятие является основой взаимодействия человека с внешней средой; ознакомление с внешним миром и последующие контакты человек осуществляет посредством восприятия. При первичном восприятии идёт пассивное познание внешней среды, в дальнейшем оно переходит во взаимодействие, то есть любая сторона воспринимаемого вызывает ту или иную ответную реакцию [Бондарко 2003: 23]. В число объектов восприятия входит и сам язык как физическая субстанция, имеющая письменную (объект зрения) и устную (объект слуха) формы существования [Моисеева 2005: 27].

Как отмечал М.П. Никитин, существует общий закон перцепции: процесс восприятия заключается в чрезвычайно быстрой смене целого ряда моментов или ступеней, причём каждая предыдущая ступень представляет психическое состояние менее конкретного, более общего характера, а каждая следующая – более частного и дифференцированного. Продолжая исследование микродинамики («эмбриологии») зрительного восприятия, учёный показал, что возникновение гипотезы (представления) о предъявленном предмете существенно меняет течение перцептивного процесса; это критический путь микроразвития восприятия, который как бы возвращает его на более ранние стадии, задавая новый вектор движения от глобального, синкретического восприятия ко всё более и более дифференцированному [Никитин 1985: 15].

Важную роль в познавательных процессах играют разные формы восприятия, но большая часть ментально обрабатываемой информации поступает к человеку через зрительное и слуховое восприятие. Складывающаяся при этом зрительная картина мира доминирует в сознании человека над всеми остальными формами восприятия (это правило, по понятным причинам, не распространяется на людей с физическими недостатками в области зрения).

В числе разноплановых пониманий зрительного восприятия обращает на себя внимание исследовательская позиция, увязывающая видимое непосредственно с телесным, зрительное восприятие с тактильным, что восходит к истокам становления чувственного восприятия человека. Осязание, наряду с обонянием и слухом, является памятью «чувств, прежде всего наиболее архаичных, глубоко укоренённых в природе человека, более того – «дочеловеческих» в том смысле, что своё более полное развитие они получили в мире животных; зрение оказывается на первых порах жизни оттеснённым, и нередко зрительные образы вырастают из слуховых и обонятельных ощущений как не вполне законное их обобщение» [Топоров 2003: 364]; см. также [Крейдлин 2000: 117-119].

В «Феноменологии восприятия» М. Мерло-Понти также говорит о единстве телесного и зрительного, подчиняя зрение деятельности самого человеческого тела: «Существует непосредственная эквивалентность между ориентацией поля зрения и осознанием самого тела хозяином этого поля, так что экспериментальное преобразование может выразиться либо в переворачивании феноменальных объектов, либо, что то же самое, в перераспределении функций органов чувств» [Мерло-Понти 1999: 265]. Обе части этого утверждения применимы, в частности, к истолкованию случаев авторского употребления некоторых глаголов ЛГР зрительного восприятия. Например, в произведениях М. Пруста процесс «переворачивания» соотносится с «выворачиванием» глаз вспоминающего, а перераспределение функций органов чувств представляется в применении глаголов зрения для обозначения слухового восприятия (ср. <...> *le regard qui voulait **toucher, capturer, emmener le corps**...* (Proust)).

М. Мерло-Понти даёт пример такой возможности «зрительного» восприятия: «В концертном зале, когда я открываю глаза, видимое пространство кажется мне слишком узким по сравнению с тем другим пространством, которое только что раскрывала музыка, и даже если я оставляю глаза открытыми <...> мне кажется, что музыка в действительности не умещается в это чётко очерченное незначительное пространство. Музыка незаметно придаёт видимому пространству новое

измерение» [Указ. соч.: 285]. Единение зрения со слухом, осязанием, другими способами восприятия происходит вследствие единства самого тела как главного объекта восприятия: «Моё тело – это место или, скорее, сама актуальность феномена выражения, в нём визуальный и аудитивный опыт предвосхищают друг друга, а их экспрессивное значение является основой допредикативного единства воспринимаемого и через него – вербальным выражением и интеллектуальной сигнификацией» [Указ. соч.: 302].

Как указывает А.П. Седых, содержание образных представлений возникает в результате метафорического и метонимического соединения признаков в одном представлении, т.е. в результате контаминации ощущений, полученных разными органами чувств. Подобное восприятие не характерно для обыденного восприятия и возможно только при абстрагировании от реальности при помощи погружения в эмоционально-чувственный мир, вызванный реакцией на произведения искусства [Седых 1999: 21]. Помимо функции введения в текст объектов и явлений, которые можно «увидеть» (физически, ментально, психологически, эмоционально), языковые средства выполняют функцию, связующую фрагменты текста – это касается глаголов любого восприятия, которые членят весь объём воспринимаемого (вижу, рассматриваю, представляю себе, внимаю) [Топоров 1995: 233].

Е.С. Кубрякова, ссылаясь на предшествующую европейскую культурологическую традицию, ведущую начало от философии Аристотеля, подчёркивает доминирующую роль зрительного восприятия в обыденном сознании человека. Концепт «зрительное восприятие» является ключевым в понимании человеком внеязыковой действительности, что, естественно, сказывается на языке. Языковые средства, обозначающие процессы зрительного восприятия, часто употребляются носителями языка наряду с языковыми средствами, называющими познавательные процессы [Кубрякова 1999: 5]. В когнитивной лингвистике были поставлены вопросы о том, какой, судя по языковым данным, человек видит окружающую его действительность, в каком виде она отражается в его голове.

Таким образом, концепт «зрительное восприятие» представляет собой многоплановое явление, которое может исследоваться по разным направлениям: анатомико-физиологическому, медицинскому, бытовому (обыденному), психологическому, искусствоведческому, культурологическому и, разумеется, языковедческому.

Как отмечалось во Введении, ситуации зрительного восприятия выражаются предложениями с типовым значением «отношение между двумя субстанциями». Их инвариантная семантическая структура мо-

жет быть представлена формулой «субъект – действие – объект», а вариант семантической структуры – «субъект – зрительное восприятие – объект».

Данный вариант семантической структуры представлен в русском и французском языках дваактантными вербальными предложениями различных семантико-структурных типов.

2.2. Семантико-функциональное поле залоговости в русском и французском языках

2.2.1. Категория залога и семантико-функциональное поле залоговости

Вслед за А.В. Бондарко и В.Ю. Копровым, мы рассматриваем залог как синтактико-морфологическую категорию, входящую в состав **семантико-функционального поля (СФП) залоговости**. Концепция СФП, применяемая к залоговости, позволяет рассматривать проявления залоговых признаков в данном конкретном языке. Каждый язык осуществляет выбор из потенциально возможного комплекса залоговых отношений, причём в разных языках залоговая функциональная нагрузка по-разному распределяется среди морфологических, синтаксических, словообразовательных и лексических средств. Таким образом, применение полевого подхода к залогу позволяет выявить особенности семантико-структурной организации залоговости в разноструктурных языках [Бондарко 1978: 59-60; Копров 1980; 2010: 132-152].

В ситуативно-структурном аспекте активными и пассивными предложениями выражается одна и та же семантическая структура, например: «субъект (агенс) – физическое воздействие – объект (пациенс)». При этом в активной конструкции ситуативная роль агенса как производителя признака в позиции подлежащего предложения грамматически усиливается, и агенс получает залоговый признак **«активность»**. В пассивной конструкции пациенс в позиции подлежащего грамматически активизируется, а реальный производитель воздействия – агенс – в позиции дополнения **«пассивизируется»**. Таким образом, основной функцией категории залога как компонента релятивно-структурного подаспекта устройства предложения является грамматическая характеристика актантов семантической структуры – субъекта (в частности, агенса) и объекта (пациенса).

Ядро поля залоговости представляет категория залога, т.е. оппозиция актива / пассива. Периферийную зону поля составляет личность /

безличность и возвратность. Внутри возвратности, в свою очередь, разграничиваются залоговые разряды возвратных глаголов и сочетаний глаголов с возвратными местоимениями

2.2.2. Возвратность в поле залоговости

2.2.2.1. Возвратность в русском языке

Вслед за В.В. Виноградовым [Виноградов 1947/1972], Н.А. Янко-Триницкой [Янко-Триницкая 1962], А.В. Бондарко и Л.Л. Буланиным [Бондарко 1967], В.П. Недеяловым [Недеялов 1978], В.Ю. Копровым [Копров 1990; 2010], мы применяем термин «**возвратный глагол**» для обозначения всех глаголов, имеющих постфикс *-ся*.

В состав СФП залоговости русского языка входят 10 типов конструкций с возвратными глаголами различных ЛГР. При этом предложения шести семантико-структурных типов (1)-(6) относятся к сфере активности, а четырёх типов (7)-(10) – к сфере пассивности субъекта [Копров 2010: 146-152] (см. об этом также в Главе I настоящей работы).

2.2.2.2. Возвратность во французском языке

Центральное место в составе СФП залоговости французского языка также занимает **категория залога** – оппозиция актива и пассива.

Один из основоположников теории семантических актантов Л. Теньер рассматривает данные сущности в системе «глагольного узла», находящегося в центре предложения в большинстве европейских языков. Функцией актантов в предложении является участие в процессе в любом качестве: активном или «самом пассивном». В предложении актанты представлены формами существительных (или их функциональных эквивалентов) [Теньер 1988: 117-124]. Учёный разграничивает четыре разновидности переходного залога, называя их диатезами: «Это нечто вроде **подзалогов**, выделяемых в традиционной грамматике»: активная диатеза (актив): $A \rightarrow B$; пассивная диатеза (пассив): $A \leftarrow B$; возвратная диатеза (рефлексив): $A \rightarrow A$ (на себя); взаимная диатеза (реципрок): $A \leftrightarrow B$ [Указ. соч.: 255].

Б. Потье изменение ориентации процесса называет «видением, охватывающим ряд исходных точек зрения»: *M. Dupont a acheté la maison – La maison a été acheté par M. Dupont – L'achat de la maison par M. Dupont* [Pottier 1974].

При исследовании отношений участников процесса Ж. Дамурет и

Е. Пишон выделяют три категории: «приверженность» – семантическое отношение глагола и субъекта с разграничением активного действия и состояния: *Louise lave cette étoffe* – *Cette étoffe lave bien*; собственно залог: семантический объект сохраняется, но синтаксически выражается подлежащим: *Louise lave cette étoffe* → *Cette étoffe est lavée par Louise* → *Cette étoffe lave bien*; «соучастие» – зависимость действия от другого субъекта; различаются четыре субкатегории: *immixtion exécutive (laver)*; *causative (Louise fait laver cette étoffe)*; *tolérative (Louise laisse laver cette étoffe)*; *connective (Louise voit laver cette étoffe)* [Damourette 1971].

Ж. Дюбуа изменения в ориентации процесса называет пассивной трансформацией, включающей четыре формы: аналитический пассив: *Le soleil jaunit les papiers* – *Les papiers sont jaunis par le soleil*; симметричные глаголы: *Les papiers jaunissent au soleil*; возвратную форму глагола: *Les fruits se gâtent à l'humidité*; каузативную конструкцию: *Le choc a fait tomber Pierre* [Dubois 1967].

А. Блинкенберг представляет распределение действия между актантами в ситуации следующим образом: актив – действие направлено от субъекта; рефлексив (медиум) – действие заключено в субъекте; пассив – действие направлено к субъекту [Blinkenberg 1960: 366].

В.Г. Гак в плане содержания выделяет во французском языке ряд залоговых значений, которые, однако, не являются морфологическими залогами глагола, т.к. их наличие зависит от характера формы последнего: средний залог, выражающий действие, сосредоточенное в субъекте: *Pierre lit beaucoup*; активный залог, обозначающий действие, переходящее на объект: *Pierre lit un livre*; пассивный залог, где подлежащее выражает объект действия: *Ce livre est lu par tous les élèves*; возвратный залог, обозначающий действие, объектом которого является сам субъект: *Elle se regarde dans la glasse*; взаимный залог, выражающий совместное действие субъектов, переходящее с одного на другого: *Pierre et Jean se saluent*; фактитивный (каузативный залог), где субъект побуждает объект совершить некое действие: *Pierre a fait venir Jean*; безличный залог – субъект является дополнением бессубъектного процесса: *Il est arrivé un train*. В.Г. Гак также говорит о соотносимости и взаимообратимости залогов. Так, активный залог может быть преобразован в пассивный и возвратный: *La mère lave son enfant* → *L'enfant est lavé par sa mère* → *L'enfant se lave* [Гак 2004: 365-366].

Остановимся подробнее на проблеме анализа **возвратности** во французском языке.

Во французском языке, как и во всех романских языках, существуют глаголы, называемые возвратными (рефлексивными) – **réfléchis**

или, по формальному признаку, местоименными – **pronominaux**. Этимологически рефлексивы восходят к sporadически появляющимся в классической латыни сочетаниям переходных и непереходных глаголов с возвратным (рефлексивным) местоимением *se* (себя), коррелирующим, соответственно, с объектными формами личных местоимений в 1-м и 2-м лице единственного и множественного числа: *me, te, nos, vos* [Абросимова 1985: 40; Dauzat 1964: 678].

В классической латыни *se* сочеталось, за небольшими исключениями, с переходными глаголами; в результате такая форма, как *se lavare*, указывала на то, что действие направлено субъектом на него самого. Таким образом, произошла замена в употреблении невозвратной формы отложительного глагола *lavor – lavari* (1. *меня моют*, 2. *я моюсь*) на возвратную. Обозначенная функция возвратного местоимения вошла затем во все романские языки. Окончательно местоименные глаголы заняли место в системе французского языка после XVII в.: «Фиксация употребления местоименных глаголов произошла только в новейшую эпоху, когда установились и семантические оттенки для таких случаев, как *briser* и *se briser* в значении «разбиваться»: *La barque se brisa sur les écueils*, но *les vagues brisent* или *se brisent* и т.д.» [Шишмарёв 1952: 248-255].

Местоименная форма постепенно образовалась из некогда свободного синтаксического сочетания, в котором возвратное местоимение *se* выступало в функции прямого дополнения. Отсюда первое, исконное значение формы – возвратность действия. Выражая определённое отношение действующего лица – подлежащего – к действию, местоименная форма выступает как форма залога. Возвратный характер действия предполагает сознательное направление его обратно на действующее лицо и поэтому возможен прежде всего при одушевлённом подлежащем [Реферовская 1957: 212].

Таким образом, если русские глаголы объединяются в категорию возвратных на основе морфологического постфикса *-ся*, то во французском языке маркер возвратности – местоименная форма *se* – находится **в препозиции** к глаголу, и её форма меняется в зависимости от глагольного лица и числа.

Французской частице *se* в русском языке соответствуют две формы: частица *-ся*, образующая возвратную форму глагола с ее различными значениями (собственно-возвратным, взаимно-возвратным, пассивным и др.), и возвратное местоимение *себя*, обозначающее объект, совпадающий с субъектом. Вслед за Ж. Дюбуа и А. Мартине, В.Г. Гак считает, что во французском языке возвратный залог есть: «Возвратная форма занимает своё место в ряду залоговых форм, отличаясь и от ак-

тива, и от пассива и, вместе с тем, объединяя их черты. Это даёт основание выделять её как форму особого возвратного залога» [Гак 2004: 375].

Ж. Дамурет и Е. Пишон рассматривают сочетание возвратного местоимения и глагола как отдельную лексему [Damourette 1968-1971].

Существующие интерпретации функций возвратной приглагольной частицы *se* приводят к неоднозначным толкованиям залоговой семантики рефлексивов во французском языке.

Традиционно во французской грамматике различают три основные группы глаголов с возвратным маркером *se*:

1) действие субъекта направлено на него самого: *Elle se peigne devant la glace*;

2) взаимонаправленное действие субъектов, каждый из которых одновременно является объектом: *Ils se battent*;

3) глаголы средне-возвратного значения: *Vous vous promenez peu* [Nikolskaïa 1974].

У В.Г. Гака содержание двух первых групп объединяется в выражение единой первичной функции местоименной формы *se* – выражение возвратного и взаимного залога. Вторичная функция местоименной формы состоит в выражении ею значений двух других залогов – активного (средневозвратное действие) и пассивного (местоименный пассив), а также в десемантизации *se* [Гак 2004: 375-379].

Рассматривая местоименные глаголы в языковом функционировании, авторы учебного пособия по грамматике французского языка И.Н. Попова и Ж.Н. Казакова выделяют:

1. Рефлексивы, в составе которых *se* сохраняет свое семантическое наполнение:

а) verbes réfléchis: *Elle se lave*;

б) verbes réciproques: *Ils se sont battus*.

2. Рефлексивы, в составе которых *se* десемантизируется:

а) verbes non réfléchis: *Ils se sont souvenus de leur promesse*;

б) verbes à sens passif: *Cette tour se voit de loin* [Попова И.Н. 2001: 184-185].

Возможность выступать в нескольких грамматических значениях ограничивается для местоименной формы семантикой глагола.

По мнению Е.А. Реферовской, чем конкретнее лексическое значение глагола, тем уже круг возможных для его местоименной формы грамматических значений. Грамматическая многозначность *se* состоит в том, что, начиная только от выражения различных субъектно-объектных отношений, в число её функций постепенно вошло определение глагольной категории переходности / непереходности. Е.А. Реферовская отме-

чает случаи изменения грамматического значения глагола, приводящие к изменению ориентации действия, например: *Regarder / se regarder* – различные по грамматическому значению формы глагола *regarder*; местоименная его форма чаще всего обозначает возвратное действие. Когда изменение формы затрагивает глубокие слои смысловой структуры, речь может идти, по мнению исследователя, о рождении нового слова – в этом и состоит словообразовательная функция *se*. Переходный глагол и параллельный ему непереходный глагол (с *se*) могут иметь различные значения. Возвратный глагол может сохранять смысловую связь с исходным, либо полностью прерывать её. Местоименная конструкция в ряде случаев через грамматическую омонимию приводит к возникновению новых слов [Реферовская 1961: 178-185].

Таким образом, *se* выполняет словообразовательную функцию, а также служит оформлению различных грамматических значений. Роль формы глагола и его значения в каждом случае определяются конкретными условиями его употребления в зависимости от лексико-грамматического окружения глагола в предложении [Корди 1978]. При этом, как отмечает Е.А. Реферовская, в ряде случаев авторское словопотребление, вопреки нормативной грамматике, наделяет местоименной формой и переходные глаголы (например, в произведениях Г. Флобера); «медиальные» оттенки значения повышают «интимность» настроения, помогая глубже проникнуть во внутренний мир героев. Источником такого употребления является французская разговорная речь [Реферовская 1957: 212].

Итак, в свете поаспектного подхода к описанию устройства предложения категория залога представляет собой единицу релятивно-структурного подаспекта номинативного аспекта семантико-структурной организации предложения.

Залоговость – это семантико-функциональное поле, образуемое оппозициями грамматических форм, значения которых отличаются друг от друга разной семантической интерпретацией семантической структуры «субъект – действие – объект». Залоговые значения определяются различиями в соотношении семантических актантов – субъекта и объекта, с одной стороны, и членов предложения, репрезентирующих эти актанты, – с другой.

Семантико-функциональное поле залоговости содержит в себе центральный и периферийные компоненты. Центральное место в составе СФП залоговости в двух сопоставляемых языках занимает категория залога. Периферийную часть данного поля в русском языке составляют безличные конструкции и конструкции с возвратными глаголами раз-

личных типов, во французском языке – сочетания глаголов различных разрядов с местоимениями. При этом возвратными глаголами в русском языке мы считаем все единицы, имеющие в своём составе морфологический аффикс *-ся*; во французском языке возвратность формально выражена глаголом с местоименной частицей *se*, находящейся в препозиции к глаголу.

Возвратность тесно связана с категорией залога. В составе залоговых конструкций в русском и французском языках лингвисты выделяют ряд значений, по-разному характеризующих субъектно-объектные отношения между актантами. Данные отношения определяются активной или пассивной ролью семантических субъекта и объекта при осуществлении зрительного восприятия, которое выражается предложениями различных конструктивных типов.

Исходя из указанных выше теоретических положений, мы будем анализировать русские и французские предложения с глаголами ЛГР зрительного восприятия.

2.3. Глаголы лексико-семантической группы зрительного восприятия в русском и французском языках

Ситуация восприятия представлена в языке субъектно-объектными предложениями, в которых конкретный тип восприятия выражают глагольные лексемы.

Глаголы ЛГР зрительного восприятия (ЗВ), широко представленные в русском и французском языках, могут описываться на разных уровнях языка – лексическом, морфологическом, синтаксическом, стилистическом и др. – в зависимости от цели исследователя. При определении состава и структуры ЛГР ЗВ в целом используются два подхода – узкий и широкий.

При **узком** подходе исследователи включают в ЛГР ЗВ только те глаголы, у которых восприятие осуществляет активный субъект. Эта группа включает:

- а) подгруппу глаголов **смотрения** (глаголы типа *смотреть*);
- б) подгруппу глаголов **видения** (глаголы типа *видеть*).

Глаголы смотрения противопоставляются глаголам видения по признакам преднамеренности (активности) – непреднамеренности и целенаправленности – результативности; при этом у глаголов смотрения действие направлено от субъекта, у глаголов видения – к субъекту. Глаголы смотрения и видения могут быть также противопоставлены не по одному признаку, а по их совокупности: наличию / отсутствию в действии воли субъекта (активность / пассивность, преднамеренность /

непреднамеренность); по отношению причины / следствия (целенаправленность / результативность); как разные этапы чувственного восприятия (направленность от субъекта – направленность к субъекту).

По терминологии, предложенной А. Мустайоки, глаголы восприятия делятся на «активные» (*слушать, смотреть, нюхать* и т.д.) и «пассивные» (типа *слышать, видеть, чувствовать* и т. д.) [Мустайоки 2006: 216].

При **широком** понимании в ЛГР глаголов зрительного восприятия включаются не только разряды глаголов смотрения и видения, связанные с субъективным планом ЗВ, но и глаголы других типов:

глаголы типа *виднеться*, связанные с объективным планом ЗВ;

глаголы, обозначающие наличие, приобретение или утрату зрительной способности (*прозреть, ослепнуть*);

каузативные глаголы ЗВ (*ослепить, вернуть зрение, показать, спрятать*).

Исследования глаголов зрительного восприятия в широком смысле содержат следующий набор оппозиций: участие в ЗВ в качестве субъекта / объекта; действительное / возможное участие в ЗВ; положительная / отрицательная выраженность признака; неизменность / изменение признака (по внутренним причинам – становление, по внешним – каузация). По разделяемому нами мнению А.А. Кретова, архисемой ЛГР зрительного восприятия является «участие в ЗВ» [Кретов 1981: 107-110].

Отметим, однако, что в состав рассматриваемых русских и французских глаголов ЗВ мы не включаем:

1) стилистически пейоративно или фамильярно маркированные глаголы (например, *пялиться, дуниться; bayer, gaffer, toiser*) и экспрессивно окрашенные глаголы (*коситься, озира́ться, любоваться, потупиться; admirer, loucher* и т.п.);

2) возможные с разной степенью фразеологической устойчивости сочетания типа *попасться на глаза, пробежать глазами, глядеть в оба; perdre la vue, se rincer l'œil* и т. д., так как их анализ не входит в задачи данной работы.

Исходными в своем исследовании мы будем считать невозвратные глаголы русского языка, которые содержат в своей семантике хотя бы один компонент ЗВ. При наличии соответствующей словарной информации мы будем приводить их возможные возвратные соответствия, т.к. именно возвратные глаголы ЗВ будут интересовать нас в плане проявления залоговых значений. Если глагол ЛГР ЗВ не имеет возвратного коррелята, в обобщающей таблице будет ставиться прочерк.

Для первоначального анализа мы отобрали из словарей семантически нейтральные (немодифицированные) глаголы ЗВ несовершенного вида, которые не выражают дополнительных оттенков аспектуального

значения. Так, например, исследуя глагол *глядеть*, мы не включаем в список исследуемых лексем глагол совершенного вида *взглянуть*, который своей грамматической семантикой передаёт аспектуальное значение однократности (единичности) действия.

Ситуативно-структурная семантика предложений с глаголами ЛГР ЗВ имеет специфику, заключающуюся в возможности разной направленности действия: от субъекта к объекту – субъектное зрительное восприятие или от объекта к субъекту – объектное зрительное восприятие:

субъект – зрительное восприятие → объект

субъект ← зрительное восприятие – объект

2.3.1. Глаголы ЛГР зрительного восприятия в русском языке и их связь с возвратностью

2.3.1.1. Центр ЛГР зрительного восприятия

1. Глаголы субъектного ЗВ.

Процесс зрительного восприятия исходных глаголов данной группы осуществляется активным семантическим субъектом. Процесс, выражаемый глаголами данной подгруппы, может иметь характер смотра или видения.

Таблица 1.

Глагол	Возможные возвратные корреляты
<i>видеть</i>	<i>видеться</i> 1) восприниматься зрением, быть видимым; 2) мысленно представляться, грезиться; 3) встречаться
<i>глядеть</i>	<i>глядеться</i> То же, что «смотреться»
<i>замечать</i>	<i>замечаться</i> Проявляться, начинать быть заметным
<i>наблюдать</i>	<i>наблюдаться</i> 1) отмечаться, обнаруживаться; 2) становиться заметным
<i>обнаруживать</i>	<i>обнаруживаться</i> 1) становиться видимым, явным; 2) выказываться, становиться заметным, очевидным для кого-н. (о чем-н. внутреннем состоянии, качествах); 3) отыскиваться, находиться

прослеживать	прослеживаться Страд. к <i>прослеживать</i>
следить	-
смотреть	смотреться 1) смотреть на свое отражение, рассматривать себя; 2) хорошо, с интересом восприниматься; 3) то же, что «видеться»; выглядеть каким-л. образом
рассматривать	рассматриваться Страд. к <i>рассматривать</i>
усматривать	усматриваться 1) страд. к <i>усматривать</i> ; 2) обнаруживаться при взгляде, при рассмотрении, быть видным
созерцать	-
читать	читаться 1) восприниматься при чтении; 2) безл. о наличии желания или возможности читать; 3) распознаваться, угадываться по каким-либо признакам

Таким образом, представленные в таблице субъектные глаголы подразделяются на две подгруппы:

а) субъектные глаголы, имеющие возвратные корреляты: *видеть* / *видеться*; *глядеть* / *глядеться*; *замечать* / *замечаться*; *наблюдать* / *наблюдаться*; *обнаруживать* / *обнаруживаться*; *прослеживать* / *прослеживаться*; *рассматривать* / *рассматриваться*; *смотреть* / *смотреться*; *усматривать* / *усматриваться*; *читать* / *читаться*;

б) субъектные глаголы, не имеющие возвратных коррелятов: *следить*; *созерцать*.

2. Глаголы объектного ЗВ.

Таблица 2.

Глагол	Возможные возвратные корреляты
выглядеть	-
выглядывать	-
-	виднеться Быть доступным зрению

показывать	показываться 1) казаться; 2) появляться, становиться доступным зрению; 3) приходить к.-л.; 4) приходить к к.-л. для осмотра
указывать	указываться Страд. к <i>указывать</i>
представлять	представляться 1) мысленно воспроизводиться; 2) показываться в к.-л. виде
являть -	являться 1) приходить, прибывать; 2) представлять перед ч.-л. глазами; возникать; 3) представлять в ч.-л. сознании, воображении; 4) начинать действовать; 5) становиться, оказываться появляться представлять перед ч.-л. глазами; возникать;

Необходимо уточнить, что исходные невозвратные глаголы объектной группы (если они предусмотрены словарным составом языка) скорее имеют отношение к роли каузатора, представляющего семантический объект с «видимой» позиции.

Глаголы, имеющие постфикс *-ся*, обладают более выраженным признаком «объектности» и в предложениях занимают позицию активного объектного участия в зрительном процессе.

2.3.1.2. Периферия ЛГР глаголов зрительного восприятия

А. Глаголы цветового и светового объектного восприятия.

Ниже мы приводим таблицу, включающую в себя глаголы подгрупп цвета и световых ощущений, которые выражают те же зрительно-перцептивные процессы, что и обычные глаголы 3В, с целью определения их возможности иметь возвратные эквиваленты.

Отметим, что мы ограничились включением в таблицу 3 лексем **цвета**, обозначающих только наиболее распространённые оттенки спектра, т.к. наше исследование носит преимущественно семантико-синтаксический, а не лексико-семантический характер. Более подробную картину исследования данных глаголов в лексико-семантическом плане см. в работах [Янко-Триницкая 1989; Кретов 1979; 2006].

Таблица 3.

Исходный глагол	Возможная возвратная форма	Общие значения
<i>алеть</i>	-	Выделяться своим алым цветом, показаться (о ч.-л. алом)
<i>белеть</i>	<i>белеться</i>	Выделяться своим белым цветом, виднеться (о ч.-л. белом)
<i>блестеть</i>	-	-
<i>желтеть</i>	<i>желтеться</i>	Выделяться своим жёлтым цветом, виднеться (о ч.-л. жёлтом)
<i>зеленеть</i>	<i>зеленеться</i>	Выделяться своей зеленью, виднеться (о ч.-л. зеленом)
<i>розоветь</i>	-	-
<i>сверкать</i>	-	-
<i>сереть</i>	<i>сереться</i>	Выделяться своим серым цветом, виднеться (о ч.-л. сером)
<i>синеть</i>	<i>синеться</i>	Выделяться своим синим цветом, виднеться (о ч.-л. синем)
<i>сиять</i>	-	-
<i>темнеть</i>	<i>темнеться</i>	Выделяться своим тёмным цветом, виднеться (о ч.-л. тёмном)
<i>чернеть</i>	<i>чернеться</i>	Выделяться своим чёрным цветом, виднеться (о ч.-л. чёрном)

Отметим, что общим залоговым значением у возвратных и невозвратных глаголов цветового и светового восприятия является значение, которое исследователи определяют как «проявление признака объекта» [Янко-Триницкая 1989: 84].

Б. Возвратные глаголы объектного ЗВ, отличные по значению от незрительных коррелятов без постфикса -ся.

Анализ лексикографических источников выявляет наличие в русском языке возвратных глаголов зрительного восприятия, синтаксическую семантику которых мы определяем как объектную. Однако обращение к их невозвратным коррелятам обнаруживает отсутствие связи семантики последних с языковой сферой зрительного восприятия.

Таблица 4.

Исходный глагол	Возможный возвратный коррелят
<i>рисовать</i> 1) изображать на плоскости карандашом и т.п.; 2) представлять в образах	<i>рисоваться</i> 1) виднеться (об очертаниях); 2) представляться в виде образа к.-л., ч.-л.
<i>вырисовывать</i> Тщательно рисовать	<i>вырисовываться</i> Стать отчетливо видным
<i>золотить</i> 1) покрывать позолотой; 2) окрашивать в золотистый цвет	<i>золотиться</i> Выделяться своим золотистым цветом, виднеться (о ч.-л. золотистом)
<i>светить</i> 1) излучать свет; 2) направлять свет; 3) <i>прост.</i> казаться заманчивым;	<i>светиться</i> 1) излучать ровный, несильный свет; 2) виднеться (о светлых или освещаемых <i>чем-н.</i> предметах); 3) <i>перен.</i> проявляться, обнаруживаться в выражении, сиянии глаз (о внутренних состояниях; книжн.); 4) <i>перен., чем и без доп.</i> выражать своим блеском, видом какое-н. внутреннее состояние (о глазах, внешнем виде; книжн.).
<i>серебрить</i> 1) покрывать тонким слоем серебра; 2) придавать ч.-л. оттенок серебра)	<i>серебриться</i> Выделяться своим серебристым цветом, виднеться (о ч.-л. серебристом); сверкать серебряным блеском

В. Глаголы, семантически пограничные с областью ЗВ.

Следующую интересующую нас подгруппу глаголов мы определяем как пересекающуюся с полем, которое можно назвать «изменённые состояния сознания».

Таблица 5.

Исходный глагол	Возможная возвратная форма
<i>грезить</i>	<i>грезиться</i> 1) представляться в воображении; мерещиться; 2) сниться, видеться в состоянии бреда, полусна и т.п.

-	казаться 1) иметь тот или иной вид; 2) представляться воображению; 3) в знач. вводн. слова
-	мерещиться Казаться, представляться в воображении
представлять	представляться 1) называть себя, знакомясь; 2) принимать определенный вид; 3) являться в воображении; 4) возникать, появляться
-	сниться Видеться во сне
-	чудиться Представляться в мыслях, воображении; казаться, мерещиться

Интересно отметить, что среди глаголов, семантически пограничных с областью ЗВ, присутствуют глаголы, не употребляющиеся без постфикса *-ся* (*мерещиться, сниться, чудиться*).

К субъектным глаголам данной группы относятся единицы, представляющие собой невозвратные глаголы: *грезить, представлять*; к объектным – возвратные формы: *грезиться, мерещиться, представляться, сниться, чудиться*.

Г. Глаголы с отрицательно маркированной семой ЗВ.

Таблица 6.

Глагол	Возможные возвратные корреляты
исчезать	-
скрывать	скрываться 1) прятаться, исчезать; 2) уходить незаметно
прятать	прятаться Скрываться от других так, чтобы нельзя было увидеть или найти
ослеплять	-

Таким образом, среди глаголов ЛГР зрительного восприятия в русском языке в семантико-синтаксическом плане выделяются следующие подгруппы глаголов:

1) субъектные глаголы:

а) невозвратные:

центральные: *видеть, глядеть, замечать, наблюдать, обнаруживать, проследживать, следить, смотреть, рассматривать, усматривать, созерцать, читать;*

периферийные: *грезить, представлять;*

б) возвратные:

центральные: *видеться, глядеться, замечаться, наблюдаться, обнаруживаться, проследживаться, смотреться, рассматриваться, усматриваться, читаться;*

2) объектные глаголы:

а) невозвратные:

центральные: *выглядеть, выглядеть, показывать, указывать, представлять, являть;*

периферийные: *алеть, белеть, блестеть, желтеть, зеленеть, розоветь, сверкать, сереть, синеть, сиять, темнеть, чернеть; исчезать, скрывать, прятать;*

б) возвратные:

центральные: *виднеться, показываться, представляться, являться, появляться;*

периферийные: *белеться, желтеться, зеленеться, сереться, синеться, темнеться, чернеться; вырисовываться, золотиться, рисоваться, светиться, серебриться; грезиться, казаться, мерещиться, представляться, сниться, чудиться.*

Итак, всего в русском языке нами выявлено и проанализировано 69 глаголов ЛГР зрительного восприятия, из них 34 – невозвратные и 35 – возвратные. При этом, отметим ещё раз, в предмет нашего анализа не входили аспектуальные, временные, стилистически маркированные и т. п. варианты данных лексем.

2.3.2. Глаголы зрительного восприятия во французском языке и их возможные возвратные местоименные корреляты

К глаголам ЛГР ЗВ в широком смысле во французском языке относятся такие лексические единицы, как: *apercevoir, apparaître, cacher, considérer, disparaître, dissimuler, distinguer, éblouir, éclipser, étudier, garder, indiquer, lire, montrer, observer, regarder, remarquer, surveiller, voir* [Гак 1997; Морен 1964; Щерба 1983; Dauzat 1964; PL; Bailly 1971; PR 1].

Глаголы зрительного восприятия рассматриваются, главным образом, в составе залоговых конструкций. Однако поскольку, как было

отмечено ранее, вопрос о категории возвратности во французском языке является спорным, мы начнём анализ глаголов ЗВ с рассмотрения словарных дефиниций, что позволит нам выявить их лексико-семантические, словообразовательные и синтаксические особенности.

По модели, аналогичной той, которую мы избрали для анализа субъектно-объектных свойств русских глаголов ЗВ, расклассифицируем французские глаголы.

Метод сплошной выборки лексических единиц из словарей позволяет изначально выявить неместоименные (невозвратные) глаголы ЗВ; последующий анализ их семантики помогает определить:

- 1) имеет ли данный глагол возвратный коррелят;
- 2) если такой коррелят существует, относится ли он к сфере ЗВ.

2.3.2.1. Центр ЛГР глаголов зрительного восприятия

1. Глаголы субъектного ЗВ.

Представленная ниже таблица № 7 демонстрирует глаголы, содержащие в своей семантике «зрительный» компонент. С точки зрения субъектно-объектных характеристик эти глаголы относятся к сфере субъектного проявления действия.

Таблица 7.

Исходный глагол	Наличие / отсутствие местоименных сочетаний (по материалам различных словарей)		
	Лексические значения	Единицы перевода	Залоговые значения (если указаны в словарных статьях)
<i>apercevoir vt</i>	<i>s'apercevoir v pr</i> remarquer, se rendre compte	<i>s'apercevoir</i> 1) <i>de qch</i> замечать ч.-л., к.-л. 2) видеть себя (в зеркале) 3) замечать <i>dp.dp.</i> 4) быть видимым	<i>v pr:</i> 1) <i>réfl.</i> 2) <i>récipr.</i> 3) <i>passif</i>
<i>aviser vt</i>	<i>s'aviser de qch</i> trouver, imaginer	<i>s'aviser de qch</i> Заметить ч.-л., догадаться; <i>S'aviser de faire qch</i> Вздумать сделать ч.-л.	<i>v pr</i> <i>Réfl.</i>

contempler vt	se contempler [PR 1] s'absorber dans la contemplation de soi-même	Созерцать себя (напр., своё отражение)	v pr <i>Réfl.</i>
dévisager vt	-	se dévisager Пристально рассматривать друг друга	v pr
distinguer vt	se distinguer v pr 1) se signaler, se rendre célèbre; 2) se rendre distinct, différent de; 3) être perçu, discerné	se distinguer 1) отличаться; 2) прославиться; 3) становиться различимым, виднеться	v pr <i>Passif</i>
entrevoir vt	-	-	-
examiner vt	-	-	-
lire vt	-	se lire Читаться	v pr
observer vt	s'observer v pr 1) être sirconspect; 2) s'épier, se surveiller réciproquement	s'observer 1) наблюдать самого себя; 2) быть осторожным; 3) наблюдать друг за другом; 4) соблюдать (о правилах)	v pr
regarder vt	se regarder v pr être en face l'un de l'autre (о местоположении)	se regarder 1) смотреть на себя; 2) смотреть друг на друга; 3) быть расположенным друг против друга (о предметах); 4) смотреться, рассматриваться кем-л., как-л.	v pr: 1) <i>réfl.</i> 2) <i>récipr.</i> 3) <i>passif</i>
remarquer vt	местоименная конструкция допустима только в составе сочетания <i>se faire remarquer</i>	se remarquer Замечаться, быть замеченным	v pr
surveiller vt	se surveiller être attentif à ce que l'on dit, à ce que l'on fait	se surveiller 1) следить за собой; 2) присматривать друг за другом	v pr <i>Réfl.</i>

voir vt	se voir v pr 1) se fréquenter 2) <i>ne point se voir</i> , être en mauvaise intelligence; 3) <i>cela se voit tous les jours</i> , cela arrive fréquemment	se voir v pr 1) видеть себя, смотреть на себя; 2) бывать друг у друга; 3) быть видимым; 4) бывать, случаться; 5) в знач. служебн. гл. Il s'est vu obligé de...	v pr: 1) <i>réfl.</i> 2) <i>récipr.</i> 3) <i>passif</i>
----------------	---	--	---

Согласно лексикографическим данным, субъектными глаголами ЗВ, не имеющими возвратных соответствий во французском языке, являются: *entrevoir*, *examiner*; допускается использование глагола *dévisager* в возвратной форме (*se dévisager*).

2. Глаголы объектного ЗВ.

Таблица 8.

Исходный глагол	Наличие / отсутствие местоименных сочетаний (по материалам различных словарей)		
	Лексические значения	Единицы перевода	Залоговые значения местоименного глагола
apparaître vi	-	-	-
paraître vi	-	-	-
indiquer vt	-	-	-
montrer vt; vt ind	se montrer 1) se faire voir intentionnellement; 2) se faire voir, connaître; 3) être effectivement pour un observateur	se montrer 1) показываться, появляться; 2) проявлять себя, оказываться кем-л.	v pr 1) <i>réfl.</i> 2) <i>pass.</i>
présenter vt	se présenter 1) paraître devant qn; 2) se mettre sur les rangs; 3) <i>fig.</i> s'offrir à l'éprit; 4) apparaître d'une façon qui fait augurer bien ou mal	se présenter 1) представляться; 2) выставить свою кандидатуру; 3) представляться, являться, обнаруживаться; 4) иметь вид, выглядеть; 5) представлять себе.	v pr

2.3.2.2. Периферия ЛГР глаголов зрительного восприятия

А. Глаголы цветового и светового объектного восприятия.

Подобно тому, как мы рассмотрели глаголы подгруппы цветового и светового восприятия в русском языке, проведём аналогичные операции с глаголами французского языка с целью определения их возможности иметь возвратные корреляты.

Таблица 9.

Исходный глагол	Возможная возвратная форма и её значения
<i>bleuir vi</i>	-
<i>briller vi</i>	-
<i>éclairer vt, vi</i>	-
<i>éclater vi</i>	-
<i>étinceler vi</i>	-
<i>dessiner vt</i> (в зн. «обрисовывать, выделять»)	<i>se dessiner v pr</i> Paraître avec un contour net
<i>luire vi</i>	-
<i>miroiter vi</i>	-
<i>reluire vi</i>	-
<i>scintiller vi</i>	-
<i>verdoyer vi</i>	-

Можно заключить, что во французском языке глаголы общей **цветовой** семантики представлены не менее широко, чем в русском. Вместе с тем их синтаксический потенциал характеризуется меньшими возможностями выражения субъектно-объектных отношений: французские глаголы цвета не употребляются с местоименной частицей *se*, что имеет следствием их более ограниченное залоговое употребление.

У русских цветовых невозвратных глаголов в большинстве случаев наличествует несколько вариантов семантических и залоговых позиций (см. таблицу 3), как, например, у глагола *синеть*: 1) приобретать синий оттенок, становиться синим; 2) выделяться своим синим цветом, виднеться (о ч.-л. синем) [У; МАС; Ожегов 1991]. Семантически пассивное значение (2) сходно по лексической и залоговой семантике с возвратным коррелятом *синеться*. У французских глаголов цвета выделяют значения, сходные со значением (1) русских глаголов или, в

некоторых случаях, у них имеется (как единственное или дополнительное) значение «придавать чему-л. соответствующий оттенок цвета» (напр. *rougeoyer* – *devenir rouge*; *brunir* – *rendre brin*; *jaunir* – 1) *vt rendre jaune*, 2) *vi devenir jaune* [PL; PR 1].

Итак, согласно лексикографическим данным, такие глаголы цвета как *rougeoyer*, *brunir*, *jaunir*, *grisailier* и т.п. не могут относиться к сфере ЗВ, в отличие от немногочисленных глаголов (*verdoyer*, *bleuir*), приобретающих в соответствующих контекстах значение «быть воспринимаемым органами зрения».

Что касается глаголов **светового** восприятия во французском языке, то образование местоименных форм от исходных глаголов, содержащих сему ЗВ, здесь возможно. Глаголы *briller*, *étinceler* не имеют местоименных коррелятов, тем не менее, они содержат в себе сему «пассивного зрительного восприятия субъектом некоторого объекта», что объединяет данные глаголы по грамматической семантике с глаголами *verdoyer*, *bleuir* (ср. с русским *синеть* / *синеться*).

Б. Глаголы, пограничные с областью зрительного восприятия.

Во французском языке, как и в русском, можно выделить группу глаголов, относящихся к области «пограничного» ЗВ.

Таблица 10.

Глагол ЗВ	Наличие / отсутствие местоименных сочетаний (по материалам различных словарей)		
	Лексические значения	Единицы перевода	Залоговые значения местоименного глагола
<i>figurer vt</i> <i>figurer vi</i>	<i>se figurer</i> S'imaginer, croire	<i>se figurer</i> Представлять себе	<i>v pr</i>
<i>imaginer vt</i>	<i>s'imaginer v pr</i> Se figurer, croire sans fondement	<i>s'imaginer</i> 1) представлять себе; 2) воображать себя	<i>v pr</i>
<i>rêver vt</i> <i>rêver vi (à)</i>	- -	- -	- -
<i>sembler vi</i>	-	-	-

К субъектным глаголам данной подгруппы относятся единицы: *figurer* / *se figurer*, *imaginer* / *s'imaginer*, *rêver*; к объектным – глагол *sembler*.

В. Глаголы с отрицательно маркированной семой зрительного восприятия объекта.

Таблица 11.

Глагол ЗВ	Наличие / отсутствие местоименных сочетаний (по материалам различных словарей)		
	Лексические значения	Единицы перевода	Залоговые значения местоименного глагола
<i>aveugler vt</i>	<i>s'aveugler sur</i> Manquer de discernement, se tromper	<i>s'aveugler sur</i> Заблуждаться	<i>v pr</i>
<i>cacher vt</i>	<i>se cacher v pr</i> 1) se retirer dans un lieu secret; 2) ne pas vouloir que qch soit sue	<i>se cacher</i> 1) прятаться; 2) скрывать ч.-л.	<i>v pr:</i> 1) <i>réfl.</i> ; 2) <i>indirect</i>
<i>dérober vt</i>	<i>se dérober v pr</i> 1) se dit d'un cheval qui ne veut pas franchir un obstacle; 2) se soustraire; 3) <i>fig.</i> faiblir; 4) manquer; 5) éviter à être vu	<i>se dérober</i> 1) скрываться из вида; 2) уклоняться; 3) не брать барьер (о лошади); 4) уходить из-под ног	<i>v pr</i>
<i>disparaître vi</i>	-	-	-
<i>dissimuler vt</i>	<i>se dissimuler</i> Se glisser, se cacher	<i>se dissimuler</i> 1) скрываться, прятаться; 2) не признаваться в ч.-л. себе	<i>v pr:</i> 1) <i>réfl.</i> 2) <i>pass.</i>
<i>éblouir vt</i>	-	<i>s'éblouir</i> Обольщаться (не-зрит.)	-
<i>éclipser vt</i>	<i>s'éclipser v pr</i> 1) disparaître furtivement; 2) cesser d'exister	<i>s'éclipser</i> скрыться, исчезнуть	<i>v pr</i>

По признаку направленности выражения субъектно-объектных отношений к глаголам «отрицательного» зрительного восприятия с субъектным проявлением признака относится глагол *aveugler*, с объектным – *cacher / se cacher, dérober / se dérober, disparaître, dissimuler / se dissimuler, s'éclipser*.

Семантика глаголов *s'aveugler, s'éblouir* не содержит зрительных компонентов.

Таким образом, во французском языке в ЛГР ЗВ можно выделить следующие подгруппы:

1) субъектные глаголы:

а) невозвратные:

центральные: *apercevoir, aviser, contempler, dévisager, distinguer, entrevoir, examiner, lire, observer, regarder, remarquer, surveiller, voir*;

периферийные: *figurer, imaginer, rêver; aveugler*;

б) возвратные:

центральные: *s'apercevoir, s'aviser, se contempler, se dévisager, se distinguer, se lire, s'observer, se regarder, se remarquer, se surveiller, se voir*;

периферийные: *se figurer, s'imaginer*;

2) объектные глаголы:

а) невозвратные:

центральные: *apparaître, indiquer, montrer, paraître, présenter*;

периферийные: *bleuir, briller, éclairer, éclater, étinceler, dessiner, luire, miroiter, reluire, scintiller, verdoyer; sembler; cacher, dérober, disparaître, dissimuler*;

б) возвратные:

центральные: *se montrer, se présenter*;

периферийные: *se dessiner, se cacher; se dérober; se dissimuler, s'éclipser*.

Всего во французском языке мы рассмотрели 58 глаголов ЛГР зрительного восприятия, из них 38 являются невозвратными и 20 – возвратными. Как и при анализе материала русского языка, в предмет нашего анализа не входили аспектуальные, временные, стилистически маркированные и т.п. варианты данных глагольных лексем.

Итак, архисемой лексико-семантической группы глаголов зрительного восприятия является «участие в процессе ЗВ».

В русском и французском языках глаголы зрительного восприятия можно распределить по подгруппам, внутри которых выделяется центр и периферия. Центр ЛГР глаголов ЗВ в русском языке составляют 22

центральных субъектных 11 центральных объектных глаголов. Во французском языке выявлено 24 центральных субъектных глагола и 7 единиц, определяющихся как центральные объектные.

Периферийная зона ЛГР глаголов ЗВ в русском языке содержит большее количество вариантов возвратных глаголов ЗВ (34 единицы), чем периферийная зона аналогичной ЛГР французского языка (20 единиц).

В обоих языках было зафиксировано примерно одинаковое количество невозвратных глаголов ЛГР ЗВ: в русском – 35, во французском – 38. При этом в русском языке отмечено большее количество возвратных глаголов ЗВ, чем во французском языке – 34 и 20 соответственно.

В русском языке возвратные глаголы являются либо производными от невозвратных единиц, либо не имеющими невозвратных коррелятов.

Во французском языке все возвратные глаголы являются производными от соответствующих невозвратных глаголов.

2.4. Залоговые конструкции с глаголами зрительного восприятия в русском и французском языках

Чтобы охарактеризовать субъектно-объектные конструкции, выражающие ситуации зрительного восприятия, рассмотрим употребление конструкций разных типов в текстах русской и французской художественной литературы XX в. с точки зрения СФП залоговости.

Мы начинаем рассмотрение фактического материала с описания функционирования залоговых конструкций в русском языке, который является базовым для нашего исследования.

2.4.1. Залоговые конструкции в русском языке

2.4.1.1. Предложения с невозвратными глаголами

1. Личные активные предложения. Восприятие осуществляет активный семантический субъект, действие которого направлено на объект зрительного восприятия. В данной группе синтаксических конструкций мы разграничиваем предложения двух типов:

1) предложения с глаголами **смотрения**:

а) конструкции, в которых действие субъекта восприятия направлено на соответствующий семантический объект: *Тут мы **рассмотрели** его поподробней* (Коваль); *Отец **смотрел** на него спокойно и просто* (Домбровский); *Павел Петрович **посмотрел** налево и **стал***

смотреть направо: *то был мрак монастыря и свет новостройки* (Битов);

б) конструкции, в которых семантический субъект производит «смотрение» на неопределённый (обобщённый) объект, вследствие чего в таких предложениях форма выражения объекта (или объектов) отсутствует: *Она неподвижно и строго смотрела с фотографии, видимо, поражённая и этим костюмом и важностью момента* (Домбровский);

2) предложения с глаголами **видения**: *Немыслимый глухой рёв слышался за скалами, и мы увидели вдруг острую пику* (Коваль).

2. Личные конструкции с грамматически активным объектом зрительного восприятия. Пассивный субъект восприятия в данных предложениях не выражен грамматически, но его существование как реципиента подразумевается на семантическом уровне, т.е. он выступает как неопределённый или обобщённый: *Костюм был при галстукe, из кармашка костюма торчало сапожище перо, но над воротником не было ни шеи, ни головы, равно как из манжет не выглядывали кисти рук* (Булгаков).

3. Активные конструкции с невозвратными глаголами, в сочетании с лексическими средствами передающие взаимно-возвратное значение: *Суер же Выер между тем с Лешей смотрели друг на друга, узнавая и не узнавая* (Коваль); *На лестнице они взглянули друг на друга и тотчас вспомнили хоккейную игру* (Набоков).

4. Активные конструкции с невозвратными глаголами в сочетании с лексическими средствами, передающие собственно-возвратное значение: *Она посмотрела на себя в зеркало: лицо было бледнее обыкновенного; на лбу, под низкой каштановой прядью, появилась лёгкая сыпь; под глазами были желтовато-серые тени* (Набоков).

5. Личные пассивные конструкции с краткой формой страдательного причастия:

с определённым субъектом: *Лица её мне не было видно...* (Домбровский); *На кладбище вечер, но белый ангел – он рядом – хорошо виден мне, сидящему с аккордеоном три четверти* (Соколов);

с неопределённым (обобщённым) субъектом: *Он мчался, раздвигая лесок, как траву, и безумие его взгляда было видно даже с многоэтажной высоты...* (Битов); *При этом лицо его было неподвижно и сосредоточенно, даже особой злобы не было заметно на нём* (Домбровский).

6. Безличные пассивные конструкции с грамматически активным объектом и определённым или неопределённым (обобщённым) пассивным субъектом:

с определённым субъектом: *Спасибо, мне так отлично видно* (Набоков);

с неопределённым (обобщённым) субъектом: *Самой же мадам видно никак не было* (Коваль); *При красном свете было видно несколько больших чёрных шпал, положенных одна на другую поперек дороги* (Домбровский).

7. Неопределённо-личные конструкции с активным субъектом зрительного восприятия: *Про супругу Берлиоза рассказывали, что будто бы её видели в Харькове с каким-то балетмейстером* (Булгаков).

Итак, среди предложений с невозвратными глагольными формами можно выделить конструкции с разным распределением семантической и грамматической активности между субъектом и объектом:

конструкции с активным семантическим субъектом: 1, 3, 4, 7;

конструкции с активным семантическим объектом: 2, 3, 4, 5, 6.

2.4.1.2. Предложения с возвратными глаголами ЗВ

1. Собственно-возвратное значение: субъект осуществляет активное действие, подвергаясь ему сам: *Она сняла шляпу, посмотрелась в зеркало...* (Набоков); *Блуждая в этот весенний вторник по Берлину, он и вправду выздоравливал, ощущал первое вставанье с постели, слабость в ногах. Смотрелся во все зеркала* (Набоков).

2. Взаимно-возвратное значение: два взаимодействующих субъекта осуществляют восприятие, одновременно являясь его объектами: *Корнетов смотрел на Пугавкина: три года не видались* (Ремизов); *Он хочет сказать, что мы ещё увидимся. Да, мы увидимся очень скоро* (Булгаков).

Как показано в приведённых примерах, в подобных предложениях взаимно-возвратное значение передаётся соответствующим возвратным глаголом. Однако в текстах встречаются предложения, в которых можно наблюдать «дублированную» взаимно-возвратную семантику, где глагольное значение дополняется лексическим: *Видите ли, они лет пятнадцать не виделись друг с другом* (Домбровский); *Давно, давно мы не виделись с вами* (Домбровский).

3. Пассивно-возвратное восприятие, при котором активный объект оказывает действие на пассивный субъект. Субъект в данных предложениях пассивен, активную роль выполняет семантический объект, занимающий позицию подлежащего: *Сон крался к Ивану, и уж помешалась ему и пальма на слоновой ноге, и кот прошел мимо – не страшный, а весёлый* (Булгаков); *В ту ночь и сон мне приснился особенный* (Ремизов).

4. Предложения с возвратными глаголами, обозначающими появление объекта.

Конструкции с активным объектом, производящим действие, неопределённый субъект которого не выражен грамматически, но его существование как реципиента подразумевается на ситуативно-структурном уровне:

1) предложения, в которых объект характеризуется как обладающий способностью быть увиденным: *Да вон, кстати, какой-то островок **виднеется*** (Коваль); *В неподвижном белом воздухе чётко и ясно **рисовались** немногие предметы – круглые чёрные кусты по бокам дороги, чёрная же, тускло блестящая в канавке вода и в перспективе несколько высоких, прямых деревьев* (Домбровский);

2) предложения, обозначающие вступление семантического объекта в зрительный процесс: *Заиграл орган, и **показалась** процессия – в голубом, в пурпуре, в малиновом и в белом – кардинал, архиепископ, эвекки, каноники и просто священники, и хор* (Ремизов); *Тотчас из-за одного из памятников **показался** чёрный плащ* (Булгаков).

5. Безличные конструкции, в которых объект оказывает активное действие на определённый или неопределённый (обобщённый) пассивный субъект: *Да нет, милый, тебе **показалось*** (Коваль); *И самые верные предсказания не из рассуждений, а из сновидений, только бы... только б **приснилось!*** (Ремизов).

Таким образом, конструкции с возвратными глаголами в русском языке представляют следующее распределение активной роли между семантическими субъектом и объектом:

конструкции с активным семантическим субъектом: 1, 2;

конструкции с активным семантическим объектом: 3, 4, 5.

Итак, материал рассмотренных залоговых конструкций с глаголами ЛГР зрительного восприятия в русском языке воспроизводит общую картину организации СФП залоговости, изложенную в работах [Бондарко 1978; Копров 1999].

Конструкции с **невозвратными** глаголами ЗВ распределяются по принципу активность / пассивность, составляя часть ядра СФП залоговости. Конструкции с **возвратными** глаголами, являясь частью периферийной зоны поля, также обнаруживают тенденцию выражать активность / пассивность семантических субъекта / объекта (в зависимости от типа конструкций).

2.4.2. Залоговые конструкции во французском языке

При анализе залогового устройства предложений с глаголами ЗВ во французском языке мы опираемся на типологию подобных конструкций в русском языке. Те конструкции, которые не имеют прямых эквивалентов в русском языке, анализируются нами с теоретических позиций сопоставительного анализа предложений разноструктурных языков, изложенных в работах [Копров 2000; 2010].

2.4.2.1. Предложения с невозвратными глаголами

1. Личная активная конструкция. Восприятие осуществляет активный субъект, действие которого направлено на объект:

активные конструкции с глаголами **смотрения**: *Il observa Laurencot posément par-dessus ses lunettes, avec la sévérité d'un vieux maître d'école* (Gary);

активные конструкции с глаголами **видения**:

с глаголом **voir**: *Hors de mon métier enfin, je voyais peu de monde* (Camus); *Tous les regards se sont concentrés sur vous, et vous voyez dans la fenêtre en face de vous votre image qui se balance comme celle d'un homme ivre prêt à tomber* (Butor);

с глаголом **imaginer**: *Choisir, imaginez-vous cela?* (Camus); *Je n'imaginai l'amour d'Yseult que dans les romans ou sur une scène* (Camus);

с глаголом **apercevoir**: *Soudain, j'aperçus au large un point noir sur l'Océan couleur de fer* (Camus); *Entre les touffes qui s'espacent, il aperçoit à l'horizon, derrière le voile de poussière, une découpe de montagnes* (Butor).

Активные конструкции данного типа не представляют особенных сложностей при переводе на русский язык, который можно осуществлять, например, при помощи:

невозвратных глаголов: *Il n'avait pas aperçu le guide depuis le matin* (Gary) – *Переводчика он не видел с самого утра ...* (перев. О. Кустовой); *Il y a des siècles que des fumeurs de pipe y contemplent la même pluie tombant sur le même canal* (Camus) – *Уже сколько столетий голландцы, покуривая трубку, созерцают здесь одну и ту же картину: смотря, как дождь поливает канал* (перев. Н. Немчиновой);

возвратных глаголов: *Laverdure regarde la bouteille de grenadine avec une convoitise mémorable* (Queneau) – *Зеленец с нескрываемым вожделением уставился на бутылку с гранатовым сиропом* (пер. Л. Цывьяна).

2. Личные конструкции с грамматически активным объектом ЗВ.

Пассивный субъект восприятия в данных предложениях не выражен грамматически, т.е. он выступает как неопределённый или обобщённый: *Sans cesse, de nouvelles îles **apparaissent** sur le cercle de l'horizon* (Camus); *Dans la porte **apparaît** un autre homme de même espèce* (Butor).

3. Личные пассивные конструкции с определённым или неопределённым (обобщённым) семантическим субъектом: *Entre les tresses des nuages qui se dénouaient, les premières étoiles **sont apparues*** (Butor).

4. Неопределённо-личные конструкции с местоимением *on*: *Entre les cheveux sombres et le col du manteau, **on voyait** seulement une nuque* (Camus); ***On a examiné** la balle?* (Gary).

Подобные французские предложения могут представлять трудности при переводе на русский язык. Так, здесь можно предложить следующие варианты:

перевод неопределённо-личной конструкцией, сохраняющей активную роль за субъектом восприятия: ...***On verra** bien ce qu'ils disent tes le parents* (Queneau) – ***Посмотрим**, что скажут твои родители* (перев. Л. Цивьяна); ***On me vit** même dans un hôtel, voué à ce qu'on appelle le péché, vivre à la fois avec une prostituée mûre et une jeune fille du meilleur monde* (Camus) – *Меня **видели** даже в особой гостинице, отведенной, как говорится, для прелюбодейства, я жил там одновременно с проституткой зрелых лет и с молодой девушкой из лучшего общества* (перев. Н. Немчиновой);

перевод обобщённо-личной конструкцией: *Paraît que dans votre métier **on en voit** de drôles* (Queneau) – *С вашей профессией, говорят, всякого **навидаешься*** (перев. Л. Цивьяна); *Oui, dit Gabriel en reniflant, **on les voit** peu, mais on les sent tout de même* (Queneau) – *Тем не менее, – сказал Шарль, – людей не больно-то **разглядишь**, но амбре всё равно чувствуется* (перев. Л. Цивьяна);

перевод пассивной конструкцией с неопределённым (обобщённым) субъектом: ***On ne voit** donc que son visage sur lequel chaque gardien qui passe crache abondamment* (Camus) – *Значит, **видно** только его лицо, которое каждый тюремный сторож, проходя мимо, орошает обильным плевок* (перев. Н. Немчиновой);

перевод пассивно-возвратной конструкцией: *La pluie tombait si drue quand vous êtes passés sur cette terrasse qui marque l'ancien monument l'emplacement de l'ancien monument à Gambetta que **l'on voyait** à peine l'arc de Triomphe de Caroussel et pas du tout, naturellement, L'Obélisque* (Butor) – *Когда ты поднялся на террасу, сооружённую на месте стоявшего здесь памятника Леону Гамбетта, Триумфальная арка на*

площади Карусель едва **виднелась** за густой сеткой дождя, а Обелиск, естественно, совсем не был **виден** (перев. С. Тархановой и Ю. Яхниной);

перевод, полностью нейтрализующий аутентичный оборот с местоимением *on* за счёт использования русских предложений других семантико-структурных типов:

а) одноактантного глагольного предложения с семантикой «действие субъекта»: *Oui, les femmes restent à la maison, et l'on voit des hommes mûrs, respectables, ornés de moustaches, arpenter gravement les trottoirs* (Camus) – Да, женщины сидят дома, а мужчины зрелого возраста, почтенные, усатые люди, важно шествуют по тротуару (перев. Н. Немчиновой);

б) двуактантного глагольного предложения «локализация субъекта в пространстве»: *Les rail et les fils se multiplient, on aperçoit les premières maisons de Dijon* (Butor) – Всё гуще сеть рельсов и проводов, за окном первые дома Дижона (перев. С. Тархановой и Ю. Яхниной).

В обоих приведённых выше примерах повествование носит описательный характер, в первом случае – связанный с картинками воспоминаний, во втором – с описанием вида из окна движущегося вагона; поэтому, видимо, переводчики отдали предпочтение конструкциям других семантических типов.

5. Каузативные конструкции с вспомогательными глаголами *faire* и *laisser* в невозвратной форме, которые несут грамматическое значение возникновения / способности / необходимости / обязанности / возможности осуществления действия; активный объект действует на пассивный субъект, наделяя его возможностью зрительной рецепции – так называемый **фактитивный** залог [Гак 2004]:

L'un d'eux remplit un verre à mi-hauteur, l'élève dans sa main, vous le fait considérer en le tournant et le retournant devant une ampoule (Butor) – Один из них наполняет до половины стакан, поднимает и **демонстрирует** его вам, поворачивая перед лампой; *Bientôt la fenêtre entièrement dégagée vous a fait voir le ciel nuageux* (Butor) – Скоро в это окно, ничем больше не затемнённое, **ты увидел** обложённое тучами небо (перев. С. Тархановой и Ю. Яхниной).

Во втором примере переводчики употребили русскую личную активную конструкцию, противоположную исходной ситуации, в которой пассивный семантический субъект (*vous*) может «увидеть» объект (*le ciel*), только благодаря каузирующей функции третьего актанта (*la fenêtre*). Тем самым, исходная трёхактантная ситуация была заменена переводчиками на двуактантную.

Таким образом, как показал анализ фактического материала, в кон-

струкциях с невозвратными глаголами зрительного восприятия во французском языке активная роль распределяется между семантическими субъектом и объектом следующим образом:

конструкции с активным семантическим субъектом: 1, 4.

конструкции с активным семантическим объектом: 2, 3, 5.

2.4.2.2. Предложения с возвратными глаголами

1. Субъект осуществляет активное действие, подвергаясь ему сам (собственно-возвратное значение): *Je **me revoyais**, montant dans ma voiture, sans une réaction, sous les regards ironiques d'une foule* (Camus) – Я **видел себя**, садящимся в машину под иронические взгляды толпы; *Swann **s'imaginait** déjà là-bas avec M. de Forestelle* (Proust) – Сван уже **представлял себя** там с господином де Форестелем.

Конструкции данного типа можно перевести эквивалентными грамматическими конструкциями русского языка, например: *Zazie **se regardait** dans la glace en salivant d'admiration* (Queneau) – Пуская от восхищения слюни, Зазя **любовалась собой** в зеркале (перев. Л. Цывьяна).

Возможны варианты перевода аналогичных конструкций на русский язык с использованием невозвратных переходных глаголов зрительного восприятия: *Folavril **ne s'était aperçue** de rien* (Vian) – Хмельная ничего не **заметила** (перев. В. Лапицкого).

2. Взаимно-возвратное значение: два взаимодействующих субъекта осуществляют восприятие, одновременно являясь его объектами: *Nous **nous verrons** en tous cas demain soir, il y a un souper chez les Verdurin* (Proust) – Мы **увидимся**, в любом случае, завтра вечером – Вердюрены устраивают ужин.

Приведём примеры перевода подобной фразы конструкцией с невозвратным глаголом и лексическим маркером взаимно-возвратного действия:

*Toutes deux se sont mesurées du regard à son entrée dans le salon, **se sont observées** comme deux lutteuses qui s'apprêtent à s'empoigner* (Butor) – Как только одна из них вошла в гостиную, обе женщины **смерили друг друга взглядами**, взглядами двух соперниц, готовых к схватке; *Ils se sont vus pour la première fois à une réception chez des amis communs* (Butor) – И в первый раз они **увидели друг друга** на вечеринке у общих знакомых (перев. С. Тархановой и Ю. Яхниной).

3. Пассивно-возвратное восприятие, при котором активный объект оказывает действие на пассивный субъект: *Et quand cela **ne se voit pas** sur leur visage* (Butor) – Если же это невозможно прочитать на их лицах; *Pourquoi demande-t-on aux gens s'ils sont amoureux puisque cela*

se voit toujours? (Anouilh) – Зачем спрашивать людей об их любви, которая и так очевидна?

Перевод подобных фраз на русский язык активной конструкцией наделяет субъект активной ролью: *Il avait vécu trop longtemps au fond de la brousse, au cœur noir de la souffrance, pour manifester autre chose que de l'impatience lorsqu'un homme se présenta* devant lui (Gary) – Он слишком долго прожил в самом сердце джунглей, в чёрном сердце человеческого страдания, чтобы не обозлиться; и вдруг в миссию Форт-Лами **явился** какой-то тип (перев. О. Кустовой).

4. Предложения с возвратными глаголами, обозначающими проявление признака – конструкции с активным объектом, производящим действие; субъект восприятия не выражен грамматически, т.е. выступает как неопределённый (обобщённый):

1) предложения, в которых объект приобретает способность быть увиденным: *Devant moi il n'y avait pas une ombre, chaque angle, toutes les courbes se dessinaient avec une pureté blaisante pour les yeux* (Camus) – Впереди нет ни намёка на тень, все углы, изгибы вырисовываются мучительно четко; *Dans le paysage bourguignon qui court à votre rencontre se dessinait la gare des Laumes-Alésia avec son depot de vieilles locomotives* (Butor) – В бегущем вам навстречу бургундском пейзаже **появляется** вокзал Лом-Алезия со своим депо для старых составов;

2) предложения, обозначающие вступление семантического объекта в зрительный процесс: *Il n'était pas question de vous présenter avec une barbe de vinght-quatre heures devant Mesdemoiselles Capdenac, Lambert et Perrin* (Butor) – Не могло быть и речи о том, чтобы **предстать** перед дамами Канденак, Ламбер и Перрен с суточной щетиной на лице; *Votre amour pour Cécile se présente à vous désormais sous un autre face, les voisinages de cette face sous laquelle cet immense objet se présente à vous* (Butor) – Ваша любовь к Сесиль и все стороны этой любви иначе представляются вам.

5. Каузативные конструкции с вспомогательными глаголами *faire* и *laisser* в возвратной форме: активный объект действует на пассивный субъект, наделяя его возможностью зрительно воспринимать этот объект: *Je me demande comment vous ne vous faites pas remarquer* (Anouilh) – Я себя спрашиваю, как вы-то могли не заметить; *Hector croit toujours qu'il va se faire reconnaître d'Eva* (Anouilh) – Гектор полагает, что добьётся расположения Евы (досл. заставит заметить, признать себя).

Таким образом, конструкции с возвратными глаголами во французском языке демонстрируют следующее распределение активной роли между семантическими субъектом и объектом:

конструкции с активным семантическим субъектом: 1, 2;
конструкции с активным семантическим объектом: 3, 4, 5.

Итак, среди конструкций с невозвратными и возвратными глаголами ЛГР зрительного восприятия русского и французского языков наблюдается совпадение моделей. Общей для обоих языков тенденцией в залоговой организации проанализированных предложений является отнесение большинства конструкций к сфере пассивности субъекта и активности объекта.

Остановимся подробнее на исследовании особенностей функционирования одного из типов залоговых конструкций – пассивно-возвратного предложения русского и французского языков.

2.5. Особенности семантики и функционирования пассивно-возвратных предложений с глаголами зрительного восприятия в русском и французском языках

2.5.1. Русские предложения пассивно-возвратного типа

Как отмечал В.Г. Гак, глагол восприятия в русском высказывании чаще ставится в пассиве. Зрительное и слуховое впечатление представляется в этом случае как идущее от воспринимаемого предмета к неизвестному (любому) адресату [Гак 2004]. В исследованиях предложений с глаголами ЛГР зрительного восприятия особый интерес для нас представляют конструкции, которые мы, вслед за В.Ю. Копровым, определяем как **пассивно-возвратные**.

В предложениях с глаголами ЛГР зрительного и слухового восприятия, а также умственного действия субъект может быть представлен формой дательного падежа или синтаксическим нулем как грамматически пассивный; носителем грамматического признака здесь выступает объект, занимающий позицию подлежащего: *Издалека слышались какие-то непонятные звуки; Ему вспомнилась поездка на Кавказ*. Предложения данного типа регулярно противопоставляются личным активным конструкциям, в которых залоговая активность субъекта совпадает с его активной ролью в выражаемой ситуации: *Они слышали какие-то непонятные звуки; Он вспомнил поездку на Кавказ*. На этом основании В.Ю. Копров включает интересующие нас предложения в число залоговых конструкций, составляющих периферию СФП залоговости в русском языке [Копров 1999: 115-119].

Семантическую структуру предложений данного типа можно представить грамматической моделью: субъект ← зрительное восприятие – объект.

В связи с «произвольностью» восприятия, представленного в пассивно-возвратных конструкциях, Н.В. Перцов говорит о существовании общей тенденции возвратных предложений к саморазвитию: в возвратном ряду восприятие представлено как происходящее само по себе без каких-либо перцептивных или ментальных усилий со стороны субъекта. Такое привнесение смысла произвольности и саморазвития ситуации вообще нередко сопровождает возвратность глагола (и, возможно, косвенно связано с одной из особенностей русской языковой картины мира) [Перцов 2003: 59].

Наш анализ предложений с глаголами ЛГР зрительного восприятия обнаруживает в русском языке многочисленные случаи употребления пассивно-возвратных конструкций.

Как указывалось выше, предложения данного типа регулярно противопоставляются личным активным конструкциям. Исключение составляет ряд предложений с такими глаголами, как *мерещиться*, *чудиться*, а также *сниться*; семантика данных глаголов содержит в себе компоненты не только зрительного восприятия, но и ментальных операций, происходящих в сознании человека под влиянием некоторых факторов, изменяющих это сознание (сон и др.). Употребление данных глаголов в тексте ставит под вопрос реальность обозначаемых ими процессов, поэтому перечисленные глаголы не имеют соответствующих невозвратных форм [Янко-Триницкая 1989: 84].

В проанализированных нами предложениях встречаются возвратные глаголы зрительного восприятия следующих **подгрупп**.

1. Глаголы, выражающие воздействие на субъект, представленный в предложении в форме дательного падежа как определённый, или нулевой формой – как неопределённый: *видеться*, *грезиться*, *мерещиться*, *представляться*, *сниться*, *чудиться*, например:

*Он надел эту шапочку и **показался Ивану** в профиль и в фас, чтобы доказать, что он – мастер (Булгаков); **Приснилась** неизвестная Маргарите местность – безнадежная, унылая, под пасмурным небом ранней весны. **Приснилось** это клочковатое бегущее серенькое небо, а под ним беззвучная стая грачей (Булгаков).*

2. Глаголы, выражающие воздействие на субъект, всегда представленный в предложении синтаксическим нулём; т.е. воспринимающий субъект как бы остаётся «за кадром» [Падучева 2000]: *виднеться*, *замечаться*, *обнаруживаться*, *обозначаться*, *смотреться*, *рисоваться*, *читаться*, например:

*Но чем дальше, тем садов и огородов становилось меньше, **появилась** река, и домики ушли куда-то в сторону (Домбровский); На окне чётким квадратом обозначалась клетка с ручным снегирём; его пух-*

лая, грушевидная фигура ярко **рисовалась** на фоне ещё светлого неба (Домбровский); Три белых пешки-ландскнехты с алебардами растерянно глядели на офицера, размахивающего шпагой и указывающего вперёд, где в смежных клетках, белой и чёрной, **виднелись** чёрные всадники Воланда на двух горячих, роющих копытами клетки, конях (Булгаков).

Каждый из глаголов в предложениях типов (1) и (2) демонстрирует пассивность семантического или «внерамочного» субъекта и активную роль семантического объекта предложения.

Но, на наш взгляд, было бы не совсем оправданным ограничиваться выделением только этих двух подгрупп глаголов, поскольку квалификация объекта как носителя действия в предложениях не всегда очевидна. Как показало наше исследование, в степени квалификации процесса, выражаемого глаголом в пассивно-возвратном предложении, и в его принадлежности к объекту или субъекту наблюдается **градуальность**.

1. Активная роль в осуществлении действия принадлежит семантическому **объекту**, который как бы открывает, предоставляет возможность для внешней детерминации, зрительного восприятия себя самого: *видеться, виднеться, замечаться, читаться*, например:

а) предложения с субъектом действия, выраженным формой дательного падежа: *В лунном тумане **мне видится** замок Куси, живой и нерушимый...* (Ремизов); *Магда **виделась ему** как некая восхитительная заставка, возглавляющая всю его жизнь* (Набоков);

б) предложения с неопределённым (обобщённым) субъектом: *На нём, под одинокой группой каких-то раскидистых деревьев, метался огонёчек от костра и **виднелись** какие-то движущиеся фигурки* (Булгаков); *Между холмами кое-где **виднелась** уже рябая поверхность прокисшего болота, покрытая реденьким заморённым лозняком* (Стругацкие).

В данную подгруппу мы также включаем предложения с глаголом *показаться*, т.к. его семантика обозначает действие, имеющее следствием «вступление объекта в поле зрения субъекта: *Чёрный кожаный плащ распахнулся, и из-под него **показались** пиджак и сиреневая рубашка* (Домбровский); *И вот как раз в то время, когда Михаил Александрович рассказывал поэту о том, как ацтеки лепили из теста фигурку Вицлипуцли, в аллее **показался** первый человек* (Булгаков).

2. Объект является носителем действия, но зрительное восприятие осуществляется не без участия **субъектного** актанта; это может передаваться, например, глаголом *обнаруживаться* в следующих значениях:

а) появление объекта как воспринимаемого предмета или явления в результате деятельности субъекта: *Что будто бы в дровяном сарае на*

той самой даче, куда спешно ездила Анна Францевна, **обнаружились** сами собой какие-то несметные сокровища в виде тех же бриллиантов, а также золотых денег царской чеканки (Булгаков); В крепости гость пробыл тоже очень недолго, а затем след его **обнаружился** в Нижнем Городе, в кривых его и путаных улицах (Булгаков);

б) появление нового объекта в поле зрения пассивного семантического субъекта: Да и в Париже «китайские» повадки **обнаружились** как-то само собой безо всякой преднамеренности и умысла (Ремизов); Тут слышался мягкий звон колокольчика, свет в зале потух, занавесь разошлась, и **обнаружилась** освещённая сцена с креслом, столиком, на котором был золотой колокольчик, и с глухим чёрным бархатным задником (Булгаков).

Следует отметить, что если первую подгруппу составляют глаголы, безоговорочно относимые лингвистами к ЛГР зрительного восприятия, то во второй находятся глаголы с более сложной семантикой, содержащие, помимо зрительной семы, семантику других типов субъектно-объектных отношений (локализации, посессивности, умственных и физических действий).

Это можно объяснить тем, что восприятие осуществляется поэтапно: сначала – соответствующими органами чувств человека, затем сигнал поступает в мозг, который фиксирует факт восприятия. На первом этапе восприятия объекта воспринимающему субъекту нет необходимости проявлять какую-либо активность, а осуществление ментальных операций уже требует деятельности мыслительных органов субъекта. М.П. Никитин показал, что возникновение гипотезы (представления) о предъявленном предмете существенно меняет течение перцептивного процесса; это критический путь микроразвития восприятия, который как бы возвращает его на более ранние стадии, задавая новый вектор движения от глобального, синкретического восприятия ко все более и более дифференцированному [Никитин 1985: 14-15]. Поэтому при исследовании пассивно-возвратных конструкций возвратные глаголы ЛГР зрительного восприятия часто объединяются именно с возвратными глаголами ЛГР умственных действий [Копров 1999: 116].

3. Глаголы *мерещиться*, *чудиться*, а также *сниться* уже содержат в себе как компоненты восприятия, так и, даже более явно выраженные, семы умственных действий; кроме того, как указывалось выше, семантика данных глаголов ставит под вопрос реальность процессов, которые они обозначают. Например, глагол *мерещиться* употребляется в пассивно-возвратных конструкциях для обозначения процесса возникновения образов предметов в сознании субъекта:

И опять померещилась ему чаша с тёмною жидкостью (Булгаков); Только что это там всё-таки серебрится? Или это мерещится мне? (А. и Б. Стругацкие); Стало быть, ему мерещится, что он в Ялте! Ему-то, может быть, и мерещится, а Ялтинскому угрозыску тоже мерещится? (Булгаков).

Что касается глагола *сниться*, то относительно его семантических характеристик можно сказать следующее: процесс сна сочетает в себе и восприятие (чтение изображения с сетчатки глаз), и ментальную обработку воспринимаемого. Предложения с данным глаголом также передают пассивно-возвратное залоговое значение, подобно остальным возвратным глаголам данной подгруппы:

*Всё это только **снилось** Никанору Ивановичу под влиянием поганца Коровьева (Булгаков); Или бывает так: перед каким-то событием **приснился** сон; содержание испарилось и только остаётся на всю жизнь: что-то особенное **снилось**, но не могу вспомнить (Ремизов).*

4. Если выше речь шла о конструкциях с возвратными глаголами собственно ЛГР зрительного восприятия, то ниже мы приведём примеры аналогичных синтаксических конструкций, в которых в функции зрительного восприятия выступают глаголы **других** ЛГР, часто в метафорическом употреблении, периферийные области семантики которых взаимодействуют с зоной зрительного восприятия, например:

а) глаголы смешанных типов восприятия (зрительного, тактильного и др.): *В овраге была уже ночь и **затеплились** гнилушки (Битов); Тускло **лоснилась** плоская банка из массивного, гранёного, грубого стекла под хрусталь (Домбровский);*

б) глаголы умственных действий: *Облетали листья, закатывалось и восходило солнце, покрывал всё снег, набегали тучи, и лил дождь, и даже в ночном мраке с одинокой звездой **угадывались** его черты... (Битов);*

в) глаголы физического действия: *Беззвучно и сильно **прорвалась** сквозь тучу луна каким-то прокисшим ломтем (Битов);*

г) глаголы пространственной локализации: *В сторону от окна **простирались** бескрайние просторы, уже не городские, а российские. Лес **тянулся** до горизонта, лишь вблизи дома, за пустующим в этот час шоссе сменяясь молодым густым подлеском (Битов); Внизу **красовалась** подпись на полстраницы (Домбровский); В углах комнаты стояли тихие, сонные заводы неподвижных сумерек, и из них **выступали** только верхушки предметов (Домбровский).*

Таким образом, при анализе фактического материала мы обнаружили факт так называемого «лексико-функционального замещения», когда в предложениях пассивно-возвратного типа место возвратных

глаголов ЛГР зрительного восприятия могут занимать возвратные глаголы других ЛГР, содержащих в своей семантике периферийную сему зрительного восприятия.

Итак, анализ предложений, залоговая семантика которых обозначает процесс пассивно-возвратного зрительного восприятия объекта субъектом, выявляет еще одну область взаимодействия лексики и грамматики и демонстрирует взаимосвязь семантико-функциональных подсистем в синтаксической системе русского языка.

2.5.2. Способы передачи пассивно-возвратного значения средствами французского языка

Во французском языке имеется количественно более ограниченная, чем в русском языке группа возвратных глаголов ЛГР зрительного восприятия, которые могут выражать в предложениях пассивно-возвратное залоговое значение: *se dessiner, se distinguer, se présenter, se voir*. Все перечисленные глаголы имеют невозвратные корреляты, что сближает их с соответствующими русскими возвратными глаголами.

Henri, cela se voyait bien, qui au moment où il vous avait entendu arriver, était étendu sur son lit en lisant un roman de la série noire (Butor); *Et quand cela ne se voit pas sur leur visage* (Butor); *Pourquoi demande-t-on aux gens s'ils sont amoureux puisque cela se voit toujours?* (Anouilh); *Cela se voit?* (Anouilh); *Cela ne se serait pas vu, mais j'aurais su que je souriais* (Beckett); *Son visage se dessinait maintenant dans les fuyantes herbes de talus éclairées* (Butor); *L'idée de châtement se présenta à son esprit...* (Beckett).

Приведённые выше примеры являются конструкциями с неопределённым субъектом восприятия, что, по нашим наблюдениям, наиболее характерно для подобных конструкций французского языка.

Как и в русском языке, метафорическое употребление некоторых «незрительных» глаголов наделяет их «зрительной» семантикой. Употреблённые в пассивно-возвратных конструкциях, данные глаголы обозначают действие, направленное от объекта к субъекту восприятия:

De l'autre côté du corridor et de la mer se sont déployés le promontoire de Piombino, l'île d'Elbe (Butor); *Le mur du fond tombait par grandes plaques et la figure centrale se teignait de bleu, se fondait dans la lumière épaisse, formant comme un caillot au milieu du paysage urbain nocturne qui se découvrait peu à peu* (Butor); *Les premiers cyclistes se dégageaient de l'ombre* (Butor).

Глаголы в приведённых примерах относятся к группе, обозначающей «обособление» объекта.

Как показал анализ словарей [Dauzat 1964; PL; Bailly 1971; PR 1], в фонде французского языка нет глаголов пассивно-возвратного зрительного восприятия, сопоставимых с такими русскими глаголами, как *мерещиться*, *сниться*; во французских предложениях их функцию выполняют **невозвратные** глаголы соответствующей семантики в активных залоговых конструкциях, ср.: *Mне приснился водопад – J'ai rêvé une cascade.*

Тем не менее, передача пассивного значения достигается при использовании конструкций с некоторыми невозвратными глаголами, которые не имеют возвратных коррелятов. В предложениях с такими глаголами, как *apparaître*, *paraître* обозначается воздействие семантического объекта на органы зрения субъекта:

*Dans l'autre côté du corridor la lune **reparaît** en écartant des nuages en forme de têtes d'oiseaux à grandes plumes et crêtes* (Butor); *La lune **apparaissait** au-dessus des monts dorés et pourpres* (Butor); *A travers les nuages qui se séparent, la lune **apparaît** et vous efface* (Butor); *Un moment encore et Gustave **paraît*** (Anouilh).

В некоторых случаях авторы произведений употребляют глагол *apparaître* в пассивной форме, тем самым подчеркивая «двойную» пассивность семантического субъекта: *Entre les tresses des nuages qui se dénouaient, les premières étoiles **sont apparues*** (Butor).

Таким образом, представленный выше анализ фактического материала демонстрирует наличие как общих, так и специфических средств выражения процесса зрительного восприятия в русском и французском языках.

Общей тенденцией в залоговой организации рассмотренных предложений в обоих языках является вхождение большинства конструкций в сферу пассивности субъекта и, соответственно, активности объекта.

Рассмотрение предложений, представляющих собой конструкции пассивно-возвратного типа в русском языке, позволило выявить лексико-семантическое разнообразие данных залоговых конструкций: в их составе используются возвратные глаголы *видеться*, *виднеться*, *грезиться*, *мерещиться*, *представляться*, *сниться*, *чудиться*, *обнаруживаться*, *обозначаться*. Во французском языке также имеются предложения с возвратными глаголами зрительного восприятия, выражающие направленность действия от активного объекта восприятия к пассивному субъекту: *se dessiner*, *se distinguer*, *se présenter*, *se voir*.

Следовательно, в русском языке предложения пассивно-возвратного типа представлены шире, чем во французском, что обу-

словлено количественным превосходством и разнообразием возвратных глаголов, которые могут фигурировать в данных конструкциях. Вместе с тем во французском языке существуют невозвратные глаголы, такие как *apparaître, paraître*, обозначающие факт пассивного восприятия объекта субъектом, тогда как в русском языке их функцию выполняют возвратные глаголы типа *появляться, показываться* и др.

Выводы

1. В русском и французском языках для обозначения разнонаправленного процесса зрительного восприятия используются двуактантные вербальные залоговые конструкции с невозвратными и возвратными глаголами ЛГР зрительного восприятия. В целом системы обоих языков демонстрируют наличие как общих, так и специфических средств выражения ситуаций зрительного восприятия.

2. Русские залоговые конструкции разных типов, составляя СФП залоговости, выражают различную степень активности / пассивности семантических субъекта и объекта при восприятии:

конструкции с невозвратными глаголами распределяются по принципу активность / пассивность, составляя часть ядра СФП залоговости;

конструкции с возвратными глаголами, являясь частью периферийной зоны поля, также обнаруживают тенденцию выражать активность / пассивность семантических субъекта и объекта (в зависимости от типа конструкций).

3. Залоговые конструкции с невозвратными глаголами ЛГР зрительного восприятия во французском языке, хотя и не являются точными эквивалентами русских, также распределяются по признаку активность / пассивность и составляют часть ядра СФП залоговости. Французские конструкции с возвратными глаголами, как и в русском языке, являясь периферийной зоной рассматриваемого СФП, обнаруживают тенденцию выражать активность / пассивность субъекта и объекта.

4. Среди конструкций с невозвратными и возвратными глаголами ЛГР зрительного восприятия русского и французского языков наблюдается совпадение большинства моделей. Общей тенденцией в залоговой организации предложений с глаголами ЛГР зрительного восприятия для русского и французского языков является отношение большинства конструкций к сфере пассивности субъекта и активности объекта.

5. В русском и французском языках используются субъектно-объектные конструкции, выражающие пассивно-возвратное (по отно-

шению к семантическому субъекту) залоговое значение. В подобных предложениях семантический субъект грамматически пассивен; носителем грамматического признака выступает объект, занимающий позицию подлежащего.

6. Широко представленные в русском языке пассивно-возвратные предложения с глаголами ЛГР зрительного восприятия могут детализовано характеризоваться не только с позиции выражаемой ими инвариантной семантической структуры, но и с учётом периферийных и смежных семантических характеристик используемых в них глаголов.

Во французском языке пассивно-возвратное значение также может выражаться при помощи возвратных глаголов зрительного восприятия, употреблённых в соответствующих конструкциях. Кроме того, семантика некоторых французских глаголов определяет возможность их функционирования в пассивно-субъектных невозвратных конструкциях, семантически эквивалентных пассивно-возвратным конструкциям.

7. Таким образом, анализ лексического наполнения глагольной позиции предложений, выражающих зрительное восприятие, позволяет описать одну из областей взаимодействия лексики и грамматики в двух языках.

Результаты проведённого сопоставительного исследования средств выражения зрительного восприятия в русском и французском языках имеют значение для практики перевода и преподавания языков как иностранных.

ГЛАВА III. СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СИТУАЦИИ КАСАНИЯ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

В данной главе в рамках семантико-функционального сопоставительного синтаксиса рассматривается устройство и функционирование русских и немецких предложений, выражающих ситуации касания субъекта и объекта.

Под языковым отражением предметной ситуации касания мы понимаем сложную разновидность субъектно-объектных отношений, связанную с физическим воздействием субъекта на объект, с одной стороны, и осязательным (тактильным) восприятием субъектом объекта – с другой.

В ходе исследования предполагается определить состав и структуру поля глаголов касания в русском и немецком языках, описать особенности взаимодействия лексики и грамматики на материале лексико-грамматических разрядов имён в составе предложений касания сопоставляемых языков, выявить особенности функционирования предложений касания в двух языках в свете категории залога и залоговости.

3.1. Сущность ситуации касания

Сферу касаний образуют чрезвычайно разнообразные по своему характеру предметные ситуации. Прежде чем перейти к описанию семантико-структурного устройства и особенностей функционирования предложений касания в русском и немецком языках, приведём некоторые определения **ситуации касания**, имеющиеся в разных отраслях науки.

Согласно одному из них, касание – это геометрическое понятие, обозначающее, что в некоторой точке две кривые (или кривая и поверхность) имеют общую касательную прямую или две поверхности имеют общую касательную плоскость [БЭС, т. 11: 494]. Понятие касательной – одно из важнейших в математическом анализе. Изучение прямых, касательных к кривым линиям, во многом определило направление развития математики [Энциклопедия 1985].

Понятие взаимодействия – одно из самых важных не только в физике, но и во всех естественных науках. Именно взаимодействия различного рода – причина всех изменений в материальном мире. Например, одно тело в процессе движения сталкивается с другим телом, при этом они взаимодействуют и оба изменяют скорость и траекторию своего движения.

Как известно, в механике выделяются и изучаются три вида взаимодействий: сила трения (сила, возникающая при движении одного тела по поверхности другого), сила упругости и сила тяготения. Согласно первому закону Ньютона, в отсутствие действия сил тело покоится или движется с постоянной скоростью; все находящиеся вокруг нас предметы можно перемещать под действием силы. Категория перемещения ассоциируется с такими ключевыми понятиями, как траектория, путь. Перемещение предмета в пространстве из одной точки в другую может быть выражено топологической схемой: источник – путь – конечная точка. Источником перемещения является движение, источником движения – внутренний или внешний импульс. Если движение осуществляется в результате собственной интенции, происходит перемещение субъекта. Если движение становится результатом внешнего воздействия, происходит перемещение объекта. Изменение и взаимодействие являются элементами понятия движения. Таким образом, в ситуации касания все начинается с движения предметов, и именно оно обычно предшествует акту касания [Словарь 2001].

Поскольку в центре современных гуманитарных исследований стоит человек, одной из важнейших научных проблем является изучение процессов восприятия человеком окружающего мира, в том числе – осязательного восприятия.

Как человеком познаётся мир, что в процессе познания является главным? В истории философии было два ответа на эти вопросы. Рационалисты абсолютизировали роль мышления в познании. Сенсуалисты, напротив, считали единственным источником познания чувственный опыт человека, выработанный благодаря работе органов восприятия, и поэтому всё содержимое познания выводилось из функционирования органов чувств. Познание начинается с ощущений, когда имеет место отражение отдельных свойств объекта с помощью зрительных, вкусовых, осязательных, звуковых, обонятельных образов (см. об этом в работе [Тарасов 2002: 286-292]).

Философия осязания впервые получила развитие у Аристотеля. «В других чувствах человек уступает многим животным, а что касается осязания, то он далеко превосходит их в тонкости этого чувства. Именно поэтому человек – самое разумное из всех живых существ [Аристотель 1975: 415]. Но в другой работе – «Никомаховой этике» – Аристотель утверждает, что именно осязание порождает грех распущенности, поскольку оно является у человека наиболее общим с животными, и, отдаваясь влечениям этого чувства, он ведет себя «по-скотски» [Аристотель 1983: 116-117]. Получается, что в осязании одновременно коренятся и приближающая человека к животным распу-

щенность, и разумность, возвышающая его над животными. Этот «парадокс об осязании» самим Аристотелем не разрешается.

Разные органы чувств играют в познании разную роль в зависимости от возрастной стадии развития человека. Для формирующегося человека – ребёнка – осязание является важнейшим способом восприятия. В раннем детстве «трогать» тождественно «познавать»: младенец трогает всё, что попадает ему под руку, вопреки предостережениям родителей, и благодаря тактильным ощущениям открывает для себя окружающий мир. Взрослый человек большую часть информации получает уже с помощью зрения и слуха.

Активное осязание, осуществляемое посредством ощупывания (обследования) объекта восприятия рукой, изучает специальная наука – гаптика (от греч. *hapto* – *хватаю, касаюсь*).

Как отмечает Г.Е. Крейдлин, касание – это всегда установление физического контакта, в частности, с человеком, его кожей, волосами или с одеждой, предметами, которые человек носит, держит и т.п. [Крейдлин 2004]. Учёным отмечается, что тактильное восприятие имеет свои исключительные особенности. Если зрительное восприятие является целостным и быстрым (имеется в виду восприятие, не осложнённое интеллектуальной деятельностью), то тактильное восприятие значительно более медленное, более фрагментарное и последовательное. В жизни человека часто имеет место «обман зрения», тогда как тактильную систему «провести» намного труднее. Поэтому для подтверждения реальности существования какого-либо объекта (не мираж и не сон ли это?) человек, не полагаясь только на зрение, стремится потрогать, пощупать этот объект (*– Не может быть! Это ты? Дай-ка я тебя потрогаю*). Другой пример. Если судить о повышенной температуре у человека или животного можно и косвенно, по его особому виду и поведению, то температура неодушевлённого предмета определяется только посредством прикосновения к нему. Поэтому любопытные дети, играя в мороз на улице и желая проверить, действительно ли металлические предметы холодные, трогают их голыми руками и даже языком. Свежесть хлеба в булочной часто определяется покупателями не по заверениям продавцов или по датам на упаковке, а «на ощупь».

Исследуя типологию касаний, Г.Е. Крейдлин разграничивает касания культурные и бытовые. В свою очередь, среди культурных касаний выделяются целебные (терапевтические), «дьявольские прикосновения», рукоположение [Крейдлин 2000: 343]. Некоторые акты культурных касаний были окружены в обществе аурой мистики, магии, а другие табуировались. Так, считается, что касания способны излечивать людей от разных болезней. Было подсчитано, что Новый

Завет приписывает Иисусу двадцать пять случаев излечения от болезней и порчи, и четырнадцать из них происходят в результате его прикосновения к больным [Katz: 1989]. К касаниям первого типа принадлежат и действия врачей – специалистов в области мануальной терапии, а также деятельность разного рода хилеров и экстрасенсов.

Психолог и врач Э. Монтегю описывает случаи, когда ему удалось с помощью телесного контакта достичь успехов в лечении больных, страдавших шизофренией и не поддававшихся лечению другими способами. В своём ставшем классическим труде «Прикосновение» учёный описывает, как прикосновение к коже влияет на физическое здоровье людей всех возрастов. Дети, которых часто ласкают, вырастают более здоровыми, и в жизни у них бывает меньше эмоциональных и ментальных проблем. «Можно себе представить человеческое существование при полном отсутствии зрения, слуха, вкуса или обоняния, но никто не способен и мгновения прожить без чувства осязания», – указывает Э. Монтегю [Montagu 1986].

Целительный эффект прикосновений в настоящее время стал очевидным и для официальной медицины. Широкое применение получил особый способ лечения мышечной ригидности, депрессии и некоторых других болезней, основу которого составляет мягкое прикосновение к телу пациента, ведущее к снятию у него физического напряжения и психических «зажимов» (см. об этом [Вутен 1998]).

О культурных касаниях второго типа Г.Е. Крейдлин пишет следующее. По мифологическим верованиям, дьявол, вселяясь в человека, касается некоторого места на его теле, отчего это место полностью или частично теряет чувствительность, и именно через него дьявол проникает в человека. Как известно из истории, поиск такого нечувствительного места на теле подозреваемого посредством изощрённых пыток и истязаний широко практиковала инквизиция в средневековой Европе.

Третий тип культурных касаний – рукоположение – составляет один из этапов конфессионального обряда-ритуала – церемонии посвящения в духовный сан.

Бытовые касания подразделяются на следующие группы:

- 1) выражение дружбы, участия или заботы по отношению к адресату;
- 2) отражение интимного отношения к адресату, в частности сексуально интимного; желание телесного контакта, как считают многие учёные, является глубоко спрятанной физиологической потребностью, которая возникает у человека в раннем детстве и тянется через всю его жизнь;
- 3) установление контакта между жестикулирующим и адресатом, привлечение внимания адресата к кому-либо или чему-либо;

4) отражение доминантного положения человека на некоторой социальной шкале.

В языке отражаются различные стороны ситуаций касания, и, соответственно, в лингвистической литературе даются различные определения касания.

«Касание – действие по глаголу касаться. Касаться – дотрагиваться до чего-либо, притрагиваться к кому-либо чем-либо» [МАС т. 3: 37].

«Касание – действие или состояние касающегося. Касаться – притыкаться, дотрагиваться, трогать; быть смежным» [Толковый словарь живого русского языка 2006: 95].

«Касаться – дотрагиваться до кого / чего-нибудь» [Толковый словарь русского языка 1990: 58].

В отечественной и зарубежной лингвистике в соответствии с отмеченными выше подходами к определению явления касания входящие в состав предложений с семантикой касания глаголы изучаются или в составе ЛГР глаголов физического воздействия и движения, или в составе ЛГР глаголов восприятия – тактильного восприятия (осознания) (на материале английского языка второй подход реализован в работах [Макуца 3003; 2010]).

В нашей работе используется широкий подход к данному вопросу, в соответствии с которым глаголы любых ЛГР, имеющие в своей семантике сему касания, рассматриваются как входящие в состав **поля касания**. Поэтому предметом исследования являются предложения, в составе которых используются глаголы поля касания – предложения касания. Предложения данного семантико-структурного типа русского и немецкого языков ещё не получили своего системного многоаспектного описания.

3.2. Семантическая структура и лексико-грамматическое наполнение предложений с глаголами касания

В основе организации предложений, выражающих ситуации касания, лежит глагол, поэтому их место в типологии вербальных предложений определяется принадлежностью глагола к тому или иному лексико-грамматическому разряду (ЛГР).

Глаголы касания по своей номинативной семантике распределяются среди нескольких типовых значений, классов и групп: в рамках типового значения «отношения между двумя предметами» они входят одновременно в класс «отношение действия» (группы физического воздействия и восприятия) и в класс «отношение состояния» (группа локализации в пространстве); в рамках типового значения «отношение

между тремя / четырьмя предметами» глаголы касания входят в группы перемещения и передачи объекта.

3.2.1. Обязательные и факультативные компоненты семантической структуры предложений с глаголами касания

В связи с тем, что ситуации касания охватывают большой круг отражённых сознанием явлений объективного мира, сочетаемость глаголов ЛГР касания очень широка, т.е. в качестве именных актантов в предложениях могут выступать существительные различных лексико-грамматических разрядов.

В качестве иллюстрации приведём предложения с основным глаголом группы *касаться*:

*[Софья] сидела у пианино и порою тихо **касалась** клавиш тонкими пальцами правой руки (М. Горький). Он подошёл к ней, взял кончики её пальцев и поднёс к запёкшимся губам, но не поцеловал, а только **коснулся** (А.Н. Толстой). [Чайки], опускаясь на воду, едва **касались** её и кругами поднимались опять вверх (И. Гончаров). Кусты сибирской яблони **касались** ветвями стёкол маленьких окон (Г. Марков). И как только нога его **коснулась** стремени, мерин ожил, тяжело завертелся (И. Бунин). Мересьев выдохнул столько, что измерительная стрелка **коснулась** ограничителя (Б. Полевой). Он рванулся опять, – лампа расплылась зелёным сиянием, и Марк увидел себя самого, поодаль, сидящего рядом с Кларой – и не успел увидеть, как уже сам **касался** коленом её тёплой шёлковой юбки (В. Набоков). Марина **коснулась** его руки и, когда он повернулся, быстро заговорила (М. Буров).*

В семантической структуре предложений касания выделяются обязательные и факультативные именные актанты.

Число **обязательных** актантов предложений с глаголами касания определяется разновидностью выражаемого ими типового значения «отношения между субстанциями»: минимально оно равно двум (отношения между двумя предметами), максимально – четырём (отношения между четырьмя предметами). Тип двух обязательных актантов в составе предложений касания определяется их инвариантной семантической структурой: «субъект – касание – объект».

Состав и тип **факультативных** компонентов семантической структуры анализируемых предложений зависит от принадлежности их признакового компонента – глагола касания – к тому или иному лексико-грамматическому разряду.

В качестве факультативного компонента здесь чаще всего выступает **инструмент**, под которым понимается предмет, вовлечённый в дей-

ствие и способствующий его осуществлению. Инструмент субкатегоризируется на неотчуждаемый (часть тела – *рука, палец, нога* и т.п.) и отчуждаемый (*нож, молоток, лопата* и т.п.).

В предложениях с глаголами касания определённых разрядов в качестве факультативного компонента выступает **локализатор** – актант, указывающий на местоположение объекта.

Рассмотрим состав и структуру поля глаголов касания, занимающих признаковую позицию в семантической структуре интересующих нас предложений.

3.2.2. Поле глаголов касания в русском и немецком языках

Как уже отмечалось, группу глаголов касания выделяют и изучают или в составе глаголов **восприятия** (Л.М. Васильев, С.А. Моисеева и др.), или в составе группы глаголов **физического воздействия** (см. Главу I).

1. Исследованию ЛГР психической деятельности, в которую включены и глаголы осязания, уделил много внимания Л.М. Васильев [Васильев 1981]. Глаголы данной ЛГР представляют собой обширное и весьма сложное по своей структуре семантическое поле, подразделяющееся на следующие классы: глаголы ощущения, глаголы желания, **глаголы восприятия** (здесь и далее выделение наше. – А. Л.), глаголы внимания, глаголы психического (эмоционального) состояния, глаголы эмоционального переживания, глаголы эмоционального отношения, глаголы мышления, глаголы знания, глаголы памяти. Первые семь классов связаны с областью чувств в широком их понимании, а три последних – с областью мысли, мышления.

Глаголы восприятия обозначают отражение сознанием человека внешней среды, свойств и предметов внешнего мира. Одни из них указывают на восприятие вообще, другие – на восприятие, осуществляемое с помощью определённых органов чувств. Соответственно, выделяются следующие группы глаголов восприятия: глаголы с общим значением восприятия, глаголы зрительного восприятия, глаголы слухового восприятия, глаголы обоняния, **глаголы осязания**. Глаголы первого подкласса имплицитно лишь типовую (виртуальную) сему орудийности (воспринимать или замечать можно любым органом, но только органами чувств), глаголы же остальных подклассов содержат в своей семантике конкретные орудийные семы.

Осязательное восприятие (ощущение) обобщённо обозначает глагол *осязать*: *Мы осязаем температуру посредством кожи – Температура осязается нами посредством кожи – Кожа осязает температуру.*

Целенаправленными его коррелятами являются глаголы *щупать, прощупывать*: *Врач едва прощупывал пульс – Пульс едва прощупывался врачом*.

С.А. Моисеева, исследуя семантическое поле глаголов восприятия, отмечает, что оно существует в виде иерархически организованных структур и имеет свои подсистемы – пять микрополей, в соответствии с пятью органами чувств – зрением, слухом, **осязанием**, обонянием, вкусом. Подсистемы внутри системы также образуют иерархию: они упорядочиваются в зависимости от объёма информации, поступающей через них в сознание человека. Каждое микрополе системы восприятия структурировано по гиперо-гипонимическому принципу. Во главе микрополя стоит глагол, являющийся его гиперонимом, и связанный с определёнными гипонимами. Глаголы каждой из групп иерархически взаимосвязаны как по вертикали, так и по горизонтали, организуя всю систему восприятия [Моисеева 2006].

2. Изучению глаголов касания в составе лексико-семантической группы глаголов **физического воздействия** посвящено много работ и специальных диссертаций, где данная группа рассматривается с разных точек зрения.

Р.М. Гайсина внесла большой вклад в разработку и описание лексико-семантического поля глаголов отношения, в составе которого автор выделяет ряд групп, и в частности группу глаголов **локативного контакта** (*касаться, задевать* и т.д.) [Гайсина 1981].

Интересная и детальная классификация глаголов действия была предложена Т.А. Кильдибековой. В составе глаголов действия автором были выделены: глаголы со значением созидания объекта, глаголы со значением изменения объекта, глаголы со значением **каузации контакта предмета** (6 подгрупп), глаголы со значением локализации и каузации перемещения объектов, глаголы со значением каузации possessивных отношений, глаголы со значением каузации функциональных отношений [Кильдибекова 1983].

Компонентный анализ глаголов **механического воздействия на поверхность объекта** без нарушения его целостности производит Н.А. Козельская. Число дальнейших разбиений данной подгруппы отвечает принципу минимализма: каждое разбиение – ранг, которому соответствует определённая сема. Автор считает релевантным выделение следующих сем: объекта, инструмента воздействия, способа воздействия, цели воздействия, направления воздействия, интенсивности воздействия, характера сопровождающего звука. Для ЛГР глаголов механического воздействия на поверхность объекта, нарушающего его целостность, были выделены семы объекта, инструмента воздействия,

способа воздействия, результата воздействия, степени воздействия. К смежным ЛГР отнесены глаголы созидания, разрушения, обработки, отделения. Они содержат в своей семантической структуре компонент «воздействие с нарушением», который может описывать: а) характер воздействия (глаголы созидания); б) условия воздействия (глаголы разрушения); в) один из результатов воздействия (глаголы обработки) [Козельская 1983: 56-61].

В работе В. Подлесской и Е. Рахилиной особое внимание обращается на «поведение» глаголов *целовать* и *трогать*: глагол *целовать* имеет модель управления *кому что* только в кодифицированных, социально значимых ситуациях (целуют *руку* или *ноги*); глагол *трогать* в выражении *трогать больному лоб*, по мнению авторов, обозначает скорее не физический контакт, а измерение температуры [Podlesskaya 1999: 505-521].

М. Гиро-Вебер рассматривает особенности семантической группы глаголов **физического контакта**. Все глаголы этой группы могут описывать ситуацию такого физического контакта между субъектом и объектом, при котором участники вступают в прямой, непосредственный контакт; опосредованный же физический контакт происходит, прежде всего, с использованием инструмента (*бить рукой* ~ *бить линейкой*). В основном автором были подробно рассмотрены непрямые глаголы, объединённые в подгруппы: кого, чего / до кого, чего: *касаться*; кого (за что): *трогать, держать, хватать, обнимать, обхватывать, тащить, тянуть, волочить, дергать, щипать*; кого (за что / во что): *кусать / укусить*; кого (во что): *толкать, пихать, пинать, клевать, лизать, целовать*; кого (по чему): *дубасить, хлестать, гладить*; кого (по чему / во что): *ударять, бить*; кому (во что / по чему): *заехать, дать* ‘ударить’; кому (что): *массировать, мять, тереть, чесать, царапать, щупать, щекотать* [Гиро-Вебер 1999: 18-35].

О.В. Чагина, выделяя группу побочно-возвратных глаголов, включает в неё глаголы, обозначающие **контакт субъекта с неподвижным объектом**: *Я не заметил в траве камня и больно ударился об него. Находясь на эскалаторе, держитесь за поручни*. В предложениях с такими глаголами объект самим фактом своего существования, своего наличия стимулирует названное действие. То есть, если бы в траве не было камня, говорящий не споткнулся бы; если бы на лестнице не было поручней, то не за что было бы держаться. Наиболее употребительны следующие побочно-возвратные глаголы: *держаться* (за что?), *браться* (за что?), *хвататься* (за что?), *цепляться* (за что?), *ударяться* (обо что?), *стукаться* (разг. обо что?), *спотыкаться* (обо что?), *опираться* (обо что?, на что?), *уткнувшись* (во что?), *упираться* (во что?) [Чагина 2004: 330-331].

Г.Е. Крейдлиным разграничиваются две группы интересующих нас глаголов: группа глаголов **осязания** и группа глаголов **касания** [Крейдли 2004: 412-456]. По мнению автора, глаголы *гладить*, *щупать*, *тереть* не являются собственно глаголами касания. Г.Е. Крейдлин относит их к глаголам осязания, или к тактильным глаголам. Основной идеей в семантике этих глаголов является не вступление субъекта в контакт с объектом, а другая ситуация, обозначающая реализацию желания и цели субъекта обнаружить некие свойства осязаемого объекта.

Учёный выделяет несколько семантических типов таких динамических касаний:

1) скользящие касания, когда вслед за непосредственным прикосновением совершается возвратно-поступательное – «туда-сюда» – движение руки по поверхности объекта, осуществляемое как бы вдоль некой воображаемой прямой. Целью осязания, выраженного единицами типа *проводить рукой* или *гладить рукой* (*по поверхности предмета*), является, в частности, определение текстуры объекта, наличия или отсутствия на его поверхности чужеродного нежелательного слоя или примесей, обнаружение других свойств его поверхности;

2) сжимающие или ощупывающие касания, когда после касания осуществляется сжатие или перебирание пальцами объекта. Такой способ кожного восприятия в норме передаётся глаголами *щупать*, *ощупывать*, *перебирать*, *трогать* (*на ощупь*), *потирать*. Обычно он применяется при определении материала или свойств материала, из которого сделан объект, консистенции, а иногда и обнаружения – через тактильный канал – характера и свойств нескольких поверхностей одновременно;

3) обрамляющие касания, когда ладонь или пальцы движутся по всему объекту, в том числе и по его внутренним областям. Этот способ представлен, например, такими русскими языковыми единицами, как *ощупывать со всех сторон*, *проводить рукой по всему предмету или по его поверхности*, *исследовать на ощупь*, *осматривать* (врачебный осмотр часто бывает тактильным).

Перечисленными семантическими типами динамические касания не исчерпываются. Существуют и другие типы динамических касаний, например, тип, представленный глаголами «затруднённого передвижения субъекта в пространстве» – *протискиваться*, *проталкиваться*, *продираться*, *пропихиваться*.

Для другой группы глаголов в фокусе внимания оказывается обозначение самого акта касания, причем многие из таких глаголов вообще не предполагают какого-либо дальнейшего движения вслед за ка-

санием. Это глаголы собственно касания: *касаться*, *коснуться*, *трогать I*, *тронуть I*, *задевать I*, *задевать I а*, *задеть I*, *задеть Ia* (индекс I означает, что имеются в виду глаголы со значением физического действия). Перечислим признаки, по которым могут различаться такие глаголы:

1) сила контакта: для глаголов *касаться* и *коснуться*, *трогать I*, *тронуть I* вместе с их производными контакт – слабый, то есть в месте касания не приложена сила. Для глаголов *задевать I*, *задеть I* «сила контакта» несущественна: в реальной ситуации касания контакт может быть любым – слабым, средним, сильным;

2) намеренность и контролируемость действия: физические действия, обозначаемые глаголами *прикасаться*, *прикоснуться*, *трогать I*, часто бывают намеренными и контролируемыми со стороны субъекта. *Касаться*, *коснуться*, *дотронуться*, *притронуться* можно и намеренно, и случайно: *Она нечаянно дотронулась рукой до его картуза; Я нечаянно коснулся её боковой спины*. Лексемы *задевать I*, *задеть I* всегда обозначают действия случайные;

3) является ли движение, в результате которого происходит касание объекта, самостоятельным, или это движение, сопутствующее другому движению или вызванное им: глаголы *задевать I*, *задеть I* обозначают сопутствующее движение-касание, происшедшее при движении предмета: *Пуля прошла, лишь задев кожу* (действие *задеть* сопутствует здесь движению пули);

4) является ли контакт, возникший в результате касания, моментальным, однократным состоянием или событием, длящимся в течение некоторого времени; для глаголов *тронуть I*, *дотронуться*, *коснуться*, *притронуться*, *прикоснуться* и *задеть I* (как в примере, приведённом выше) контакт является одномоментным состоянием, а для глагольной единицы *задеть Ia* в значении ‘зацепиться’: *Она перескочила через плетень, юбка задела за сучок* (И. Гончаров) контакт – событие, имеющее временную протяжённость;

5) площадь контакта: в действиях *касаться*, *коснуться*, *прикоснуться*, *дотрагиваться*, *дотронуться* площадь контакта небольшая, обычно контакт – точечный, а для глаголов *задевать I*, *задеть I* в рассматриваемых значениях данный признак не определён: *Мой палец дотронулся до маленькой кнопки в углу комнаты*.

6) повлёт ли контакт за собой какие-либо изменения в самом объекте: действие, описываемое глагольной лексемой *задеть I*, в отличие от действий, выражаемых другими глаголами касания, предполагает некоторые изменения в объекте, причём эти изменения, в случае если они, по мнению говорящего, портят объект, нарушая его структуру и

целостность, оцениваются говорящим отрицательно: *Кость цела, – бормотал он сквозь зубы – пуля прошла неглубоко насквозь, один мускул vastus externus задел* (И. Тургенев). *Карл Иванович разбудил меня, ударив над моей головой хлопнушкой – из сахарной бумаги на палке – по мухе. Он сделал это так неловко, что задел образок моего ангела* (Л. Толстой).

В глаголе *осязать* выражена моторно-двигательная сторона осязания – *достичь, дотянуться*.

Возможны и другие значения, соответствующие значениям таких глаголов, как *касаться, трогать* и *цунать*. Хотя в существующих словарях данные глаголы обычно представлены как синонимы, очевидно, что они развёртывают целый веер разных тактильных ощущений:

касаться – это беглый, мимолетный контакт с предметом, так сказать, кончиками пальцев;

трогать – более продолжительный жест, прилегающий к поверхности, движущийся вширь и вглубь, вминающийся в шероховатости;

цунать – более грубый, переминающий и сминающий жест, развёртывающий складки, выворачивающий внутреннее наружу, уничтожающий тайну, упраздняющий стыд. От этого же слова происходят *цунальца* – органы животного и *цуны* – инструменты технического осязания.

В соответствии с принятым в нашей работе широким подходом к определению ситуаций касания ближе всего к разделяемой нами концепции анализа лексического наполнения синтаксических конструкций находится классификация Л.Г. Бабенко, согласно которой в русской глагольной системе выделяется **поле глаголов физического воздействия на объект**, включающее в свой состав и подгруппу глаголов **прикосновения** из 67 единиц. Глаголы со значениями, модифицированными словообразовательными процессами, имеют иную категориально-лексическую семантику, чем мотивирующий их глагол, и могут служить в качестве базы для более детальной классификации глаголов касания. Например, глаголы *отрезать, отпилить, отбить* могут быть отнесены к подгруппе глаголов отделительно-партитивного способа действия. Дериваты с неизменной категориально-лексической семантикой включаются в состав поля касания в значении мотивирующего глагола. Выделение глагольных полей основано у автора на важнейшем принципе построения системной лексики – принципе вариативности. Был выделен базовый глагол-идентификатор, выражающий основную идею класса, и глаголы – члены класса, более конкретные и содержательные по сравнению с базовым глаголом и отличающиеся от последнего набором дополнитель-

ных семантических признаков, варьирующих основную семантическую идею класса. В поле касания базовым глаголом является *касаться* (*коснуться*). Типовая семантика: *касаться* (*коснуться*) кого-либо, чего-либо, ухватившись за кого-либо, что-либо, дотрагиваясь, задевая кого-либо, обо что-либо [Бабенко 2008].

В синтаксисе немецкого языка проблеме взаимодействия лексики и синтаксиса уделяется несколько меньшее внимание. Так, И.П. Гольдштейн рассматривает лексическое наполнение не предложений, а словосочетаний. При этом выделяются следующие их типы: словосочетания, обозначающие установление, наличие, закрепление **контакта** между какими-либо лицами, предметами или явлениями; словосочетания, обозначающие создание целого из частей и разделение целого на части; словосочетания, обозначающие неожиданное **вступление в контакт**, в конфликт, столкновение [Гольдштейн 2008]. При анализе поля глаголов касания в немецком языке мы также использовали принципы классификации, предложенные Л.Г. Бабенко.

Исходя из всего вышесказанного, мы находим целесообразным выделить в поле касания в русском и немецком языках следующие лексико-грамматические разряды (ЛГР) глаголов:

1. ЛГР глаголов касания объекта без его перемещения.

1. 1. ЛГР касания объекта без его изменения: *брать* (*перебирать*), *браться*, *взяться*, *впиться*, *гладить*, *держать*, *держаться*, *достать*, *дотягиваться*, *касаться* (*соприкасаться*), *лизать* (*облизать*, *лизать*), *лизаться*, *липнуть*, *лгнуть* (*прилгнуть*), *обнять*, *обняться*, *облокаотить*, *облокаотиться*, *опирать*, *опираться*, *прикинуть*, *припасть*, *прижаться*, *приложиться*, *прислониться*, *трогать* (*притронуться*, *дотронуться*), *тыкать*, *уткнуться*, *хватать* (*схватить*, *ухватить*), *хвататься*, *целовать*, *целоваться*, *цеплять*, *цепляться*, *чесать* (*почесать*), *чесаться*, *щекотать*, *щипать*, *щипаться*, *щупать* (*нащупать*, *прощупать*, *ощупать*, *пощупать*):

Вдруг она **обвила** мою шею руками, губы её **прильнули** к моим. Я **обнял** её (И. Черных). Он **схватил** её руку, которая **ласкала** его волосы, стал **прижимать** её ладонью к своему рту и **целовать** её (Л.Н. Толстой).

Ср. соответствующий ЛГР глаголов в немецком языке: *anrühren*, (*leicht*)*berühren*, (*ab*)*tupfen*, *greifen* (*ergreifen*, *angreifen*), *fassen* (*erfassen*, *anfassen*), (*fest*)*halten*, *sich festhalten*, *streifen*, *streichen*, *streicheln*, *packen*, *prickeln*, *halten*, *sich klammern*, *umklammern*, *lecken* (*belecken*), *kleben*, *klebenbleiben*, *kitzeln*, *sich kratzen*, *kneifen*, *krabbeln*, *anhaken*, *küssen*, *sich küssen*, (*be*)*fühlen*, *tas**ten* (*betasten*, *antasten*), *sich* (*an*)*schmiegen*, *sich drücken*, *pressen*, *umarmen*, *sich umarmen*, *umschlingen*, *umhalsen*, *sich* (*mit den Ellbogen*) (*auf*)*stützen*, *sich* (*an*)*lehnen*:

Er **umschlang** sie und **küßte** den weichen Mund des errötenden Mädchens (Novalis). Goldmund **beschaute** und **befühlte** sie, und fand Pestbeulen (H. Hesse). Da **erhalte** ich einen Schlag ins Gesicht, eine Hand **klammert sich** um meine Schulter (E.M. Remarque).

1.2. ЛГР касания объекта с его изменением.

1.2.1. Подгруппа глаголов созидания объекта (в результате физического труда): **бить**, **бурить**, **вязать**, **долбить**, **вырезать**, **сверлить**, **высекать**, **строгать**, **тесать**, **чертить**, **клеить**, **копать**, **ковать**, **лепить**, **пилиль**, **паять**, **плести**, **прясть**, **связывать**, **ткаль**, **шить**:

Операции у нас были большие и очень сложные: мы и землю **пахали**, и свекловицу сеяли, и устраивались варить сахар и гнать спирт, **пилиль** доски, **кололь** кленку, делать селитру и **вырезать** паркеты (Н. Лесков).

В немецком языке: (ver)binden, behauen, bohren, graben, hobeln, höhlen, flechten, kleben, kneten, knüpfen, löten, meißeln, nähen, sägen, schlagen, schmieden, schneiden, schnitzen, spinnen, stricken, zuhauen, zeichnen, weben:

Da saß eine Königin an einem Fenster, das einen Rahmen von schwarzem Ebenholz hatte, und **nähte** (Br. Grimm). Und als man den Boden **aufgrub**, kamen nach und nach die Kleider und Haare der anderen vierundzwanzig Mädchen zum Vorschein (P. Süskind). Am Eingang des Areals stehen zwei Wächter, zwei lange Kerls. Basil Luginbühl hat sie aus Eisen **geschmiedet** (Märkische Allgemeine 1/2 sep. 2001).

1.2.2. Подгруппа глаголов разрушения, повреждения поверхности объекта или тела живого существа: **бить**, **бодать**, **грызть**, **давить**, **дробить**, **жечь**, **измельчать**, **клевать**, **кололь**, **кусать**, **крошить**, **ломать**, **рвать**, **резать**, **рыть**, **рубить**, **скоблить**, **скрести**, **тереть**, **точить**, **царапать**.

Он с невероятной храбростью и быстротой **рвёт** зубы, **прижигает** ляписом язвы, **вскрывает** тупым ланцетом ужасные крестьянские чирьи и нарывы, прививает оспу и **прокалывает** девочкам ушные мочки для серёжек (А. Куприн).

В немецком языке: beißen, brechen, (ver)brennen, knabbern, knacken, kratzen, nagen, picken, pressen, reiben, (zer)reißen, ritzen, hauen, hacken, schaben, (zer)(er) schlagen, stechen, (mit den Hörnern) stoßen, splintern, (zer)spalten, (zer)bröckeln, zerkrümeln, zerkleinern, zerstückeln:

Sie **rissen** ihm die Kleider, die Haare, die Haut vom Leibe, sie **zerrupften** ihn, sie **schlugen** ihre Krallen und Zähne in sein Fleisch, wie die Hyänen fielen sie über ihn her (P. Süskind). Der Hund sprang auf und **biss** ihn ins Bein. Der Räuber lief in den Hof hinaus, der Esel **schlug** ihn mit den Fuss (Br. Grimm). Kate **knabberte** an ihre Lippe... (B. Roberts).

2. ЛГР глаголов касания объекта с его перемещением:

а) *волочить, двигать, тянуть, толкать, приваливать, прислонять, приставлять* – однонаправленное перемещение;

б) *теребить, тормошить, трепать, дёргать* – ненаправленное перемещение:

Она **прислонила** автомат к брустверу... (Ю. Бондарев). Она слегка **потрепала** свободной левой рукой меня по плечу, усмехнулась... (И. Бунин). Младший лейтенант Алёшин вынул из кармана шинели длинную коробку трофейных сигарет, залихватски **толкнул** коробкой козырёк фуражки, **сдвинул** её на затылок, отчего юное лицо стало наивно-детским (Ю. Бондарев). Одною рукой он **волочил** по снегу лыжи, другой – автомат... (В. Быков).

В немецком языке:

а) *schleifen, schleppen, rühren, ziehen, (an)stoßen, dagegenstellen, heranwälzen, anlehnen, anrückenstellen*;

б) *zipfen, (hin und her) zerren, zausen, schütteln*:

Mit einem verängerten Knurren **stiess** ich gegen die Haustür (E. Remarque). Mann schwieg. Sein Begleiter **stiessen** und **zerren** ihn ungeduldig vorwärts (E. Remarque). Der Konsul **preßte** sie einen Augenblick wortlos an sich; dann schob er sie ein wenig von sich und **schüttelte** mit innigem Nachdruck ihre beiden Hände... (T. Mann). Ein Gefreiter kriecht zwei Kilometer weit auf den Händen und **schleppt** die zerschmetterten Knie hinter sich her (E. Remarque).

3. ЛГР глаголов движения субъекта с касанием объекта: *встречать, задеть, наплыть, наехать, налететь, набежать, наскочить, натолкнуться, напороться, столкнуться, споткнуться, зацепить*:

Худощавый, жёлтый, с потным лицом человек в синем мундире, со шпагой в руке **набежал** на Пьера, крича что-то (Л.Н. Толстой). В темноте корабль **наплыл** на мель (К. Федин). **Набежала** она на pretolstoe дерево и об него столь сильно ударилась... (М. Чулков). Рыболовное судно флотилии **наскочило** на мину и пошло ко дну (К. Федин). В снегу он **напоролся** на какую-то кучу хвороста... (В. Быков).

В немецком языке: *treffen, stoßen, anströmen, anprallen, anrennen (an Ak), prallen (gegen Ak), zusammenstoßen, zusammenprallen, stolpern, kollidieren, auffahren (auf Ak), auflaufen (auf Ak)*:

Ab und zu **prallte** er dumpf gegen einen Baumriesen, man hörte ihn knirschen und knurren (M. Ende). Barreis begann zu laufen, **stolperte** über die Steine, glitt auf dem Eis aus und fiel hin, brüllte unverständliche Laute und hetzte weiter (H. Konsalik). Und selbst wenn sie seitlich aus den Hauseingängen gelaufen kamen und unvermittelt auf ihn **stießen**, erschranken sie nicht, sondern schlüpfen wie selbstverständlich an ihm vorbei (P. Süsskind).

4. ЛГР глаголов звучания с касанием объекта: *аплодировать, барабанить, бренчать, стучать, хлопать, цокать, чмокать, чиркать, чокаться, шаркать, шлёпать, щёлкать:*

Лейтенанты защёлкали портсигарами, зачиркали спичками (В. Карпов). Надя обняла Алексея и чмокнула в надутые губы (В. Карпов). Отец обнял его и похлопал по плечу как взрослого (И. Черных). Руслан чиркнул пальцами о струны легонько, подражая барабану, пристукнул ладонью о деку, и Андрей сразу узнал песню о встречном строе (В. Степанов).

В немецком языке: *applaudieren, bumsen, klatschen, trommeln, schaben, klopfen, kratzen, knallen, klappen, schmatzen, ein Streichholz anzünden, klatschen, patschen, prasseln, schnalzen, schnippen, schlurfen, pochen:*

Da schnalzte der fremde Bursch mit den Fingern (O. Preussler). Einigermal im Lauf des Tages hatte ich an Hillels Türe geklopft (G. Meyrink). Er pochte. Und pochte wieder, ganz leise, um sie nicht aufzuschrecken (P. Süßkind). Max Radl klopfte an die Tür zum Zimmer des Reichsführers und trat ein (J. Higgins). Der Regen hatte nachgelassen und trommelte nur noch ganz leise auf das große Blechdach (M. Ende).

5. ЛГР глаголов локализации с семей касания: *закрывать, группировать, располагать (перпендикулярно), скрещивать, пересекать, граничить, лепиться, объединять, сливать, смыкать, соединять, срачивать, примыкать, переплетаться, упираться:*

Дедушкин двор примыкал к саду Ивана Карловича... (А. Рыбаков). Улицы в большинстве своём были тупиковыми или же упирались в фасады зданий... (С. Еремеева). Он пересекал площадь наискось и выходил на Малую Буяновку (Б. Пастернак). Лианы густо переплетались между прямыми стволами и преграждали мне дорогу (В. Брагин). Байкинский двор граничил с покрытой клевером полянкой, где росли две группы стройных елей (Б. Левин).

В немецком языке: *anstoßen, sich anschließen, binden, grenzen, kreuzen (durchkreuzen), sich stemmen, überschneiden, (ver)binden, vereinigen, zusammenschließen:*

Das Gebiet der Königin Bilkis von Saba grenzte im Norden an die südlichste Provinz des Salomonischen Herrschaftsgebietes (C. Peters). Der Kaiser ließ westlich vom Hauptgebäude eine hübsche kleinere Villa errichten und dann die beiden Häuser durch eine Glashalle mit einander verbinden (Freisinnige Zeitung). An die Wiese schließt sich ein Wald an (M. Ende). Unser Garten stößt an die Stadtmauer an (M. Ende).

Все перечисленные ЛГР и подгруппы глаголов в совокупности составляют лексико-семантическое поле глаголов касания. Как во всяком поле, здесь имеется ядро и периферия. Анализ фактического

материала показал, что структура поля в обоих языках сходна, поскольку включает в себя одни и те же ЛГР и подгруппы глаголов.

К **ядру** поля в русском и немецком языках относятся ЛГР глаголов касания объекта без его перемещения и изменения.

К **периферийным** зонам относятся:

1) ЛГР глаголов касания объекта без его перемещения, но с изменением;

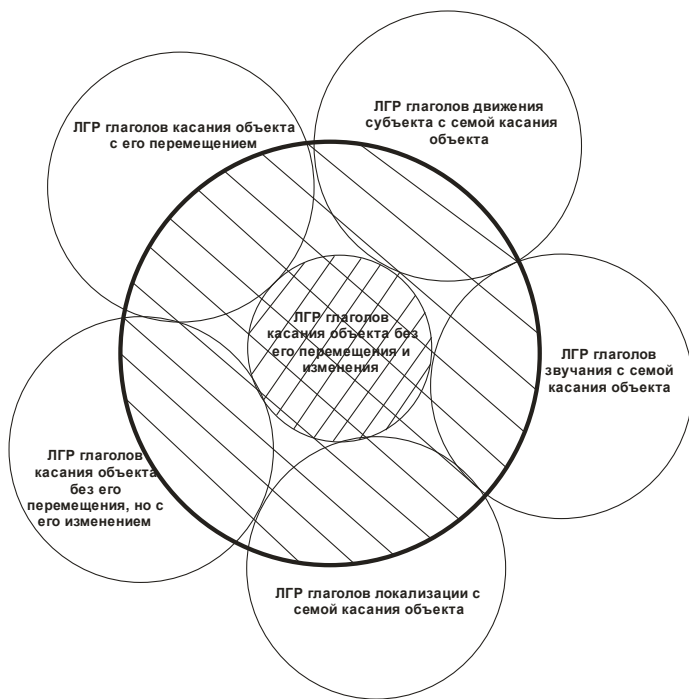
2) ЛГР глаголов движения субъекта с семой касания объекта;

3) ЛГР глаголов звучания с семой касания объекта;

4) ЛГР глаголов касания объекта с его перемещением;

5) ЛГР глаголов локализации с семой касания объекта.

Лексико-семантическое поле глаголов касания может быть представлено в виде большого круга, включающего в себя ядерный круг и сегменты периферийных кругов, состоящих из глаголов со значением касания субъектом объекта, но с тем или иным дополнительным семантическим оттенком. См. рис. 1.

Рис. 1. Лексико-семантическое поле глаголов касания.

3.2.3. Лексическое наполнение актантных позиций в предложениях касания

Анализ лексико-грамматического наполнения актантных позиций в предложении не требует экспериментальной подстановки в эти позиции всех имён, возможных в предложениях с конкретными глаголами касания, – достаточно это сделать на уровне лексико-грамматических разрядов (ЛГР) существительных.

Совокупность существительных, обозначающих субстанции, которые могут принимать участие в ситуациях касания, делится на следующие разряды:

- 1) ЛГР антропонимов;
- 2) ЛГР зоонимов;
- 3) ЛГР существительных, обозначающих природные явления (*ветер, ураган, дождь, шторм* и т.д.);
- 4) ЛГР существительных, обозначающих части тела человека, животных (*рука, нога, голова, язык* и т.д.) и «самодвижущиеся» технические средства (*паровоз, самолёт, танк* и т.д.);
- 5) ЛГР существительных, которые обозначают предметы, способные под влиянием каких-нибудь внешних сил оказывать воздействие на другие предметы (*дерево, кирпич, осколок* и т.д.) (см. об этом подробнее в Главе I).

1. В качестве **субъекта** (агенса) в предложениях касания могут выступать конкретные субстанции, способные оказывать физическое воздействие на объект, сопряжённое с его касанием. Произведённый анализ конкретного материала русского и немецкого языков позволяет считать достаточным выделение трёх типов лексического наполнения позиции субъекта:

1) субъект-антропоним (в этой функции выступают существительные первого ЛГР, характеризующиеся признаками «одушевлённость» + «антропонимичность»):

Даша прислонилась головой ему к плечу, *он* погладил, поцеловал её в волосы (А.Н. Толстой). *Мещерская* чуть тронула обеими руками свою красивую убранную голову (И. Бунин). *Младшая сестра* осторожно дотронулась мизинцем до головы рыбы (А.И. Куприн).

Der Meister berührte ihn mit der Schneide des Handbeils am Scheitel und an den Schultern (O. Preussler). *Der Sanitäter* stößt mich in die Rippen (E.M. Remarque). *Der Polizeimeister* griff zum Telefon (H. Konsalik). *Der Konsul* aber streichelte seiner kleinen Nichte die Wangen (T. Mann). *Balthasar* drückte Candidas Hand mit Inbrunst an die Lippen (E.T.A. Hoffmann).

2) субъект-зооним (в этой функции выступают существительные второго ЛГР, характеризующиеся признаками «одушевлённость» + «неантропонимичность»):

Марс прыгнул и с налёту лизнул своим розовым языком румяную щёчку красной бабочки в белых туфельках (И. Шмелёв). Паук всеми своими ножками обнимал брюшко бабочки и высасывал её (М. Пришвин). Маленькие полярные крачки смело бросаются на медведя: громко кричат, щиплют его за хвост и треплют за уши (Н. Сладков). Корова чесалась боком о стену избы (И. Бунин).

Der Wolf aber leckte sich lachend das Maul, Krampf und Verlogenheit fielen von ihm ab, sein Blick leuchtete, sein ganzer Leib wurde straff und blühte in wiedererlangter Wildheit auf (Н. Hesse). Lange und dicke Aale wanden und schlängelten sich zu abenteuerlichen Figuren (Т. Mann). Aber endlich schlug der Papagei mit den starken Fittigen den Kater zu Boden... (E. Hoffman);

3) неодушевлённый субъект (в этой функции выступают существительные третьего, четвёртого и пятого ЛГР, характеризующиеся признаками «потенционность» + «неодушевлённость», «непотенционность» + «обладание энергией»):

Горячие губы прижались к её губам... (Л.Н. Толстой). Маленькая белая рука с орденом дотронулась до пуговицы солдата Лазарева (Л.Н. Толстой). Наконец луч коснулся выщербленной паркетины – все переглянулись: не придёт (Б. Полевой). Дождь барабанил по бурке так, что глушил уши (Ф. Искандер). Ветки кустарника цеплялись за маскхалат, срывали с головы капюшон (В. Быков).

Der eisige Wind zernte an ihrem weißen Haar und Gewand (М. Ende). Sein Kopf prallte gegen das verchromte Metall der Liftkabine (W. Hohlbein). Seine Hand tastete nach einer bestimmten Stelle in ihrem Nacken und drückte kurz und heftig zu (W. Hohlbein). Sein Fuß stieß gegen ein Hindernis, das mit einem lautstarken Scheppern davonrollte (W. Hohlbein).

2. При классификации существительных, выступающих в предложении в роли **объекта**, основным дифференцирующим признаком оказывается одушевлённость / неодушевлённость субстанции. С опорой на данную оппозицию выделяются два ЛГР объектных существительных: существительные, обозначающие людей и животных, и существительные, обозначающие все остальные конкретные субстанции. В связи с этим мы разграничиваем:

1) одушевлённый объект:

а) Она обняла княжну **Марью** и стала целовать её (Л.Н. Толстой). Затем Афиноген Петрович обнял **Алексея** и трижды расцеловал крестнакрест, по-русски (В. Карпов). Лозновой осторожно оцупал **бойца**

(М. Бубеннов). Он осторожно коснулся её **локтя** (А.Н. Толстой).

Goldmund lehnte sich an den Freund (H. Hesse). *Bob Barreis schob den Alten aus dem Weg* (H. Konsalik). *Er hob sein Glas und stieß mit Frau und Tochter an* (T. Fontane);

б) Бородач долго щупал **мери́на** со всех сторон... (А. Иванов). И в доказательство моей справедливости ткнул **коня** шильцем в почку, он сейчас же шлёп на землю и закрутился (Н. Лесков).

Meister Hora nahm die Schildkröte, die inzwischen wieder zu seinen Füßen saß, auf den Schoß und kraulte sie am Hals (M. Ende);

2) неодушевлённый объект:

Телегин ощупал **дверь** (А.Н. Толстой). Доктор ездил к ней каждый день, щупал **пульс**, смотрел язык и шутил с ней (Л.Н. Толстой). Я при-слонил **велосипед** к дереву, а сам сел на бревно, мне захотелось со-браться с мыслями (М. Пришвин). Едва справляясь с охватившим его волнением, лейтенант нащупал подле лавки **часы** – было сорок минут восьмого... (В. Быков).

Atréju griff nach dem Amulett auf seiner Brust und hielt es so, daß ihr teichgroßes Auge es sehen mußte (M. Ende). *Die Kette berührte die Flut* (Novalis). *Efeu umzog die Mauern* (Novalis). *Er griff nach dem Leuchter auf dem Tisch* (P. Süßkind). *Er klebte aber fest an dem Glas und mußte sich mit Gewalt losreißen* (F. Kafka).

3. В предложениях с глаголами касания различных ЛГР и подгрупп наблюдаются следующие факультативные компоненты:

1. В предложениях с глаголами касания без перемещения объекта:

а) без перемещения и изменения объекта в качестве факультативного компонента чаще всего выступает инструмент (неотчуждаемый – часть тела / отчуждаемый – неодушевлённый предмет): ВСС: субъект – касание – объект – инструмент:

Телегин тронул **локтем** идущего рядом с ним Мельшина (А.Н. Толстой). Даша, облокотясь, подперла подбородок и **мизинцем** трогала губы (А.Н. Толстой). Утратившими осязание **руками** он всё же нащупал её железную рукоять, но чеку разогнуть не смог (В. Быков). Семён с болью вздохнул, положил руку на плечо жене, коснулся **губами** её чистой, прохладной щеки (А.Н. Толстой).

И тогда она вся рванулась к нему, прижалась к его щеке **шёлковым платком** (И. Бунин). **Концом** белого в горошек **платка**, которым она была повязана, она прикоснулась к глазам (Г. Троепольский). Он не-вольно коснулся этой сверкающей **материей** нескольких людей, и они вдруг исчезли (Л. Петрушевская).

Er legte sich zwischen Hase und Lamm nieder, umarmte beide mit den Vorderpfoten und bildete mit ihnen eine rührende Familiengruppe (H. Hes-

se). *Er faßte mit der rechten Hand nach dem goldenen Amulett auf seiner Brust und rief, so laut er konnte* (М. Ende). *Er griff mit beiden Pranken zu und versuchte, das Gebiß Gmorks aufzubrechen* (М. Ende);

б) в предложениях с глаголами касания без перемещения объекта, но с его изменением в качестве факультативного компонента также выступает инструмент: ВСС: субъект – касание – объект – инструмент:

Через голову она разделась, забелела в сумраке своим долгим телом и стала обвязывать голову косой (И. Бунин). *Я подошла к балконной двери и протёрла стекло платком* (И. Бунин). *Мерин долго щеплял, грыз жёлтым зубом столб* (И. Бунин). *Пешинями и топорами они вырубili кругом танка тоннель в промёрзшей земле* (А. Толстой). *Когда Виталий работал, она с показным равнодушием обтачивала пилкой свои ярко-лиловые ногти и пела* (И. Грекова).

Im ersten Moment konnte er es nicht richtig erkennen, dann sah er, daß es Insekten waren, kleine, kriechende Scheußlichkeiten, halb so lang wie eine Kinderhand, aber mit dem Aussehen winziger höllischer Schlachtrösser, gepanzert und voller rasiermesserscharfer Klingen und Stacheln und Zähne. Sie fielen zu Hunderten über ihre Opfer her, bissen mit ihren winzigen Zähnen, stachen mit den Dornen am Ende ihrer gekrümmten Schwänze zu, schnitten mit surrender Flügeln in blutendes Fleisch (W. Hohlbein). *Tonda schnitt mit dem Messer zwei Holzspäne aus dem Kreuz* (O. Preussler).

2. В предложениях с глаголами ЛГР касания объекта с его перемещением в качестве факультативного компонента регулярно выступает локализатор: ВСС: субъект – касание – объект – локализатор:

Он сначала прислонил ружьё к стволу бука ... (Ф. Искандер). *Он снял пальтецо с её чёрного платья, пахнувшего материей и тёплым телом, легонько толкнул её в номер, к дивану* (И. Бунин). *Он схватил со стола трубку* (А.Н. Толстой). *Он приложил к царапине платок и пошёл по шоссе* (А.Н. Толстой). *Алексей смело ткнул палку в снег...* (Б. Полевой). *Княжна облокотила свою открытую полную руку на столик и не нашла нужным что-либо сказать* (Л.Н. Толстой).

Er klammerte sich an die Sessellehne und schüttelte heftig den Kopf (H. Böll). *Atréju drückte sein Gesicht an die Wange des Pferdes* (М. Ende). *Ich lehne mich an die Wand und umklammere meinen Helm und mein Gewehr* (E. M. Remarque). *Gehorsam machte ich die Augen zu, lehnte den Kopf an die Wand* (H. Hesse).

В предложениях данного семантико-структурного типа возможен также инструмент: ВСС: субъект – касание – объект – инструмент – локализатор:

Одна коса упала ей на плечо, и женщина подняла её и приколола шпилькой к волосам на затылке (К. Паустовский). *Лукерья прижа-*

лась **к мужу боком**, и он ощутил дрожь её тела (Г. Троепольский).

*Weichster lehnte sich **mit dem Rücken gegen die Tür**, schloß für einen Moment die Augen und atmete hörbar auf* (W. Hohlbein).

3. В предложениях с глаголами ЛГР звучания с касанием в качестве факультативных компонентов могут выступать и **инструмент**, и **локализатор**: ВСС: субъект – звучание – объект – инструмент – локализатор:

*Юрка щёлкнул **ногтями** по ровным белым зубам* (И. Черных). *Некрасов легко побарабанил **пальцами по столу**, глядя на задумавшегося Ваню, а затем отвернулся в сторону* (Г. Троепольский). *Матрёна подошла и несколько раз постучала **косточками кулака по столу*** (А.Н. Толстой). *Он что-то соскребаёт **с полотна тонким ножичком*** (И. Бунин).

*Aber er schlug **mit der Hand auf den Tisch*** (H. Böll). *Die Konsulin saß noch am Frühstückstisch, hielt ihre hellen Augen auf einen Fleck der Zimmerdecke gerichtet und trommelte **mit ihren weißen Fingern leicht auf das Tischtuch*** (T. Mann). *Momo hockte sich neben sie und klopfte **mit dem Fingerknöchel** schüchtern **auf den Rückenpanzer*** (M. Ende). *Er schnippte **mit den Fingern** und stand im Nu in einem Bratenrock mit hohem Stehkragen vor ihr* (M. Ende).

4. В предложениях с глаголами ЛГР движения субъекта с касанием объекта в качестве факультативных компонентов могут выступать **инструмент** (неотчуждаемый): ВСС: субъект – движение – объект – инструмент:

*Пьяный, гулял по лесу, видимо, споткнулся, **горлом** напоролся **на сук**, мгновенная смерть* (П. Галицкий). *Я провел **рукой** по рваной клеёнке и натолкнулся **на почтовый ящик*** (В. Катаев). *Пароход «Первинка» напоролся **на подводный камень** и целое лето простоял без работы* (Д. Мамин-Сибиряк). *Он натолкнулся **затылком** на что-то тёплое, это были руки жены...* (П. Проскурин).

*Man prallt **mit dem Gesicht** gegen die Drahtrolle des Vordermannes und schimpft* (E. M. Remarque). *Um nicht unversehens **mit dem Kopf** anzurennen, falls der Gang niedriger würde* (H. Böll). *Ich stosse beim Training **an Tisch und Schränke*** (H. Böll).

5. В предложениях с глаголами ЛГР локализации с семей касания, в которых локализатор является одновременно и объектом касания, в качестве факультативного компонента может выступать **инструмент** (чаще всего это часть целого тела, предмета): ВСС: субъект – локализация – локализатор-объект – инструмент:

*Как уже сказано, домик Тютюевой почти примыкал передним своим **фасом** к зданию, воздвигнутому Лысковым* (Д. Григорович). *Рабо-*

чие упирались то **грудью**, то **спинами** в пеньковые лямки, другие помогали им рычагами сзади (И. Ефремов). После сего подвига витязи преспокойно поехали к хутору **Ивана старшего**, который **садами** граничил с хутором пана Харитона (В. Нарежный). Две точки в пространстве – Михайловский замок и флигель в Шестилавочной, он соединял **прямой линией** (Ю. Давыдов).

Der Gang wurde breiter und stieß zuletzt auf eine Treppe (G. Meyrink).

Таким образом, анализ предложений касания русского и немецкого языков в ситуативно-структурном подаспекте показал, что предложения двух языков обладают сходством не только на уровне инвариантной семантической структуры, но и на уровне вариантов семантических структур.

В следующем разделе нашей работы мы рассмотрим особенности функционирования интересующих нас предложений в свете основного компонента релятивно-структурного подаспекта – категории залога и залоговости.

3.3. Русские и немецкие предложения с глаголами поля касания в сфере категории залога и залоговости

3.3.1. Категория залога в русском и немецком языках

Согласно разделяемой нами теории ядро поля залоговости составляет категория залога: если действительный залог обозначает действие, которое производится субъектом над кем-либо или чем-либо, то это же самое действие может быть представлено и со стороны испытывающего его объекта. При этом синтаксическая составляющая залога является языковой универсалией, а морфологическая варьирует от языка к языку. Периферийную зону залоговости в русском языке составляет личность / безличность и оппозиция невозвратных / возвратных глаголов в составе соответствующих синтаксических конструкций [Копров 2010: 132-158] (см. об этом также в Главе I настоящей монографии).

В германистике проблема оппозиции действительного / активного и страдательного / пассивного залога давно привлекает внимание лингвистов. Основным спорным моментом здесь является определение залогового значения. Исследования в этой области характеризуются следующими подходами:

- 1) синтаксическим (H. Paul, K. Brinker, J. Erben и др.),
- 2) семантико-синтаксическим (G. Helbig, W. Schmitz, W. Jung и др.),
- 3) семантическим (H. Griesbach, D. Schulz, P. Polenz и др.).

Представители первого подхода рассматривают пассив как явление поверхностной синтаксической структуры, выражающей регулярное изменение актантной структуры предложения в процессе залогового преобразования. Данная концепция привела к возникновению «теории обратимости», согласно которой активные и пассивные конструкции – это конверсивы: их значение одинаково с точки зрения отражения отношений реальной действительности. Однако тезис о трансформационном характере пассивного залога оказался корректен лишь в плане отражения внеязыковой семантики (номинации ситуации).

Исходным положением второй модели описания системы залогов является учёт соотношения между единицами семантического уровня (количество и характер участников описываемой ситуации) и синтаксического уровня (члены предложения). Работы по изучению семантики пассива пытаются дать ответ на вопрос о том, что скрывается за синтаксической структурой пассивной конструкции. Сложность раскрытия значения пассива состоит в неоднородности его семантики, для анализа которой необходимо изучение единиц различных языковых уровней: морфологического, синтаксического, лексического, а также прагматического.

В германистике, таким образом, распространены следующие трактовки значения категории залога:

1) выражение различной направленности действия (процесса) по отношению к подлежащему: в активном залоге (активе) действие исходит от подлежащего (центробежная направленность), в пассиве оно направлено на подлежащее (центростремительная направленность) [Гухман 1968; Schmidt 1983; Адмони 1955] и др.;

2) противопоставление пассива активу как процесса и состояния – действию [Jung 1980; Адмони 1955; Москальская 1974];

3) определение страдательного залога как неагентной (*taterabgewandt*) конструкции [Weisgerber 1963; Kotin 1998];

4) трактовка активного и пассивного залога в качестве конверсивов, обозначающих одну и ту же денотативную ситуацию, но противопоставленных друг другу по составу эксплицитной и имплицитной информации [Polenz 2008; Шубик 1989].

Нами категория залога немецкого языка рассматривается в составе семантико-функционального поля залоговости, охватывающего разноразрядные (морфологические, синтаксические, лексико-грамматические) средства выражения залоговых отношений.

Центральное место в поле залоговости занимает оппозиция актива и пассива.

В действительном залоге (das Aktiv) действие представляется с точки зрения его носителя (агенса): *Der Bundestag verabschiedete das neue Rentengesetz*. В страдательном залоге (das Passiv) на передний план выдвигается само событие или результат действия; вся ситуация рассматривается с позиции «затронутого» действием лица или предмета: *Das neue Rentengesetz wurde vom Bundestag verabschiedet*.

В русском языке формы страдательного залога, как известно, связаны с видом глагола. От переходных глаголов несовершенного вида страдательный залог образуется при помощи особой частицы (постфикса) *-ся*. У переходных глаголов совершенного вида значение страдательного залога выражается краткими страдательными причастиями с глаголом *быть*, который в настоящем времени не употребляется: *Он упал на неё, перегорев тут же, и возгорелся после того, как был обцелован, обласкан и обглажен* (А. Азольский).

Немецкий язык отличается от русского полной унификацией образования форм страдательного залога. Все они аналитические и образуются от переходных глаголов по одному и тому же правилу: из вспомогательного глагола *werden* в соответствующей форме времени и наклонения и причастия II спрягаемого глагола.

Вместе с тем в немецком языке по форме и значению различаются два типа пассивного залога: *werden-Passiv*, или пассив действия, процесса (das Vorgangspassiv), и *sein-Passiv*, или пассив состояния (das Zustandspassiv). *Vorgangspassiv* всегда передаёт действие или состояние предмета в процессе действия, а *Zustandspassiv* обычно выражает состояние как результат уже законченного действия. Ср.:

Die Arbeit wird in zwei Tagen unbedingt beendet sein – Работа непременно будет закончена через два дня.

Am Montag war die Arbeit bereits beendet – В понедельник работа уже была закончена.

Обе эти формы в первую очередь передают именно состояние актан-та (объекта) в позиции подлежащего. Особенность страдательной формы как таковой, в отличие от формы состояния, состоит в том, что страдательный залог обозначает процесс приобретения подлежащим данного свойства, т.е. процесс активного воздействия на предмет, занимающий позицию подлежащего. Поэтому страдательная форма, выражая процесс воздействия на предмет, в большей мере, чем форма состояния может быть соотнесена с активной формой – одно и то же действие представлено в них с разных точек зрения [Адмони 1955: 130].

В русском языке тоже есть так называемый статальный пассив. Конструкции статального пассива употребляются для передачи разного рода статичных ситуаций. Например, значение естественного при-

родного состояния (*Луг усеян цветами. Яблоня увешана яблоками*), указание на материал, из которого сделан предмет (*Игрушка вылеплена из глины. Дом сделан из кирпича*). В данных структурах подлежащее, имеющее значение объекта и являющееся носителем признака, выступает в форме именительного падежа, сказуемое, выражающее этот признак, – краткое страдательное причастие. Значение стательного пассива может быть передано разнообразными синонимичными средствами: *Книжная полка покрыта пылью – На книжной полке пыль – Книжная полка пыльная* [Чагина 2004: 107-109].

Традиционно в немецком языке говорят о трёх видах пассива: одно-, двух-, трёхчленном пассиве. Однако наиболее адекватной нам представляется система на основе бинарного принципа. В составе страдательных конструкций выделяются два параметра их систематизации: субъективность и агентивность, что позволяет разграничить четыре типа страдательных конструкций [Зеленецкий 2003: 104-115]. См. таблицу 1.

Таблица 1

Конструкции	Агентивные	Безагентивные
Субъектные Конструкции	<i>Der Hund wird von seinem Herrn geschlagen</i>	<i>Der Hund wird geschlagen</i>
Бессубъектные конструкции	<i>Im Zimmer wird ufters von den Studenten getanzt</i>	<i>Im Zimmer wird ufters getanzt</i>

Наиболее частотными в немецком языке являются безагентивные субъектные конструкции, например: *Er wurde nach seinem Namen gefragt*. Они обычно называются **двучленным пассивом**. Такие же пассивные конструкции преобладают и в русском языке, например: *Дом ещё строится. Эта книга уже распродана*.

Агентивные субъектные пассивные конструкции в обоих языках называют **трёхчленным пассивом**, например: *Das Fenster wurde von einem alten Mann geöffnet*. – *Окно было открыто пожилым человеком*. Сфера использования трёхчленных пассивных конструкций закреплена за книжным языком, в русской и немецкой разговорной речи они встречаются редко [Рахманкулова 2005: 76-77].

В русском языке для обозначения пассивного действующего лица существует универсальная форма – творительный падеж имени, в немецком языке такого универсального средства нет, и с агентивным существительным употребляются три предлога: *von, durch, mit*.

Предложная форма с **Von** переводится на русский язык существительным в творительном падеже или местоимением: *Er wurde von dem Autor eingeladen*. – Он был приглашён автором.

Предложная форма с **Durch** переводится на русский язык существительным в творительном падеже или формами с предлогами *благодаря, из-за, по, через*: *Durch ihn wurde ich informiert*. – Через него / благодаря ему я был информирован.

Предложная форма с **Mit** переводится на русский язык существительным в творительном падеже или местоимением: *Der Brief wurde mit der Hand geschrieben*. – Письмо написано рукой (от руки).

Агентивные и безагентивные бессубъектные пассивные конструкции выступают в типологии предложения как безличный пассив. Следует обратить внимание на продуктивность бессубъектных безагентивных пассивных конструкций в немецкой устной речи: «*Das würde ya gelacht!*» sagt er. *Es wird bei uns nicht geschossen* (E. Remarque). Аналогичные безличные пассивные предложения представлены в русском языке: *Про батарею Тушина было забыто* (Л.Н. Толстой).

Бессубъектные агентивные конструкции встречаются в текстах официально-делового характера: *Zu Beginn des Jahres 1873 ward dem Gnadengesuch Hugo Weinschenks von Senate stattgegeben und der damalige Direktor ein halbes Jahr vor Ablauf der ihm zugemessenen Strafzeit auf freien Fuss gesetzt* (Th. Mann).

Расхождения в сфере категории залога в русском и немецком языках наблюдаются прежде всего в количестве категориальных форм залога, а также в соотношении категории залога с переходностью и возвратностью.

В русском языке формы страдательного залога обычно образуются от форм действительного залога, но возможность этого преобразования имеет лексико-грамматические, лексические, контекстуальные и грамматические ограничения. Лексико-грамматические и лексические ограничения связаны с переходностью / непереходностью глаголов. Так, определённая группа переходных глаголов не образует пассива; некоторые непереходные глаголы употребляются только в форме действительного залога и тем самым являются одностологовыми (или, в другой терминологии, вообще не имеют залога); непереходные глаголы, в свою очередь, подразделяются на возвратные и невозвратные. Таким образом, залоговость в русском языке представляет собой об-

ширное и сложно организованное поле.

Как установила И.Г. Крушельницкая, в немецком языке страдательный оборот встречается чаще, чем в русском [Крушельницкая 2008: 142-160]. В качестве основных факторов повышенной частотности пассива в немецком языке называют следующие:

1. В немецком языке больше переходных глаголов. Известно, что многим из них в русском языке соответствуют непереходные глаголы, которые не могут иметь страдательной формы: *Er darf nicht gestört werden.* – *Ему нельзя мешать.*

2. В немецком языке формы страдательного залога унифицированы и однозначны. В русском языке частица *-ся*, служащая для образования форм страдательного залога, многозначна (возвратное, взаимно-возвратное и т.д. значения), что ограничивает употребление страдательного залога от глаголов несовершенного вида.

3. В немецком языке возможность реализации коммуникативной нагрузки прямого дополнения (объекта действия) как темы высказывания в препозиции в активной конструкции ограничена тем, что винительный падеж всегда совпадает по форме с именительным. Для устранения возможной двусмысленности следует употребить страдательный оборот. В русском языке случаи такого совпадения встречаются реже (для одушевлённых существительных двусмысленность исключена), поэтому и соответствующее коммуникативное задание часто может быть выражено без помощи страдательного залога. Ср.: *Капиталисты эксплуатируют рабочих* → *Рабочих эксплуатируют капиталисты* (акт.); *Рабочие эксплуатируются капиталистами* (пас.). В немецком языке в подобном случае возможна только пассивная конструкция: *Die Arbeiter werden von den Kapitalisten ausgebeutet.*

3.3.2. Возвратность в сфере залоговости

Вслед за В.В. Виноградовым, Н.А. Янко-Триницкой, А.В. Бондарко, В.П. Недялковым, О.В. Чагиной, В.Ю. Копровым и другими исследователями мы применяем термин «возвратный глагол» для обозначения всех русских глаголов, имеющих постфикс *-ся* (см. об этом в Главе I).

В немецком языке возвратность представлена аналитическим способом – глаголами (*reflexive Verben*), имеющими при себе возвратное местоимение *sich*. Особенностью немецкого местоимения *sich* является его изменение по лицам и числам (*mich, dich, sich, uns, euch, sich*).

В немецком языке возвратные глаголы подразделяются на три основные группы:

- 1) истинные возвратные глаголы (echte reflexive Verben);
- 2) неистинные возвратные глаголы (unechte reflexive Verben);
- 3) взаимно-возвратные глаголы (reziproke Verben).

1. Истинные возвратные глаголы отличаются тем, что возвратное местоимение является обязательным и его нельзя заменить другим местоимением или существительным: *Ich erhole mich.* – Я отдыхаю.

Истинные возвратные глаголы делятся на две подгруппы:

а) только возвратные (nur reflexive Verben), которые всегда употребляются как истинные возвратные глаголы: *sich bedanken* – благодарить;

б) частично-возвратные (teilreflexive Verben); в одном значении эти глаголы используются как истинные возвратные глаголы, в другом – как невозвратные: *sich bewegen* (двигаться), *bewegen* (двигать), *sich verlassen auf A* (полагаться на кого / что либо), *j-n / etwas verlassen* (оставлять кого / что-либо).

2. Неистинные возвратные глаголы отличаются следующими чертами:

а) употребляются и как возвратные, и как невозвратные: *Sie wäscht sich.* – Она умывается. *Sie wäscht sich das Kind.* – Она моем ребёнка;

б) в предложениях *sich* занимает место самостоятельного члена предложения в соответствии с управлением глагола; при этом *sich* в предложении может:

опускаться при необходимости: *Sie wäscht sich* → *Sie wäscht*;

заменяться на местоимение или существительное: *Sie wäscht sich* → *Sie wäscht ihn / ihren Jungen*;

в) в предложении *sich* не является пустым по содержанию; так, в результате его употребления в предложении субъект и объект действия приравниваются друг к другу, т.е. *sich* создаёт действительно возвратное отношение между субъектом и объектом: *Wir haben uns freundlich umarmt und geküsst.*

3. Взаимно-возвратные глаголы обозначают действие двух или нескольких лиц. *Sich* устанавливает не просто возвратность, а взаимную возвратность, и по значению соответствует местоимению *einander* (друг друга). Замена *sich* на *einander* уместна в тексте высокого стиля.

Взаимно-возвратные глаголы делятся на следующие подгруппы:

а) собственно взаимно-возвратные глаголы (nur reziproke Verben); такие глаголы во множественном числе употребляются исключительно как взаимно-возвратные: *Richard und Klaus freundeten sich an.* *Puxapd u Klaus подружились*;

б) частично взаимно-возвратные глаголы (teilreziproke Verben); такие глаголы во множественном числе употребляются как взаимно-

возвратные только в определённом значении: *Sie treffen sich oft.* – Они часто встречаются;

в) глаголы, употребляемые во взаимно-возвратном значении (*reziprok gebrauchte Verben*); это глаголы, которые без различия в значении используются и как взаимно-возвратные, и как не взаимно-возвратные: *Sie haben sich begrüßt.* – Они поприветствовали друг друга. *Sie hat ihn begrüßt.* – Она поприветствовала его [Duden 1995].

Возвратная конструкция формально выражает субъектно-объектное отношение, которое наиболее отчётливо проявляется при её так называемом «прямо-возвратном» значении: *Ich wasche mich.* – Я умываюсь. Возвратная конструкция также широко используется для выражения внутренней жизни человека. Она может обозначать как его внутреннее состояние: *Ich freue mich.* – Я радуюсь, так и умственное действие: *Ich erinnere mich.* – *Я вспоминаю. Возвратная конструкция может иметь и переходный характер, т.е. сочетаться с дополнением: *Ich erinnere mich deines Versprechens.* – Мне вспоминаются твои обещания [Адоми 1955: 148].

Поскольку немецкой форме *sich* в русском языке соответствуют две формы: частица *-ся*, синтетическим способом образующая возвратную форму глагола с перечисленными выше значениями, и возвратное неизменяемое местоимение *себя*, обозначающее объект, совпадающий с субъектом, расхождения в семантике и функционировании между русскими возвратными глаголами и немецкими глаголами с возвратным местоимением многочисленны и разнообразны.

3.3.3. Предложения с глаголами касания различных конструктивных типов в русском языке

3.3.3.1. Функционирование глаголов касания в активных конструкциях

В данном разделе будут рассмотрены активные конструкции с глаголами касания различных ЛГР несовершенного и совершенного вида.

1. Глаголы касания объекта без его перемещения.

1.1. Касание объекта без его изменения:

а) конструкции с глаголами несовершенного вида: *К обеду пришёл Николай Иванович, сел в ноги у Даши и молча гладил её ноги* (А.Н. Толстой). *Мне хорошо от ласки, глаза мои наливаются слезами, и я, не помня себя, трогаю пальцем воск...* (И. Шмелев). *Он взял меня за плечи, стал целовать в шею, и вдруг я почувствовала, что не вынесу, что это выше моих сил...* (Б. Акунин);

б) конструкции с глаголами совершенного вида: *Игнат снова промолчал, видимо поняв, что разговор зашёл далеко, и вдруг неожиданно ласково приблизил её к себе, **поцеловал**, **погладил** её по голове* (Г. Троепольский). *В это время, почуяв беду человеческую, Травка подошла к рыдающей Насе и **лизнула** её в солёную от слёз щёку* (М. Пришвин). *Когда начали жечь бумаги, Антонович **процупал** мешок и сразу узнал твёрдый выступ – толстую, тяжёлую папку* (В. Дудинцев).

1.2. Касание объекта без его перемещения, но с изменением.

1.2.1. Подгруппа глаголов созидания объекта (в результате физического труда):

а) конструкции с глаголами несовершенного вида: *В уголке, приютившись в крошечном деревянном балаганчике, старушка **вязала** чулок и косилась на нас через очки* (И. Тургенев). *Когда Алёша готовился по биологии, Иван Григорьевич от нечего делать стал **лепить** из глины фигурки различных животных, нарисованных в учебнике: жирафа, носорога, гориллу* (В. Гроссман). *В вечернее время Захар Павлович **тесал** колышки* (А. Платонов);

б) конструкции с глаголами совершенного вида: *А там в своей комнатке сидит глухая бабушка и чулки вяжет – милая старушка, добрая, внимательная, ему две пары носков **связала*** (Л. Андреев). *Долбил-долбил, долбил-долбил – **выдолбил** глубокое дупло* (В. Бианки). *Она уже **сшила** себе два дорожных костюма из холстинки, купила на дорогу красок, кистей, холста и новую палитру* (А. Чехов).

1.2.2. Подгруппа глаголов разрушения, повреждения поверхности объекта или тела живого существа:

а) конструкции с глаголами несовершенного вида: *И тут случилось четвёртое, и последнее, явление в квартире, когда Стёпа, совсем уже сползший на пол, ослабевшей рукой **царапал** прилоку* (М. Булгаков). *Серьёзные муравьи не спеша залезали в ноздри и там пускали ядовитую муравьиную кислоту. Жужелицы и жуки **кусали** за пупок. Коршун **клевал** то одного пса, то другого кривым клювом в череп* (А.Н. Толстой). *Коза Бубенчик весело бежала и, играясь, в шутку **бодала** ребят рожками* (В. Постников);

б) конструкции с глаголами совершенного вида: *Одна из колючек **царапнула** окуня по щеке* (В. Бианки). *Мужик послушался, **наточил** саксан и р-раз, все мозоли долой!* (С. Довлатов). *Он взял пластырь и **разрезал** ножницами на четыре части* (Н. Носов). *Оставшись в одиночестве, полковник зло **разорвал** несколько листов из вороха на столе, старательно **измельчил** ногами и горстью швырнул в корзину бумажную труху* (А. Дмитриев).

2. Глаголы касания объекта с его перемещением:

а) конструкции с глаголами несовершенного вида: *Конвойный толкал их в спины...* (В. Гроссман). *В том месте, где полевая дорога вливалась в пустынное шоссе, я слезал с велосипеда и прислонял его к телеграфному столбу* (В. Набоков). *Даже когда к песочнице выходила жена Сергея, всегда с книжкой или журналом, и пальчиком двигала вверх по носу сползающие очки, даже тогда все были хороши и любили друг друга* (Г. Щербакова);

б) конструкции с глаголами совершенного вида: *Чурилин присмотрелся к нему и толкнул меня локтем* (С. Довлатов). *Но тот отстранил руку взводного с биноклем, прислонил ладонь к глазам* (В. Астафьев). *Потом она приставила банку дном к стенке и, приблизив губы к краям, запела любимую песню брата – «Сулико»* (А. Фадеев). *Чтобы не задерживаться там, она поставила через порог чугунок и сохой привалила ветхую дверь* (В. Быков).

3. Глаголы движения субъекта с касанием объекта:

а) конструкции с глаголами несовершенного вида: *Гудаевская, шурша остатками растрепанных колосьев, насакивала на Веригу, показывала ему кулачки, визжала пронзительно* (Ф. Сологуб). *Льдинки то двигались плавно, чуть касаясь друг друга, то вдруг могучей волной вздымался задний их ряд и набегал на передний* (О. Форш);

б) конструкции с глаголами совершенного вида: *Вертя руль одной рукой, он круто повернул и наехал на актрису...* (М. Булгаков). *А медвежишко выкатился из-под лавки на них посмотреть. Тут петух на него и наскочил* (Е. Чарушин). *Опрометью летевшая по двору Катря набежала на «фалетура» и чуть не сибила его с ног, за что и получила в бок здорового тумака* (Д. Мамин-Сибиряк).

4. Глаголы звучания с касанием:

а) конструкции с глаголами несовершенного вида: *Комаровский барабанил пальцами по оконному стеклу, в такт лошадам, неторопливо цокавшим внизу по асфальту проезда* (Б. Пастернак). *Слёзы текли по щекам Торопецкой, в одной руке она комкала платок, другой стучала по конторке* (М. Булгаков). *Иногда кто-нибудь чиркал спичкой, осветив на мгновение лицо, папиросу, пальцы* (А. Фадеев);

б) конструкции с глаголами совершенного вида: *Он чмокнул мать в щёку и ушёл* (Ю. Трифонов). *Когда голос Стинга стал слабеть, Пётр Петрович оторвал руку от стены и напоследок несколько раз щёлкнул пальцами в такт отчаянным английским словам* (В. Пелевин). *Тогда Володин чиркнул спичкой, бросил её на землю, и вверх взвился яркий клуб красно-жёлтого огня* (В. Пелевин).

5. Глаголы локализации с семей касания:

а) конструкции с глаголами несовершенного вида: *С баскетбольной площадкой **граничил** сад какого-то частника* (Ф. Искандер). *На окраинных улицах тропинки по-деревенски **соединяли** подъезды домов с трамвайными остановками и продмагами* (В. Гроссман). *С другой [стороны] – бежала мелкая речка, и к ней **примыкал** частый кустарник, покрывавший кремнистые возвышенности* (М. Лермонтов);

б) конструкции с глаголами совершенного вида: *Был, кажется, проект **соединить** железной дорогой Ялту и Симферополь* (В. Набоков). *Через Антарктиду же удалось **замкнуть** Спиральную Дорогу* (И. Ефремов).

3.3.3.2. Функционирование глаголов касания в пассивных конструкциях

В данном разделе будут рассмотрены особенности образования пассивных конструкций с глаголами касания различных подгрупп, так как в пассиве могут использоваться глаголы не всех подгрупп.

1. Глаголы касания объекта без его перемещения.

1.1. Касание объекта без его изменения.

Конструкции с глаголами несовершенного вида:

1) пассивные конструкции не образуются:

а) с глаголами *приникать, припадать* поскольку это глаголы однократного действия;

б) с глаголами *братся, держаться, касаться, лизаться, обниматься, опираться, прижиматься, прикладываться, прислоняться, утыкаться, хвататься, целоваться, цепляться, чесаться, ципаться* – это собственно возвратные глаголы или возвратные формы невозвратных глаголов, совпадающие с пассивом; в отдельных случаях возможно образование пассивной конструкции от невозвратных глаголов типа *трогать*: *Если палочка, прикасающаяся к снимаемой, хотя чуть **прогалась**, игрок уступал очередь, а выигравшим считался тот, кто больше снял палочек* (А. С. Грин);

в) с глаголами *лгнуть, липнуть*, – это непереходные глаголы.

Конструкции с глаголами совершенного вида:

1) от глаголов *взять, облизать, погладить, обвить, прижать, прицепить, приложить, проткнуть, схватить, удержать, причесать, обнять, поцеловать, поцупать, оцупать* регулярно образуются пассивные партиципиальные конструкции: *Встречен же был сверххрадушно, **обнят** и **расцелован*** (А. Азольский). *Капитан **был схвачен** за уши и тоже **поцелован*** (Г. Полонский). *Когда-то нарядный, не без скромного достоинства, серый костюм **был взят** двумя пальцами и выки-*

нут, как целое, в мусоропровод (Н. Дежнёв). Тут маленький Лужин попался ему под ноги и **был поглажен** по голове (В. Набоков);

2) пассивные конструкции не образуются с глаголами типа *прилипнуть, прильнуть, прикинуть, стиснуть, щипнуть* – это глаголы однократного действия; образование пассивной конструкции от глагола *тронуть* возможно, но только в предложении с переносным значением: *Миша был **тронут** до слез, но ни на что не решался* (В. Осеева).

1.2. Глаголы касания объекта без его перемещения, но с изменением.

1.2.1. Группа глаголов созидания объекта (в результате физического труда):

Конструкции с глаголами несовершенного вида:

1) с глаголами *вырезать, бурить, вязать, клеить, копать, сверлить, высекать, связывать, строгать, тесать, ковать, лепить, пилить, прясть, ткать, шить, чертить* пассив регулярно образуется: ... *под её наблюдением **ткались** холсты, **вышивались** церковные облачения* (Н. Костомаров). *В кузницах **ковались** кузнецами копыя, дровишки, крючья и багры...* (А. Весёлый). *Липовые полки, лавки и самый пол по несколько раз в год **строгались** скобелем...* (П. Мельников-Печерский). ***Строились** храмы, **воздвигались** обелиски, **высекались** из гранита величественные статуи* (Г. Алексеев). *Для фронта **вяжутся** теплые носки, собирается матаполом, жертвуются крупные суммы денег* (В. Войнович);

от глагола несовершенного вида *долбить* пассив не образуется, поскольку его форма совпадает с возвратным глаголом *долбиться*;

2) конструкции с глаголами совершенного вида: *выдолбить, вырезать, выстрогать, пробурить, связать, вытесать, начертить, склеить, вскопать, выковать, вылепить, спилить, натянуть, соткать, сшить* пассив может быть образован: *Руки, мускулистые, обнажённые по локоть, **вылеплены были** безукоризненно* (Д. Гранин). *В одном из окон разбитое пополам стекло **было склеено** замазкою, чтобы не вставлять нового* (Ф. Сологуб). *Эти оригинальные судёнышки **были выдолблены** из ствола толстого дерева* (А. Новиков-Прибой).

1.2.2. Группа глаголов разрушения, повреждения поверхности объекта или тела живого существа.

Конструкции с глаголами несовершенного вида:

1) от глаголов *скоблить, тереть* (нажимая, водить взад и вперёд по поверхности чего-либо; вытирать), *точить, дробить, давить, рыть, рубить* пассив регулярно образуется: *Палуба **скоблится, трётся** кирпичом, моется почти каждый день и блестит, как стекло* (И. Гончаров). *Галерея стала разваливаться, **дробились** стены, рушились мощные опоры, тучей поднимался песок, ил, обрывки водорослей* (С. Жемайтис). *Виноград **давился** босыми ногами* (И. Грекова);

2) с глаголами *бодать, грызть, жечь, измельчать, клевать, колоть, кусать, крошить, ломать, резать, рвать, рубить, скрести, царапать* пассив не образуется, поскольку по форме он совпадает с возвратными глаголами *бодаться, грызться, жечься, измельчаться, клеваться, колотиться, кусаться, крошиться, ломаться, резаться, рваться, рубиться, скрестись, царапаться*.

Конструкции с глаголами совершенного вида:

1) с глаголами совершенного вида *разбить, сжечь, измельчить, склевать, укусить, раскрошить, сломать, разрушить, зарезать, разорвать, сорвать, вырыть, вы-(ис- / про- / у-)колоть, срубить, натереть, вытереть, наточить, поцарапать* пассив образуется регулярно: *Крысобоя вообще все провожали взглядами, где бы он ни появлялся, из-за его роста, а те, кто видел его впервые, из-за того ещё, что лицо центуриона было изуродовано: нос его некогда был разбит ударом германской палицы (М. Булгаков). Насильственно лишенный жизни, подобно своему анафемскому тёзке, Распутин и после смерти разделил участь Гришки Отрепьева: вырытый солдатами из могилы в Царском Селе, труп его был сожжён на костре, а пепел развеяли по ветру (Б. Васильев);*

2) пассив не образуется с глаголами однократного действия *боднуть, клюнуть, ткнуть, хлестнуть*.

2. Глаголы касания объекта с его перемещением.

Конструкции с глаголами несовершенного вида:

1) с глаголами *двигать, тащить, волочить, прислонять, приваливать, приставлять, теревить, тормошить, трепать* пассив регулярно образуется:

Прямо к портрету Михайловского прислонялись шесть удочек с закрученными лесками и красными поплавками (Р. Гуль). Полосатые, под вид матрасовок, баулы все двигались и двигались, их катили на тележках, несли на загорбках, на головах... (В. Распутин);

2) пассивные конструкции не образуются с глаголами *тащить, толкать, колотить, дёргать* – их пассивная форма совпадает с возвратными глаголами *тащиться, толкаться, колотиться, дёргаться*.

Конструкции с глаголами совершенного вида:

1) глаголы совершенного вида *передвинуть, перетащить, привалить, прислонить, приставить, дёрнуть* пассив образуют: *Другой стол – очень длинный и узкий – был приставлен перпендикулярно (Ю. Домбровский);*

2) пассив не образуется с глаголом однократного действия *толкнуть*.

3. Глаголы движения с касанием объекта.

Конструкции с глаголами несовершенного вида:

1) с глаголом *задевать* пассив образуется: *Как ни старался он не бередить раненую руку, **задевалась** она о землю и мешала* (В. Кондратьев);

2) пассивные конструкции не образуются:

а) с глаголами *встречать, цеплять* – их пассивная форма совпадает с возвратными глаголами *встречаться, зацепляться*;

б) с глаголами *наплывать, наезжать, налетать, набегать, наскатывать* – это непрямопереходные глаголы.

Конструкции с глаголами совершенного вида:

1) с глаголами *встретить, задеть, зацепить* пассив может быть образован: *Партнёр, матерясь, бросился на него, **был встречен** прямым ударом в подбородок, рухнул кулём* (А. Найман). ***Был задет** не раз в атаке, – Зажило, чуть видны знаки* (А. Фадеев).

2) пассивные конструкции не образуются:

а) с глаголом однократного действия *столкнуться*;

б) с непрямопереходными глаголами *наплыть, наехать, налететь, набежать, наскочить*.

4. Глаголы звучания с касанием.

Конструкции с глаголами несовершенного вида:

пассив не образуется:

1) с глаголом *аплодировать*, поскольку он включает в свою семантику объект и инструмент касания (руки);

2) с непрямопереходными глаголами *барабанить, бренчать, звякать, цокать, чмокать, чиркать, шаркать*;

3) с глаголами, пассивная форма которых совпадает с возвратными глаголами *стучаться, хлопаться, шлёпаться*.

Конструкции с глаголами совершенного вида:

пассив не образуется с глаголами однократного действия *звякнуть, стукнуть, хлопнуть, цокнуть, чавкнуть, чмокнуть, чиркнуть, шаркнуть, шлёпнуть, щёлкнуть*.

5. Глаголы локализации с семой касания.

Конструкции с глаголами несовершенного вида:

пассивные конструкции не образуются:

а) с непереходным глаголом *граничить*;

б) с глаголами *замыкать, лепить, объединять, пересекать, скрещивать, сливать, смыкать*, пассивные формы которых совпадают с возвратными глаголами *замыкаться, лепиться, объединяться, пересекаться, скрещиваться, сливаться, смыкаться*;

Конструкции с глаголами совершенного вида:

1) пассив образуется от глаголов *сгруппировать, соединить, объединить, замкнуть, пересечь, скрестить, слить*: 6-я и 10-я кавалерий-

ские дивизии **были объединены** под командой генерала Витмана (А. Коленковский). Уже позже эти отряды **были слиты** с действующей армией (И. Дьяконов). Атлантический океан **был пересечён** им восемьдесят раз (В. Карцев). Археолог объяснял, что ход **был соединён** с кремлевскими стенами особыми отдушниками (Г. Алексеев);

2) глаголы *граничить*, *примыкать* (в данном значении) не имеют формы совершенного вида.

Вышеприведённые примеры показывают, что ограничения в использовании глаголов касания в русских пассивных конструкциях связаны главным образом с категориями вида, переходности / непереходности и с возвратностью глагола.

3.3.3.3. Функционирование возвратных глаголов касания в составе предложения

В данном разделе будут рассмотрены особенности функционирования в составе русских предложений возвратных глаголов касания различных лексико-грамматических разрядов.

1. Предложения с **собственно возвратными** глаголами указывают на то, что в качестве объекта касания выступает сам субъект.

Среди собственно-возвратных выделяются следующие ЛГР:

1) глаголы со значением «производить туалет»: *мыться, умываться, купаться, вытираться, причесываться, бриться, стричься, краситься, мазаться, пудриться, румяниться, душиться*: Новиков вынул гребешок, стал **причесываться**... (Д. Гранин). У окна, поставив на подоконник зеркало, **брился** пожилой мужчина в подтяжках (Д. Гранин). **Я стригся** машинкой «под ноль», надеясь, что без волос голове будет легче (В. Астафьев). А Юрка тут же **вытирался** ладонью: не любил, чтобы в лицо целовали... (А. Берсенёва);

2) глаголы со значением «действия над своей одеждой или обувью»: *одеваться, подвязываться, подпоясываться, укутываться, запахиваться, обуваться, разуваться*: **Я одевалась** за открытой дверцей шкафа, и мы говорили, говорили без конца (В. Каверин). Он **подпоясывался** красным шёлковым кушаком, и в нём нетрудно было угадать извозчика-хозяина (Б. Савинков);

3) глаголы со значением «нанесение себе вреда»: *пораниться, порезаться, обжечься, поцарапаться, ушибиться, обжечься*: У меня на животе царапина была – осколком бутылки **порезался**, так вот они эту царапину как суицид оформили (В. Пелевин). В другой раз мать уронила себе на ногу утюг, сильно **ушиблась** и **обожглась** (В. Пелевин).

2. Предложения с **взаимно-возвратными** глаголами:

а) называют действия субъектов, которые затрагивают ряд объектов, включающих и самого субъекта: *целоваться, обниматься, встречаться, сталкиваться*, а также не имеющий невозвратной формы глагол *чокаться*: *Потом они крепко **обнялись**, и слезы закатали из их глаз* (Н. Носов). *На московском перекрёстке **сталкиваются** несколько машин, в результате начинается международный бойкот России* (Е. Прошкин). *Они лежали, прижавшись друг к другу, на Юриной расстеленной одежде и **целовались** с таким отчаянием, как будто каждый поцелуй был последним* (А. Берсенёва).

б) называют взаимное расположение предметов, каждый из которых выступает и субъектом локализации, и локализатором другого субъекта: *переплетаться, пересекаться, лепиться, смыкаться, сливаться, упираться*: *Ветки цветущих яблонь **переплетались** и производили впечатление чистоты и весенней свежести* (Н. Горланова). *Лиски – небольшой городок в Воронежской области, он же – большая узловая станция, где **пересекаются** железнодорожные пути на юг и на восток* (Э. Лимонов). *Маленькие домики **лепились** друг к другу как белые соты* (А. Берсенёва). *Тут берега почти **смыкались**, лес по обе стороны от воды начинался, и для форсирования водной преграды лучшего места не было* (Б. Васильев). *Стволы ясеней **сливались** в сплошную широкую полосу, закрывая противоположную сторону оврага* (В. Конецкий).

3. Предложения с так называемыми **побочно-возвратными** глаголами касания обозначают:

а) действие субъекта и его части по установлению контакта с объектом, выраженным предложно-падежной формой: *касаться (кого / чего-либо), держаться, браться / взяться, хвататься (за кого / что)*: *Подойшёл ко мне, улыбнулся, Полудасково, полудениво поцелуем руки **коснулись**...* (А. Ахматова). *Вот и теперь он точно так же **прикоснулся** к её руке, надеясь смягчить её боль, растерянный от навалившегося ужаса* (Б. Окуджава). *Потом [он] **взялся** за голову обеими руками и тихо стоял* (Г. Троепольский). *Мышка ещё крепче **хватается** за край скамейки и, выставив вперёд одну ногу, упирается ею в землю* (В. Осева);

б) субъект совершает движение для установления контакта с объектом-локализатором: *прижиматься (к кому / чему-либо), опираться, наталкиваться, натывать, напарываться (на кого / что-либо), прикладываться (к чему-либо), облакачиваться, спотыкаться (о кого / что), утыкаться (в кого / что)*: *Он **опирался** на чёрный зонт и оглядывался, словно перепутал адрес* (Б. Окуджава). *Это было так ужасно, что Нюрочка забежала в чей-то чужой балаган и **натолкнулась** на дядю Мосея, которого и не узнала сгоряча* (Д. Мамин-Сибиряк).

Отряхнувши снег с валенок, он **прислонился** к печке (Ю. Коваль).

4. Предложения с **активно-безобъектными** возвратными глаголами (возвратными глаголами в абсолютном употреблении) сообщают о потенциально возможном воздействии субъекта на обобщённый объект как о признаке, качестве субъекта: *царапаться* (о кошке), *кусаться* (о собаке), *бодаться* (о корове, быке, козе) и т.д.: *Петухи **клюются**, кошки **царапаются**, крапива **жжётся**, люди толкаются, мальчишки дерутся, земля срывает кожу с колен, когда падаешь, – и Серёжа весь покрыт царапинами, ссадинами и синяками. Почти каждый день что-то случается* (В. Панов). *Птица гадил, больно **клевалась**, рвала когтями окружающую действительность, побуждая всех к здоровой мысли сделать из неё бульон, но какой же уважающий себя интеллигент с Чеховым на полке пойдёт на это?* (Г. Щербакова).

5. Предложения с **пассивно-каузативными** возвратными глаголами, в которых каузирующий субъект является в то же время объектом действия другого (неназванного или выраженного предложно-падежной формой) субъекта: *бриться, причёсываться, краситься, гримироваться, стричься: Он по возможности хорошо и аккуратно одевался, вовремя **стригся** у дорогого парикмахера и даже слегка душился* (В. Войнович). *Он **одевался** у лучших портных, всегда появлялся в обществе в безукоризненно сидящем фраке* (К. Глинка).

6. Предложениями с **пассивно-бессубъектными** возвратными глаголами выражается качество объекта, возникающее у него при контакте с обобщённым субъектом. По этой схеме построен ряд русских пословиц, обобщающих на основе повседневного опыта народа свойства вещей и предметов: *Где тонко, там и рвётся*.

Наиболее употребительны здесь следующие глаголы: *ломаться, биться, колоться, крошиться, рваться, мяться, чиститься, гладиться, жариться, стираться: Сеня грохнул кулаком по столу; один стакан подпрыгнул, упал на пол и **раскололся*** (В. Шукшин). *А тот ударил его ножом, а нож попал в камень и **сломался**, по воле Господа* (И. Шмелёв). *Слой рыжей ржавчины легко **отломился** и **раскрошился** в моих пальцах* (А. Бек). *Она зубами рвала простыни, простыни были ветхие, **рвались** легко...* (С. Василенко). *Синтетика почти не **мнется** и прочнее натуральных волокон* (З. Гаян). *К счастью, в холодильнике лежало то самое филе индейки, что **жарилось** за пять минут* (А. Берсенева).

В структуре многих подобных предложений содержится оценочное обстоятельство, выраженное наречиями *хорошо, плохо, легко, свободно, без труда, с трудом*, например: *Пересушенное бельё плохо гладится*.

Представляется необходимым отметить, что чётких границ между подгруппами возвратных глаголов касания различных ЛГР не сущест-

вует. Один и тот же глагол может входить сразу в несколько подгрупп, поэтому его отнесённость к той или иной из них часто определяется контекстом. Проиллюстрируем сказанное примерами функционирования нескольких глаголов.

Бодаться: 1) *Бодался телёнок с дубом* (взаимно-возвратное значение); 2) *Федя, не подходи близко к корове, она бодается* (активно-безобъектное значение).

Царапаться: 1) *Поверхность полированной мебели легко царапается* (пассивно-бессубъектное значение); 2) *Этот котёнок царапается* (активно-безобъектное значение).

Краситься: 1) *Разве она натуральная блондинка? По-моему, она красится* (собственно-возвратное значение); 2) *Перед тем как покрыть шкатулку лаком, её поверхность дважды красится олифой* (пассивное значение); 3) *Осторожно, не испачкайся о дверь – она ещё не высохла и красится* (активно-безобъектное значение); 4) *Эта ткань легко красится в любой цвет* (пассивно-бессубъектное значение).

Стричься: 1) *Лена не любит ходить в парикмахерскую и всегда стрижётся сама* (собственно-возвратное значение); 2) *Лена всегда стрижётся у одного и того же парикмахера* (возвратно-каузативное значение); 3) *Шерсть с овец стрижётся вручную* (пассивное значение).

Итак, с точки зрения семантики и структуры поля залоговости, предложения с возвратными глаголами касания типов (1)-(4) относятся к сфере активности, а (5)-(6) – к сфере пассивности семантического субъекта.

Результаты анализа особенностей функционирования глаголов касания в залоговых конструкциях русского языка систематизированы в таблицах 2-8.

Таблица 2. Функционирование глаголов ЛГР касания объекта без его перемещения и изменения

Глаголы	Употребление в активных конструкциях	Употребление в пассивных конструкциях		Употребление в возвратных конструкциях
		от глаголов несов. вида	от глаголов сов. вида	
1	2	3	4	5
<i>брать</i>	+	-	+	+
<i>гладить</i>	+	-	+	+
<i>держать</i>	+	-	+	+
<i>касаться</i>	-	-	-	+
<i>лизать</i>	+	-	+	+
<i>лигнуть</i>	+	-	-	-

1	2	3	4	5
<i>лгнуть</i>	+	-	-	-
<i>обнимать</i>	+	-	+	+
<i>прислоняться</i>	-	-	-	+
<i>приникать</i>	+	-	-	-
<i>припадать</i>	+	-	-	-
<i>прижимать</i>	+	-	+	+
<i>трогать</i>	+	+	+(с изм. знач.)	+(с изм. знач.)
<i>тыкать</i>	+	-	+	+
<i>хватать</i>	+	-	+	+
<i>целовать</i>	+	-	+	+
<i>цеплять</i>	+	-	+	+
<i>чесать</i>	+	-	+	+
<i>щекотать</i>	+	-	+	-
<i>щипать</i>	+	-	+	+
<i>щупать</i>	+	-	+	-

Таблица 3. Функционирование глаголов ЛГР касания объекта без его перемещения, но с изменением

Глаголы	Употребление в актив-ных конст-рукциях	Употребление в пассив-ных конструкциях		Употребление в возвратных конструкциях
		от глаголов несов. вида	от глаголов сов. вида	
<i>бить</i>	+	+	+	+
<i>бурить</i>	+	+	+	-
<i>вязать</i>	+	+	+	+
<i>долбить</i>	+	-	+	+
<i>вырезать</i>	+	+	+	+
<i>сверлить</i>	+	+	+	+
<i>высекать</i>	+	+	+	-
<i>строгать</i>	+	+	+	+
<i>тесать</i>	+	+	+	-
<i>клеить</i>	+	+	+	+
<i>копать</i>	+	+	+	+
<i>ковать</i>	+	+	+	+
<i>лепить</i>	+	+	+	+
<i>пилить</i>	+	+	+	+
<i>прясть</i>	+	+	+	+
<i>связывать</i>	+	+	+	+
<i>ткать</i>	+	+	+	-
<i>шить</i>	+	+	+	+
<i>чертить</i>	+	+	+	+

**Таблица 4. Функционирование глаголов ЛГР касания
с разрушением, повреждением объекта**

Глаголы	Употребление в активных конструкциях	Употребление в пассив- ных конструкциях		Употребление в возвратных конструкциях
		от глаголов несов. вида	от глаголов сов. вида	
<i>бить</i>	+	+	+	+
<i>бодать</i>	+	-	-	+
<i>грызть</i>	+	-	+	+
<i>давить</i>	+	+	+	-
<i>дробить</i>	+	+	+	+
<i>жесть</i>	+	-	+	+
<i>измельчать</i>	+	-	+	+
<i>клевать</i>	+	-	-	+
<i>колоть</i>	+	-	+	+
<i>кусать</i>	+	-	+	+
<i>крошить</i>	+	-	+	+
<i>ломать</i>	+	-	+	+
<i>рвать</i>	+	-	+	+
<i>резать</i>	+	-	+	+
<i>рыть</i>	+	+	+	+
<i>рубить</i>	+	+	+	+
<i>скоблить</i>	+	+	+	+
<i>скрести</i>	+	-	+	+
<i>тереть</i>	+	+	+	+
<i>точить</i>	+	-	+	-
<i>царапать</i>	+	-	+	+

**Таблица 5. Функционирование глаголов ЛГР касания объекта
с его перемещением**

Глаголы	Употребление в активных конструкциях	Употребление в пассив- ных конструкциях		Употребление в возвратных конструкциях
		от глаголов несов. вида	от глаголов сов. вида	
1	2	3	4	5
<i>двигать</i>	+	+	-	+
<i>тащить</i>	+	-	+	-
<i>волочить</i>	+	+	-	+
<i>тянуть</i>	+	-	-	+
<i>толкать</i>	+	-	-	+
<i>приваливать</i>	+	+	+	+
<i>прислонять</i>	+	+	+	+

1	2	3	4	5
<i>приставлять</i>	+	+	+	-
<i>теребить</i>	+	+	-	+
<i>тормошить</i>	+	+	-	+
<i>трепать</i>	+	+	-	+
<i>дёргать</i>	+	+	-	+

Таблица 6. Функционирование ЛГР глаголов движения с касанием объекта

Глаголы	Употребление в активных конструкциях	Употребление в пассивных конструкциях		Употребление в возвратных конструкциях
		от глаголов несов. вида	от глаголов сов. вида	
<i>встречать</i>	+	-	+	+
<i>задевать</i>	+	+	+	+
<i>зацеплять</i>	+	-	+	+
<i>набегать</i>	+	-	-	-
<i>наезжать</i>	+	-	-	-
<i>налетать</i>	+	-	-	-
<i>наплывать</i>	+	-	-	-
<i>наскакивать</i>	+	-	-	-
<i>наталкиваться</i>	-	-	-	+
<i>напарываться</i>	-	-	-	+
<i>сталкиваться</i>	-	-	-	+
<i>спотыкаться</i>	-	-	-	+

Таблица 7. Функционирование ЛГР глаголов звучания с касанием

Глаголы	Употребление в активных конструкциях	Употребление в пассивных конструкциях		Употребление в возвратных конструкциях
		от глаголов несов. вида	от глаголов сов. вида	
<i>аплодировать</i>	+	-	-	-
<i>барабанить</i>	+	-	-	-
<i>бренчать</i>	+	-	-	-
<i>звякать</i>	+	-	-	-
<i>стучать</i>	+	-	-	+
<i>хлопать</i>	+	-	-	+
<i>цокать</i>	+	-	-	-
<i>чмокать</i>	+	-	-	+
<i>чиркать</i>	+	-	-	-
<i>шаркать</i>	+	-	-	-
<i>шлёпать</i>	+	-	-	+

**Таблица 8. Функционирование ЛПР глаголов локализации
с семой касания**

Глаголы	Употребление в активных конструкциях	Употребление в пассив- ных конструкциях		Употребление в возвратных конструкциях
		от глаголов несов. вида	от глаголов сов. вида	
<i>ограничить</i>	+	-	-	-
<i>группировать</i>	+	-	+	+
<i>закрывать</i>	+	-	+	+
<i>лепить</i>	-	-	-	+
<i>объединять</i>	+	-	+	+
<i>пересекать</i>	+	-	+	+
<i>примыкать</i>	+	-	-	-
<i>скреплять</i>	+	-	+	+
<i>сливать</i>	+	-	+	+
<i>смыкать</i>	+	-	-	+
<i>соединять</i>	+	-	+	+
<i>упираться</i>	-	-	-	+

3.3.4. Предложения с глаголами касания в немецком языке

Руководствуясь теми же принципами, что и в предыдущем разделе, рассмотрим функционирование залоговых конструкций с глаголами касания в немецком языке. Единственным отличием здесь является то, что возвратность рассматривается не в отдельном разделе, а внутри раздела о пассивности.

3.3.4.1. Функционирование глаголов касания в активных конструкциях

1. Глаголы касания объекта без его перемещения.

1.1. Касание объекта без его изменения: *Sie **erfaßte** mit den Händen die Armlehnen des Stuhles, um aufzustehen* (T. Mann). *Und Hýdorns grauer Segeltuchumhang **klebte** an seinen hageren Gliedern* (M. Ende). *Dann ließ er sich bei den anderen Raben nieder und **krallte sich** an der Stange fest* (O. Preussler). *Er ging auf Grenouille zu, **umarmte** ihn und nannte ihn «mein fluidaler Bruder»* (P. Süskind).

1.2. Глаголы касания объекта с его изменением.

1.2.1. Подгруппа глаголов созидания объекта (в результате физического труда): *Mama **webte** auf einem kleinen Webstuhl Decken und Stoffe und verkaufte sie in einem Pappkarton auf der Promenade des Anglais,*

heimlich, hinter Palmen, denn das war verboten (H. Konsalik). Eine hohe, breite Holzbettstelle, die Gastons Großvater nach seiner Rückkehr aus dem Krieg 1871 selbst **gehobelt** und **zusammengenagelt** hatte (H. Konsalik).

1.2.2. Подгруппа глаголов разрушения, повреждения поверхности объекта: *Du kannst bei mir ein paar Schnitzmesser **zerbrechen** und ein paar Holzklötze verderben, und wenn es sich zeigt, daß du kein Holzschnitzer bist, mußt du dich eben zu anderem wenden* (H. Hesse). *Auf einer Seitenstraße in den Seealpen **verbrennt** in seinem Maserati-Sportwagen der Rallyefahrer Lutz Adams* (H. Konsalik).

2. Глаголы касания объекта с его перемещением: *Kaum hatte der junge Lehrer den Saal verlassen, da **zupften** und **stießen** die Kameraden Goldmund von allen Seiten* (H. Hesse). *Bob **schob** das Geldpaket über den Tisch hin und her* (H. Konsalik). *Die Puppe sagte nichts und Momo **stieß** sie an* (M. Ende).

3. Глаголы движения субъекта с касанием объекта: *Vor der oberen Diele, von der die Zimmer seiner Mutter abgingen, **traf** Bob auf Renate Peters* (H. Konsalik). *Nur wenn er direkt mit jemandem **zusammengestoßen** war, im Gedränge oder urplötzlich an einer Straßenecke, dann hatte es einen kurzen Augenblick der Wahrnehmung gegeben* (P. Suskind).

4. Глаголы звучания с касанием: *Die Pflaster auf seiner Handfläche **schabten** ihr über das Gesicht* (H. Konsalik). *Auf einmal **klopfte** mir jemand von hinten auf die Achsel* (J. Eichendorff). *Er **schnippte** mit den Fingern und stand im Nu in einem Bratenrock mit hohem Stehkragen vor ihr* (M. Ende). *Der Kremlpalast war voller Fans, die nach jedem Song laut **appladierten*** (Moskauer Deutsche Zeitung).

5. Глаголы локализации с семой касания: *Dieses Gässchen lief auf ein einzelnes Haus zu, das seinen Abschluss bildete und quer zu den übrigen stand* (M. Ende). *Östlich der unteren Weichsel **grenzten** an die Slawen die alten Preußen* (A. Brackmann).

Как видим, в немецких активных предложениях глаголы касания всех ЛГР представлены так же широко, как в русских.

3.3.4.2. Функционирование глаголов касания в пассивных конструкциях

В данном разделе мы рассмотрим возможность образования пассивных конструкций с различными ЛГР глаголов касания в немецком языке, так как здесь, как и в русском языке, имеются определённые ограничения.

1. Глаголы касания объекта без его перемещения.

1.1. Касание объекта без его изменения:

1) пассив образуется с глаголами *anrühren, berühren, drücken, fassen, fühlen, halten, kitzeln, küssen, lecken, packen, pressen, streifen, streichen, streicheln, umarmen, umklammern, umschlingen, tasten, tupfen*: *Frau Brenten flag auf ihn zu er wurde **umarmt, geküsst**, nach seinem Befinden befragt (W. Bredel). Die Operationsnarbe des Kranken wird mit einer Salbe in der Salbenbüsche **bestrichen**. Das Mädchen wird an der Hand **gefasst** (M. Ende). Abermals wurde Krabat an Armen und Beinen **gepackt** (O. Preussler). Sein rechter Knöchel wurde von einer grauen Hand **umklammert**, die dicht über dem Gelenk abgerissen war (W. Hohlbein);*

2) пассивные конструкции не образуются с возвратными глаголами *sich lehnen, sich schmiegen, sich stützen*.

Таблица 9. Функционирование глаголов ЛГР касания объекта без его перемещения и изменения

Глаголы	Употребление в активных конструкциях	Употребление в пассивных конструкциях	Употребление в возвратных конструкциях
<i>anrühren</i>	+	+	—
<i>berühren</i>	+	+	+
<i>drücken</i>	+	+	+
<i>fassen</i>	+	+	+
<i>fühlen</i>	+	+	+
<i>greifen</i>	+	+	+
<i>halten</i>	+	+	+
<i>kitzeln</i>	+	+	—
<i>kleben</i>	+	+	—
<i>küssen</i>	+	+	+
<i>lecken</i>	+	+	+
<i>sich lehnen (an A)</i>	—	—	+
<i>packen</i>	+	+	+
<i>pressen</i>	+	+	+
<i>sich schmiegen (an A)</i>	—	—	+
<i>streifen</i>	+	+	+
<i>streichen</i>	+	+	+
<i>streicheln</i>	+	+	—
<i>sich stützen (auf A)</i>	—	—	+
<i>umarmen</i>	+	+	+
<i>umklammern</i>	+	+	—
<i>umschlingen</i>	+	+	+
<i>tasten</i>	+	+	+
<i>tupfen</i>	+	+	—

1.2. Глаголы касания без перемещения, но с изменением объекта:

1.2.1. Подгруппа глаголов созидания объекта (в результате физического труда).

От всех глаголов данной подгруппы пассив регулярно образуется, например: *Dann wurde sie in einen Sack **genäht**...* (P. Suskind). *Kanten und Ränder von Teiler werden mit Feilen gefeilt. Die Wunde ward **verbunden**, und man ging weiter den Hügel hinan* (A. von Chamisso). *Denn er **war** oft mit Fesseln und Ketten **gebunden gewesen**, und hatte die Ketten abgerissen und die Fesseln zerrieben* (G. Luther).

Таблица 10. Функционирование глаголов ЛГР касания с созиданием объекта

Глаголы	Употребление в активных конструкциях	Употребление в пассивных конструкциях	Употребление в возвратных конструкциях
<i>behauen</i>	+	+	-
<i>binden</i>	+	+	+
<i>bohren</i>	+	+	+
<i>graben</i>	+	+	+
<i>hobeln</i>	+	+	-
<i>höhlen</i>	+	+	+
<i>feilen</i>	+	+	-
<i>flechten</i>	+	+	+
<i>kleben</i>	+	+	-
<i>kneten</i>	+	+	-
<i>knüpfen</i>	+	+	+
<i>löten</i>	+	+	-
<i>meißeln</i>	+	+	-
<i>nähen</i>	+	+	+
<i>sägen</i>	+	+	+
<i>schlagen</i>	+	+	+
<i>schmieden</i>	+	+	-
<i>schneiden</i>	+	+	+
<i>schnitzen</i>	+	+	-
<i>spinnen</i>	+	+	+
<i>zeichnen</i>	+	+	+
<i>weben</i>	+	+	-

1.2.2. Подгруппа глаголов касания с разрушением, повреждением поверхности объекта:

1) пассив регулярно образуется с глаголами *beißen, brechen, brennen, knacken, kratzen, picken, pressen, reiben, reißen, ritzen, hauen, hacken, schaben, schlachten, schneiden, (zer)schlagen, spalten, stechen, bröckeln, zerkrümeln, zerkleinern, zerstückeln*: *Vor zwei oder drei Wochen war sein langes Haar ihm **abgeschnitten** worden* (T. Mann). *Die andern wollten ihr zu Hülfe kommen und wurden ebenfalls von den erzürnten Taranteln **gestochen*** (Novalis). *Es wurden schon Berge zerkrümelt und weggeschafft* (H. Konsalik). *Die Holzkeule fand sich, mit der die Opfer **erschlagen** worden waren, und der leinene Reisesack* (P. Suskind), *Das Gemisch wurde mit einem Druck zu Tabletten **gepresst**. Er wurde vom Hund **gebissen**. Die Fetzen flogen nur so nach allen Seiten, doch seine Haut wurde nicht einmal **geritzt*** (M. Ende). *Einem andern wird der Unterleib mit den Beinen **abgerissen*** (E. Remarque);

2) пассивные конструкции не образуются с непереходными глаголами *splittern, nagen (an D), knabbern(an D)*(с глаголом *anknabbern* пассив образуется), *bröckeln* (крошиться), *zerkrümeln* (крошиться), *kratzen* (царапаться).

Таблица 11. Функционирование глаголов ЛГР касания объекта с его разрушением, повреждением

Глаголы	Употребление в активных конструкциях	Употребление в пассивных конструкциях	Употребление в возвратных конструкциях
1	2	3	4
<i>beißen</i>	+	+	+
<i>brechen</i>	+	+	+
<i>brennen</i>	+	+	+
<i>knabbern (an D)</i>	+	-	-
<i>knacken</i>	+	+	-
<i>kratzen</i>	+	+	+
<i>nagen (an D)</i>	+	-	-
<i>picken</i>	+	+	-
<i>pressen</i>	+	+	+
<i>reiben</i>	+	+	+
<i>reißen</i>	+	+	+
<i>ritzen</i>	+	+	-
<i>hauen</i>	+	+	+
<i>hacken</i>	+	+	+
<i>schaben</i>	+	+	-
<i>schlachten</i>	+	+	-
<i>schneiden</i>	+	+	+

1	2	3	4
(zer)schlagen	+	+	+
splittern	+	-	-
spalten	+	+	+
stechen	+	+	+
bröckeln	+	+	-
zerkrümeln	+	+	+
zerkleinern	+	+	-
zerstückeln	+	+	-

2. Глаголы касания объекта с его перемещением:

1) пассив с глаголом *schütteln* образуется в значении *пожать руку*; от всех других глаголов данного ЛПР пассив регулярно образуется, например: *Das Rollbett wurde durch den Eingang **geschoben*** (F. Dürrenmatt). *Endlich erriet er, daß der Rolladen langsam nach oben **geschoben** wurde* (F. Dürrenmatt). *Meistens mußte ich auf die Bühne **gestoßen** werden* (H. Böll);

2) с глаголами *ziehen (an D)*, *zupfen (an D)* пассив не образуется, т.к. они непереходные.

Таблица 12. Функционирование глаголов ЛПР касания объекта с его перемещением

Глаголы	Употребление в активных конструкциях	Употребление в пассивных конструкциях	Употребление в возвратных конструкциях
<i>anlehnen</i>	+	+	+
<i>dagegenstellen</i>	+	+	-
<i>(an)stoßen</i>	+	+	+
<i>dagegensetzen</i>	+	+	-
<i>rühren</i>	+	+	+
<i>schleifen</i>	+	+	-
<i>schleppen</i>	+	+	+
<i>schütteln</i>	+	-	+
<i>zausen</i>	+	+	+
<i>zerren</i>	+	+	+
<i>ziehen</i>	+	+	+
<i>zupfen (an D)</i>	+	-	-

3. Глаголы движения субъекта с касанием объекта:

1) с глаголами *anprallen (an A)*, *anströmen*, *auffahren (auf A)*, *auflaufen (auf A)*, *stossen (auf A)*, *prallen (gegen Ak)*, *zusammenstoßen (mit D)*, *stolpern* пассив не образуется, т.к. они непереходные;

2) от глагола *anfahren* пассив образуется: *Er wurde von einem Lastwagen **angefahren*** (H. Konsalik).

Таблица 13. Функционирование глаголов ЛГР движения субъекта с касанием объекта

Глаголы	Употребление в активных конструкциях	Употребление в пассивных конструкциях	Употребление в возвратных конструкциях
<i>anprallen (an A)</i>	+	-	-
<i>anrennen (an A)</i>	+	-	+
<i>anströmen</i>	+	-	-
<i>anfahren</i>	+	+	-
<i>auffahren (auf A)</i>	+	-	-
<i>auflaufen (auf A)</i>	+	-	+
<i>prallen (gegen A)</i>	+	-	-
<i>stolpern</i>	+	-	-
<i>stoßen (auf A)</i>	+	-	+
<i>zusammenprallen (mit D)</i>	+	-	-
<i>zusammenstoßen(mit D)</i>	+	-	-

4. Глаголы звучания с касанием:

1) глаголы *klatschen* (хлопать в ладоши), *klopfen*, *anstossen* пассив образуют регулярно: *Es wurde von den Zuschauern geklatscht. Beide sprachen ihn an, und es wurde mit den Bechern **angestoßen*** (H. Hesse). *wurde leise an ihre Tür **geklopft*** (Adelbert von Chamisso). *Sie schwieg, und ich hörte, wie gegen die Tür der Telefonzelle **gebumst** wurde* (H. Böll);

2) с глаголами *applaudieren (D)*, *klappen* (хлопать), *knallen (mit D)*, *patschen*, *pochen*, *schmalzen*, *schnippen*, *schlurfen* (шаркать ногами), *klatschen* (щёлкать, шлёпать) пассив не образуется, т.к. они непреходные.

Таблица 14. Функционирование глаголов ЛГР звучания с касанием

Глаголы	Употребление в активных конструкциях	Употребление в пассивных конструкциях	Употребление в возвратных конструкциях
1	2	3	4
<i>anstossen</i>	+	+	-
<i>applaudieren (D)</i>	+	-	-

1	2	3	4
<i>klappen</i>	+	-	-
<i>klatschen</i>	+	+	-
<i>klopfen</i>	+	+	-
<i>knallen (mit D)</i>	+	-	-
<i>patschen</i>	+	-	-
<i>pochen</i>	+	-	-
<i>schmalzen</i>	+	-	-
<i>schnippen</i>	+	-	-
<i>schlurfen</i>	+	-	-

5. Глаголы локализации с семой касания:

1) с глаголами *binden*, *kreuzen*, *überschneiden*, *vereinigen*, *zusammenschließen* пассив регулярно образуется, например:

*Die Trasse dafür könne nur so gebaut werden, dass die die Fahrbahn «eben auf Straßenhöhe» **gekreuzt** wird, sagt Michael Baufeld von der DB-Projekt-Verkehrsbau GmbH (Tagesspiegel 5, 2001).*

2) пассив не образуется:

а) с непереходными глаголами *anstossen (an A)*, *anschiessen (an A)*, *grenzen (an A)*;

б) с возвратным глаголом *sich stemmen*.

Таблица 15. Функционирование ЛГР глаголов локализации с семой касания

Глаголы	Употребление в активных конструкциях	Употребление в пассивных конструкциях	Употребление в возвратных конструкциях
<i>anstossen (an A)</i>	+	—	+
<i>anschiessen (an A)</i>	+	—	+
<i>binden</i>	+	+	+
<i>grenzen (an A)</i>	+	-	—
<i>kreuzen</i>	+	+	+
<i>sich stemmen</i>	—	—	+
<i>überschneiden</i>	+	+	+
<i>vereinigen</i>	+	+	+
<i>zusammenschließen</i>	+	+	+

Таким образом, особенности функционирования конструкций с глаголами касания различных лексико-семантических групп в русском языке связаны главным образом с категориями залога, вида, возвратностью и переходностью глагола, а в немецком языке – с категорией залога, возвратностью и переходностью глагола.

3.4. Межъязыковые параллели в сфере предложений касания

Проанализировав параллельные переводы художественных произведений (русских авторов на немецкий язык и немецких – на русский), мы выявили основные межъязыковые параллели в системах предложений касания двух языков.

Сначала в нашем исследовании в качестве языка-источника выступал русский язык, затем – немецкий.

3.4.1. Функционирование активных конструкций

4.1.1. Способы передачи русских активных конструкций:

1) русским активным конструкциям обычно соответствуют немецкие активные конструкции: *Вдруг её рука **скользнула** в мою, и без ведома нашей дуэньи я всю дорогу до магазина **держал** и **гладил**, и **тискал** эту горячую ланку* (В. Набоков) – *Plötzlich fühlte ich ihre Hand in die meine **schlüpfen**, und ohne das unsere Anstandsdame etwas merkte, **hielte** ich ihre heiße kleine Pfote, **streichelte** und **drückte** sie auf dem ganzen Weg bis zum Laden;*

2) в некоторых случаях русским активным конструкциям соответствуют немецкие пассивные конструкции: *Они первым делом **прицепили** страховочный фал к специальной штанге на корпусе корабля* (В. Пелевин) – *Als ersters **wurde** eine Sicherungsleine an der dafür vorgesehenen Stange des Raumflugkörpers **eingehackt**.*

4.1.2. Способы передачи немецких активных конструкций:

а) немецким активным конструкциям обычно соответствуют русские активные конструкции: *Gedankenvoll ging er auf den Hof hinaus, watete im Schnee und **befühlte** ihn mit den Händen* (H. Hesse) – *В задумчивости он вышел во двор, походил по снегу и **потрогал** его руками;*

б) иногда немецким активным конструкциям соответствуют русские пассивные конструкции: *Er **fiel** im Oktober 1918, an einem Tage, der so ruhig und still war an der ganzen Front, daß der Heeresbericht sich nur auf den Satz beschränkte, im Westen sei nichts Neues zu melden* (E. Remarque) – *Он **был убит** в октябре 1918 года, в один из тех дней, когда на всём фронте было так тихо и спокойно, что военные сводки состояли из одной только фразы: «На Западном фронте без перемен».*

3.4.2. Функционирование пассивных конструкций

1. Способы передачи русских пассивных конструкций.

Русский двучленный пассив со страдательным причастием с точки зрения залоговой семантики, как известно, двузначен: он может выражать как собственно пассивное значение (результат воздействия, которому подвергся или будет подвергнут объект со стороны неопределённого субъекта), так и акцентировать внимание на состоянии объекта, возникшем в результате уже неактуального действия неопределённого субъекта. В немецком языке эти семантические отличия выражаются двумя различными залоговыми формами, имеющими общий компонент – причастие II переходного глагола. Следовательно, в подобных случаях одной русской пассивной форме соответствуют две немецкие: *был просверлен* – *wurde gebohrt* и *war gebohrt*. Рассмотрим соответствующие примеры:

1) русский двучленный пассив – немецкий пассив **действия** (das Vorgangspassiv): *...его туша крючьями была подтащена к машине* (В. Пелевин) – *Der Kadaver wurde mit speziellen Lasthaken zum Auto gezerrt*.

Немецкий пассив действия регулярно используется для передачи русских неопределённо-личных активных конструкций: *Дверь открылась, и меня **вкатили** в комнату* (В. Пелевин) – *Die Tür ging auf, und ich wurde ins Zimmer geschoben*.

Немецким пассивом действия переводятся и русские двучленные безличные конструкции: *Меня опять **тряхнуло, ударило** спиной о потолок* (В. Пелевин) – *Wieder wurde ich durchgerüttelt, knallte mit dem Rücken an die Decke*;

2) русский двучленный пассив – немецкий пассив **состояния** (das Zustandspassiv): *Два прожектора **были выкрашены** черной краской и **облеплены** мерцающими в электрических лучах кусочками фольги* (В. Пелевин) – *Zwei Scheinwerfer waren sie schwarzgestrichen und mit Stücken von Folie beklebt*.

2. Способы передачи немецких пассивных конструкций.

Как известно, в русском языке образование форм страдательного залога связано с видом глагола: от глаголов несовершенного вида страдательный залог образуется при помощи частицы *-ся*, у глаголов совершенного вида значение страдательного залога выражается страдательными причастиями, употребляемыми с глаголом *быть*, который в настоящем времени не используется. Таким образом, одной немецкой пассивной форме в русском языке соответствуют две по-разному образованные формы страдательного залога: *wurde gebohrt* – *сверлился* и *был просверлен*:

1) немецкий пассив – русский пассив с глаголом на *-ся*: *An den Wänden wurden Bilder aufgehängt, Zeichnungen **angeheftet**, zuweilen aus*

Zeitschriften ausgeschnittene Bilder, die häufig wechselten (H. Böll) – *Бе- шались картины, **прикалывались** к стенам рисунки, иногда вырезан- ные из журналов иллюстрации, которые часто менялись;*

2) немецкий пассив – русский пассив со страдательным причастием (с глаголом *быть* или без него): *Die Straßen vor dem Palast, wo die Ordensräte, Philosophen und Naturforscher ihre Sitzung halten sollten, **wurden** mit dickem Stroh **belegt**, damit das Gerassel der Wagen die weisen Männer nicht störe, und ebendaher durfte auch nicht getrommelt, Musik gemacht, ja nicht einmal laut gesprochen werden in der Nähe des Palastes* (E. Hofmann) – *Улицы перед дворцом, где должны были засесть чле- ны капитула орденов, философы и естествоиспытатель, **были** густо застланы соломой, дабы стук колес не помешал мудрецам;*

3) в обследованном материале немецкому двучленному пассиву часто соответствует русская неопределённо-личная конструкция: *Wie in einem gewaltig dröhnenden Kessel sitzen wir, auf den von allen Seiten **losgeschlagen** wird* (E.M. Remarque) – *Мы сидим словно в оглушительно грохочущем котле, по которому со всех сторон **стучат** палками. Es wurden schon Berge **zerkrümelt** und **weggeschafft*** (H. Konsalik) – *Не одну гору уже **искрошили** и **сровняли** с землей;*

4) в ряде случаев немецкий пассив переводится русскими кон- струкциями действительного залога: *In demselben Augenblick **wurde** sie auch von den zwölf Mohren aus dem Muschelwagen **gehoben** und an das Land getragen* (E. Hofmann) – *В то же мгновение двенадцать арапчат **подхватили** её и отнесли из раковины на берег. Er wollte schon laufen, wurde aber am Pilgerrock **festgehalten*** (H. Hesse) – *Он уже собрался бежать, но Гольдмунд крепко **схватил** его за ясу;*

5) сочетание пассива с модальными глаголами *können, sollen, müssen* переводится русской безличной конструкцией: *Meistens **mußte** ich auf die Bühne **gestoßen werden*** (H. Böll) – *Большей частью меня **приходилось** силой **выталкивать** на сцену.*

3.4.3. Параллели в сфере функционирования конструкций с возвратными глаголами

Анализ фактического материала показал, что существующие между русским и немецким языками расхождения в сфере залоговости связы- ваются на специфике функционирования предложений с возвратными глаголами касания.

1. Русские возвратные глаголы, не имеющие форм без постфикса -ся: *касаться, спотыкаться*:

1) глаголу *касаться* соответствует чаще всего немецкий невозврат- ный глагол *berühren*: *Изображая интерес, я так близко придвинул к*

ней голову, что её волосы **коснулись** моего виска (В. Набоков) – *Ich heuchelte Interesse und brachte ich meine Kopf so nah, dass ihr Haar meine Schläfe **berührte**.*

Наблюдается и обратное соответствие: немецким невозвратным глаголам *berühren, anrühren* соответствует русский возвратный глагол *касаться*: *Er **berührte** des Jünglings Stirne mit den wundervoll glänzenden Blumen, die er in der Hand trug, und sogleich entzündete sich in Balthasars Innerm frischer Lebensmut* (Е. Hoffmann) – *Сверкающим чудесным цветком, что был у него в руке, доктор **коснулся** чела Бальтазара, и тотчас в юноше пробудился дух бодрости. Damit trat er auf Krabat zu und **berührte** ihn mit der linken Hand an der linken Schulter* (О. Preussler) – *Он подходит к Крабату, левой рукой **касается** его левого плеча;*

2) русскому возвратному глаголу *споткнуться* обычно соответствует немецкий невозвратный глагол *stolpern*: *Почти сразу же я обо что-то **споткнулся**, но сохранил равновесие* (В. Пелевин). – *Im nächsten Moment schon **stolperte** ich über etwas, konnte jedoch das Gleichgewicht halten. Я **споткнулся** о выбоину в асфальте* (В. Набоков) – *Ich **stolperte** über ein Schlagloch im Asphalt.*

Соответственно, в предложениях касания немецкому невозвратному глаголу *stolpern* соответствует русский возвратный глагол *споткнуться*: *Bob Barreis schob den Alten aus dem Weg. Der Stoß war so stark, daß Adams **stolperte** und auf den Rasen fiel* (Н. Konsalik) – *Боб Баррайс оттолкнул старика. Толчок был таким сильным, что Адамс **споткнулся** и упал на газон.*

2. Наиболее полное совпадение наблюдается между функционированием русских и немецких конструкций с собственно возвратными и взаимно-возвратными глаголами:

1) *С этим портсигаром **бриться** можно, и зеркало не нужно...* (В. Пелевин) – *Mit diesem Zigarettenetui kann man **sich rasieren**. Почему они не **бреются** чаще, эти молодые ядрёные парни?* (В. Набоков) – *Warum **rasieren sich** diese muskulösen jungen Leute nicht besser? Я **умылся** кое-как в смежной ванной* (В. Набоков). – *Ich **wusch mich**, so gut es ging, im Badezimmer nebenan.*

См. примеры обратных соответствий: *Er **verletzte sich**...* (P. Süskind). – *Он **поранился**. Ich hatte **mich** sogar ausnahmsweise vor Maries Spiegel mit ihrem Kamm **gekämmt*** (H. Böll) – *В это утро я **причесался** – что со мной не так уж часто случалось – **причесался** перед зеркалом Мариш её гребешком;*

2) в исследованном нами материале русскому взаимно-возвратному глаголу *обниматься* регулярно соответствовал немецкий взаимно-

возвратный глагол *sich umarmen*: Они **обнимались** и **обнимались**... (В. Набоков) – *Und sie **umarmten sich** immer wieder...*

Русскому взаимно-возвратному глаголу *целоваться* регулярно соответствовал немецкий взаимно-возвратный глагол *sich küssen*: *Вчера они **поцеловались** в первую минуту радости свидания* (Л.Н. Толстой) – *Gestern hatten sie **sich** in der ersten Freude des Wiedersehens **geküßt***. Я тихо гладил её по волосам, и мы тихо **целовались** (В. Набоков) – *Ich **streichelte** sanft ihr Haar und wir **küssten uns** sanft*.

Немецким взаимно-возвратным глаголам *sich umfingen, sich umschlangen, sich umarmen* соответствует русский взаимно-возвратный глагол обниматься: *Und dabei **umfingen** sie **sich** und drückten sich mit der Inbrunst der innigsten Zärtlichkeit an die Brust und waren ganz und gar umflossen von aller Wonne, von allem Entzücken des höchsten Himmels* (Е. Hoffmann) – И они **обнялись** и прижимали друг друга к груди со всем жаром искренней нежности и были упоены высшим небесным блаженством и восторгом. *Sie **umschlungen sich** zugleich. Klingsor faßte sie in seine Arme* (Novalis) – Они обняли **друг друга**. Клингсор заключил их в свои объятия.

3. Русским возвратным глаголам ЛПР движения субъекта с касанием объекта могут соответствовать как возвратные, так и невозвратные глаголы:

1) возвратным глаголам *ударяться, наталкиваться* в исследованном синтаксическом материале соответствуют немецкие **невозвратные** глаголы *(an)stossen, schlagen*: *А потом луноход на что-то **наткнулся*** (В. Пелевин). – *Dann **stieß** das Lunochod irgendwo **an***. Я кинулся туда, **наткнулся** на стену (В. Пелевин). – *Ich **prallte** gegen eine Mauer. Потом началась тряска, и я несколько раз **ударился** головой о стену перед собой* (В. Пелевин). – *Darauf **fiel** ein heftiges Schütten an, ich **schlug** ein paarmal mit dem Kopf gegen die Wand vor mir*.

Немецким невозвратным глаголам с тем же значением *(an)stossen, prallen*, соответствует русский возвратный глагол *ударяться*: *Der Mann sank zusammen, der Wagen sauste weiter, **stieß** gegen die Wand, prallte zurück, **stieß** schwer und wütend wie eine große dicke Hummel gegen die niedere Mauer, überschlug sich und krachte mit einem kurzen leisen Knall über die Mauer in die Tiefe hinunter* (Н. Коналик) – Шофёр **новалился**, машина пронеслась дальше, **ударилась** о скалу, отскочила назад, тяжело и злобно, как большой, толстый шмель, **ударилась** о низкую стенку, опрокинулась и, с тихим, коротким треском перемахнув через неё, рухнула в пропасть. *Der Ball **prallte** gegen die Mauer* (Н. Коналик) – Мяч **ударился** о стену;

2) русскому возвратному глаголу *впиваться* в предложениях касания соответствуют немецкие возвратные глаголы *sich bohren, sich um-*

*klammern: В щеку **впивался** острый камень (В. Пелевин) – Ein spitzer Stein **bohrte sich** in meine Wange. Линоелеум прилипал к телу, и казалось, что сотни мелких насекомых **впиваются** мне в ноги или что я ползу по свежепроложенному асфальту (В. Пелевин) – Das Linoleum **klebte mir am Körper, und es war, als **bohrten sich** Hunderte kleiner Insekten in die Beine oder als kroch ich auf frisch ausgewalztem Asphalt.***

Наблюдается и обратное соответствие: немецким возвратным глаголам *(fest)krallen sich, sich klammern* соответствуют русские возвратные глаголы *впиваться, цепляться*: *Dann ließ er sich bei den anderen Raben nieder und **krallte sich** an der Stange **fest** (О. Preußler) – Опустившись рядом с одиннадцатью воронами, крепко **вцепляется** в жердь. Er **klammerte sich** an die Sessellehne und schüttelte heftig den Kopf (Н. Böll) – Он обеими руками **вцепился** в спинку кресла и резко мотнул головой;*

3) русскому возвратному глаголу *прислоняться* соответствует немецкий возвратный глагол *sich lehnen*: *Вдыхает и **прислоняется** к окну (И. Тургенев) – Seufzt und **lehnt sich** ans Fenster. Стоя со мной в лифте, она **прислонилась** ко мне, подулыбаясь (В. Набоков) – Im Fahrstuhl neben mir stehend, **lehnte sie sich** lächelnd an mich.*

Соответственно, немецкому возвратному глаголу *sich lehnen* соответствует русский возвратный глагол *прислоняться*: *Gregor trat nun gar nicht in das Zimmer, sondern **lehnte sich** von innen an den festgeriegelten Türflügel (F. Kafka) – Грегор вовсе и не вошёл в гостиную, а **прислонился** изнутри к закреплённой створке. Er lehnte sich zurück gegen die Schüttele von Geröll (P. Süsskind) – Он **прислонялся** спиной к груди щебня;*

4) русскому возвратному глаголу *прижиматься* соответствует немецкий возвратный глагол *sich drücken*:

*Мне бы удалось всласть **прижаться** к ней (В. Набоков). – Ich würde sie an **mich drücken**.*

Наблюдается и обратное соответствие: *Er zieht die Beine an, **drückt sich** an die Wand und bleckt die Zähne wie ein Köter (E. Remarque) – Он подтягивает ноги, **прижимается** к стенке и скалит зубы, как собачонка.*

Таким образом, анализ функционирования предложений касания с возвратными глаголами в параллельных русских и немецких текстах показал, что общими для двух языков являются конструкции с глаголами собственно возвратного и взаимно-возвратного разрядов. При этом в русском языке различия в форме возвратной частицы *-ся* проявляются в отношении категории рода только в форме прошедшего времени (*Я коснулся тебя / Ты коснулась меня / Щупальце коснулось нас*). Возвратное местоимение *себя* относится ко всем трем лицам

субъекта. В немецком языке форма выражения возвратности тесно сопряжена с категориями лица и числа.

Русским предложениям с так называемыми побочно-возвратными глаголами обычно соответствуют предложения с немецкими возвратными глаголами, но в некоторых случаях – и с невозвратными глаголами.

В немецком языке отсутствуют конструкции пассивно-безобъектного (*Корова бодается*) и пассивно-бессубъектного (*Проволока легко гнётся*) типов.

Выводы

1. Сферу касаний образуют чрезвычайно разнообразные по своему характеру предметные ситуации. Различные стороны явления касания субъекта и объекта изучают как естественные, так и гуманитарные науки. Поскольку в центре современных гуманитарных исследований стоит человек, одной из важнейших проблем семантического синтаксиса является изучение языкового отражения процессов восприятия человеком окружающего мира, в том числе – осязательного (тактильного) восприятия.

2. В нашей работе применяется методика поаспектной характеристики семантико-структурного устройства предложения. Основное содержание исследования составляет анализ русских и немецких предложений с глаголами касания в ситуативно-структурном и релятивно-структурном подаспектах номинативного аспекта.

3. Опираясь на системы лексико-грамматических разрядов (ЛГР) глаголов и существительных, мы проанализировали лексическое наполнение признаковой и актантных позиций в предложениях касания русского и немецкого языков.

4. Структура поля глаголов касания представляет собой модель, в которой мы выделяем ядро и периферийные зоны. К ядру поля в обоих языках относятся глаголы ЛГР касания объекта без его перемещения и изменения. К периферийным зонам в русском и немецком языках относятся: глаголы ЛГР касания объекта без его перемещения, но с изменением; глаголы ЛГР касания объекта с его перемещением; глаголы ЛГР движения субъекта с семой касания объекта; глаголы ЛГР звучания с семой касания объекта; глаголы ЛГР локализации с семой касания объекта. Как показал анализ фактического материала, структура данного поля в русском и немецком языках сходна, поскольку включает в себя глаголы одних и тех же лексико-грамматических разрядов.

5. В семантической структуре предложений с глаголами касания выделяются обязательные и факультативные актанты. Номинативный

тип двух обязательных актантов в семантике предложений касания определяется типовым значением и инвариантной семантической структурой, которая обозначается схемой: «субъект – касание – объект». В качестве факультативных актантов в рассматриваемых предложениях могут выступать инструмент и / или локализатор, а иногда – и тот и другой одновременно. Было установлено, что предложения касания двух языков обладают сходством не только на уровне инвариантной семантической структуры, но и на уровне лексических вариантов семантических структур.

6. Основной функцией категории залога как компонента релятивно-структурного подаспекта устройства предложения является грамматическая характеристика актантов семантической структуры – субъекта и объекта. С этой теоретической позиции в работе были подробно рассмотрены залоговые особенности предложений касания в сопоставляемых языках.

В русском языке описание активных и пассивных предложений произошло раздельно для глаголов несовершенного и совершенного вида, поскольку образование форм русского пассива зависит от вида глагола. В числе факторов, влияющих на возможность образования пассивной формы русских глаголов касания, оказались: способ действия – однократность / неоднократность; совпадение формы пассива глагола несовершенного вида с возвратным глаголом; непрямoperеходность глагола; включение объекта в семантику глагола. Было также установлено, что в немецком языке сфера функционирования пассивных конструкций шире русской, поскольку здесь большее количество глаголов касания относится к числу переходных. В русском языке в семантико-функциональном поле залоговости значительное место занимает возвратность.

Таким образом, особенности функционирования конструкций с глаголами касания в русском языке связаны с категориями залога, вида, с возвратностью и переходностью глагола, а в немецком языке – с категорией залога, возвратностью и переходностью глагола.

Полученные в результате исследования результаты могут использоваться в курсах по теории языка, по проблемам семантико-функционального синтаксиса русского и немецкого языков, при разработке спецкурсов по сопоставительной грамматике указанных языков, а также в практике перевода и в преподавании языков как иностранных.

Дальнейшее изучение семантики и функционирования русских и немецких синтаксических конструкций с глаголами касания в других аспектах организации предложения позволит ещё глубже раскрыть особенности их функционирования.

ГЛАВА IV. СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПОЛЕ ПОСЕССИВНОСТИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

4.1. Посессивность как понятийная и языковая категория

Термин **посессивность** используется в значении 'владение, обладание чем-либо'. Ещё Аристотель писал о категории обладания («имения» – τὸ εἶχεν) и определил основные типы посессивного отношения, такие как обладание имуществом, свойством, качеством, родственные отношения и др. [Аристотель 1998: 1165-1166].

В самом широком смысле идея обладания объектом для посессора означает 'иметь (занимать) место' и 'доминировать' (т.е. 'обладать, владеть, преобладать, властвовать'). О связи двух этих понятий свидетельствуют многочисленные языковые данные; ср. русск. *владеть* – 'иметь' и 'властвовать'; *волость* как обозначение места и *власть* как обозначение доминирования. В социально-экономической сфере это обладание местом и властью обычно реализуется в «имении», в частности, в имуществе, достоянии, богатстве – как недвижимом (*земля, дом*, т.е. место в непосредственном виде), так и в движимом (*автомобиль, телевизор* и т.п.).

Идея обладания имеет процессуальный характер, что означает фиксацию этой идеей ситуации захвата, купли, обмена, получения по наследству или в дар и т.п. Категория посессивности может быть представлена как пространственная структура, центром которой является человек, его духовное средоточие, тело, затем – внешнее пространство, а также проекции этой структуры на другие сферы внешнего мира, в результате чего создаются иные типы посессоров и соответствующих им пространственных концентрических структур. Такая структура категории, имеющая место в современных языках, объясняется генезисом человеческого и языкового менталитета: осознание человеком самого себя, своего тела и его частей, а также ближайших к нему объектов внешнего мира как «своих», затем «присвоение» более удалённых и абстрактных сущностей и, наконец, абстрагирование категории, перенесение уже сформировавшейся модели на расположенные вне человека неодушевлённые сущности [Топоров 1986: 151, 161].

Не случайно во всех известных языках категория посессивности имеет более полное в формальном и семантическом отношении выражение в связи со сферой человека, а не с предметной или животной сферами. Особая сфера – принадлежность человека чему-то, что трактуется как нечто, обладающее большей силой, чем сам человек (идея,

страсть, желание, болезнь и т.п.). Такого рода принадлежность («одержимость») связана с особыми способами выражения – пассивностью, процессуальностью, состоянием и т.п. Анализ языкового выражения посессивности даёт возможность полнее представить языковую картину мира носителей языка, поскольку типы синтаксических конструкций отражают особенности связей, существующих как во внеязыковой действительности, так и в отражающем её мышлении. Проблема происхождения средств выражения посессивности связана с такими проблемами, как антропогенез и развитие человеческого менталитета в процессе освоения мира. Исследование посессивности как одной из важнейших для грамматического строя языков понятийных категорий привлекало внимание многих специалистов по типологии языков и языковым универсалиям [Кацнельсон 2004; Кибрик 2000, 2003, 2006; Холодович 1979; Категория посессивности 1989; ТФГ 1996; Seiler 1973; 1983].

В связи с генезисом категории посессивности и её соотношением с эволюцией сознания особого внимания заслуживает тема **пространственных отношений**.

Пространство считается наиболее архаичным субстратом посессивности. Известно, что в истории языка средства выражения более абстрактных отношений возникали на основе средств, обозначавших отношения более конкретные. Первичные конкретные отношения – это пространственные отношения (локализация), поскольку пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком. Пространство оказывается в основе формирования многих типов номинаций, относящихся к другим, непространственным, сферам [Гак 1977: 247].

Исходный характер пространственных отношений для становления категории посессивности естественно вытекает из того факта, что отношение притяжения предполагает, с одной стороны, включение объекта в сферу посессора, некую близость, смежность и, с другой стороны, мыслимое противоположное отношение разединённости, отчужденности. И в том и в другом случае ареной, где разыгрываются названные отношения, оказывается пространство. Существенно, что идея притяжения в своем становлении не только материально коренится в пространственной сфере, но и использует её в качестве модели самой схемы притяжения / отчуждения. Более того, согласно одной из точек зрения, посессивность рассматривается как локализованное бытие, и в таком понимании посессор трактуется как локализатор [Lyons 1967].

Не случайно значение принадлежности выражалось древними языками с помощью глаголов положения в пространстве. Посессивная

конструкция, выражающая обладание, вышла исторически из пространственной: *У меня (при мне) есть* → *Я имею*. В современных языках пространственные и посессивные отношения постоянно взаимодействуют и взаимозаменяются (см. об этом подробнее ниже). Пространственный подход к посессивным предложениям разнотурных языков характерен для работ многих исследователей [Селивёрстова 1977; 1983; Гак 1998; Волохина 1999: 25; Копров 2000: 129-138; 2010: 264-273].

В рамках теории функциональной грамматики посессивность рассматривается как **семантико-функциональное поле** (СФП) наряду с бытийностью, локативностью, аспектуальностью, темпоральностью и т.д. [ТФГ 1996: 99]. По разделяемому нами мнению А.В. Бондарко, изучение СФП не сводится к описанию инвентаря средств выражения определённого круга смыслов, хотя такое описание и представляет собой необходимый этап исследования. Специфической особенностью анализа СФП является специальное внимание к выявлению структуры поля, к иерархии его компонентов, к их взаимным связям [Бондарко 1983: 38]. Соответственно, описание СФП посессивности осуществляется в направлении «от центра к периферии»: от основных, изосемических средств выражения посессивного отношения к периферийным, неизосемическим.

В СФП посессивности выделяются два центра, что обусловлено различными способами отражения действительности – предикацией и атрибуцией.

Языковое кодирование предметной ситуации, в том числе посессивной, может происходить различными способами. При отражении той или иной ситуации сознание выделяет и создаёт образ субстанции, которая является носителем признака. Затем формируется образ признака данной субстанции (или образ отношения между несколькими субстанциями). Соединение предметного и признакового образов, происходящее без соотнесения полученного комплекса с речевой ситуацией, составляет сущность **атрибуции**. Образовавшаяся при этом единица выражается атрибутивными словосочетаниями. Основными лексико-грамматическими показателями посессивности в атрибутивных словосочетаниях русского языка являются притяжательные и возвратные местоимения, притяжательные и относительные прилагательные, существительные в форме родительного падежа. Анализ атрибутивных посессивных словосочетаний в русском и английском языках см. в работе [Сушкова 2007].

Акт мышления, происходящий при соотнесении отражённой предметной ситуации с конкретной речевой ситуацией, составляет сущ-

ность **предикации**. При этом языковыми средствами передаётся как совокупность предметного и признакового образов (предметная ситуация), так и психологическая предикация. Следовательно, в основе предложения лежат две составляющие: 1) отражённая сознанием предметная ситуация; 2) отображающая речевую ситуацию психологическая предикация (о речемыслительном процессе порождения высказывания см. подробнее [Копров 2010: 27-28]).

Предикативную сферу посессивности составляют конструкции, в которых эксплицитно представлены все три элемента посессивной ситуации: субъект-посессор (обладатель), объект обладания, а также предикат со значением посессивности. Посессивное отношение, выражаемое предложением, имеет семантическую структуру, которую в общем виде передаёт формула **«посессор – отношение посессивности – объект»**.

Посессивное отношение является отношением направленным: посессор может рассматриваться как ориентирующий элемент, а объект обладания – как ориентируемый, и наоборот.

В первом случае в основе предложения находится субъект-посессор, а само сообщение касается его имущественного положения, того, чем он владеет (актом предикации объект включается в сферу посессора). Во втором случае само сообщение касается характеристики объекта принадлежности через отношение к посессору (предицируется принадлежность объекта посессору).

Предложения, в которых посессивное отношение представлено в разных ракурсах, реализуют два основных категориальных значения посессивности и представляют два взаимосвязанных **микрополя**, которые имеют одну и ту же семантическую структуру, но с противоположной **направленностью отношения**:

1) **обладание**: а) *У меня есть дом*; б) *Я имею дом*; семантическая структура «посессор – обладание → объект»;

2) **принадлежность**: а) *Рюкзак / дом принадлежит мне*; семантическая структура «объект – принадлежность → посессор».

См. об этом подробнее в работах [Копров 1983: 2-3; 2001: 68]; ср. точки зрения на проблему [Вольф 1977: 164; Мельчук 1988: 231-239; ТФГ 1996: 101]. Структура семантики предикативной посессивности может быть представлена формулой:

ПОСЕССИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

посессор – **обладание** → объект
объект – **принадлежность** → посессор

В зависимости от ситуации посессивные отношения могут трактоваться как **статичные** и как **динамичные**. При этом статика и динамика посессивных отношений располагают для своего выражения различными наборами языковых средств. Статичные посессивные отношения выражаются конструкциями с глаголами *быть / иметь / принадлежать*. Динамичные посессивные отношения реализуются конструкциями с глаголами, которые указывают на специфический способ приобретения / утраты собственности, например: *купить, украть, выиграть, унаследовать, дать, отдать, утратить*. Конструкции с такими глаголами могут иметь более сложный состав участников ситуации по сравнению с двуактантными конструкциями с глаголами статической посессивности: *Иван отдал книгу Петру* (семантическая структура «субъект – действие – объект – адресат»). Подобные конструкции могут рассматриваться как фазисные модификации основных (статических) моделей, ср.: *Он имеет дом – Он купил себе дом; Коллекция картин принадлежит музею – Коллекция картин подарена музею* (см. об этом также [Сыкало 2008; 2010]).

Рассмотрению отношений обладания и принадлежности как двух сторон посессивности посвящены разделы 4.2 и 4.3. соответственно.

4.2. Микрополе обладания

Предметом исследования в данном разделе является семантико-структурное устройство и особенности функционирования русских синтаксических конструкций со значением **обладания** в текстах медико-биологического профиля.

Конструкции со значением обладания описываются здесь как компоненты микрополя СФП посессивности. Как уже отмечалось, своеобразие отношений посессивности заключается в том, что они тесно связаны с другими типовыми значениями предложения (локализацией, качественной и количественной характеристикой субъекта). Научный и практический интерес представляет реализация семантики обладания в одной из функциональных подсистем научного стиля современного русского языка – в медико-биологических текстах, которые ещё не служили объектом специального анализа в избранном плане.

В наши задачи входит: уточнение круга синтаксических конструкций, которые используются в русском языке для выражения обладания; выявление особенностей, связанных с лексическим наполнением обязательных синтаксических позиций в предложениях обладания; установление сходств и различий в наборе категориально-семантических признаков предложений обладания различных конст-

руктивных типов; определение особенностей функционирования «конкурирующих» предложений в текстах медико-биологического профиля.

Основными средствами выражения **обладания** в современном русском языке являются следующие конструкции:

1) локативно-посессивное предложение с глаголом локализации *быть*: *У кого есть что*;

2) локативно-посессивное предложение с глаголом обладания в пассивно-возвратной форме (*иметься*): *У кого имеется что*;

3) двукантное личное предложение с глаголом обладания: *Кто имеет что*.

В современном русском языке центральное место в данном микрополе занимает локативно-посессивная конструкция с глаголом *быть* (в эксплицитной или нулевой форме). Этот факт подтверждается тем, что она используется для передачи всех семантических вариантов обладания в различных функциональных стилях речи. Однако в отдельных функциональных стилях и подсистемах речи соотношение средств (1)-(3) может значительно изменяться.

Особое положение глаголов *быть* и *иметь* в языках, их частотность, широкая сочетаемость и участие в конструкциях с различной семантикой и структурой обуславливают их притягательность не только для лингвистических, но и для психолингвистических и этнофилологических изысканий.

Так, утверждается, что конструкции с *быть* и *иметь* передают если не разное мироощущение, то разную концептуализацию действительности, что все языки можно классифицировать по признаку преобладания в них того или другого средства выражения посессивности, что переход некоторых языков от «бытийного» к «посессивному» типу якобы связан с прогрессивными содержательными изменениями в психике и менталитете носителей данного языка и т.п. В других работах справедливо указывается, что соотношение в языках конструкций с *быть* и *иметь* – величина переменная, зависящая от эволюционно-типологических факторов (краткий обзор работ см. [Циммерлинг 2000]).

Глаголы *быть* и *иметь* настолько употребительны в западноевропейских языках, что создаётся впечатление, что без них язык вообще обойтись не может. Но, оказывается, это не так: было время, когда в индоевропейских языках глагола *иметь* не было; он появился сравнительно поздно, когда у народов возникло понятие собственности (см. об этом в работе [Бенвенист 1974]). Как считает В.Г. Гак, трудно судить о том, в самом ли деле понятие о собственности, то есть об имуществе,

принадлежащем какому-то лицу, вызвало к жизни глагол *иметь*. Несомненно, что до возникновения этого понятия у индоевропейских народов уже существовало понятие принадлежности, обладания, которое распространялось если не на имущество, то на иные объекты, естественно связываемые с человеком (члены семьи, части тела, чувства). Древние языки использовали для выражения посессивности глагол *быть* с наименованием обладателя в косвенном падеже. Возникнув, глагол *иметь* стал всё шире распространяться, особенно в западноевропейских языках. Впоследствии этот глагол вытеснил *быть* даже из тех сфер, которые непосредственного отношения к идее собственности не имеют. Со своей стороны, *быть* сохранял более сильные позиции там, где идея обладания касалась неотчуждаемых объектов, абстрактных понятий и т. п. В конце концов оба глагола получили возможность описывать любой вид отношений: и обладание в широком смысле слова, и значение собственности. Их разграничение и использование стало определяться особенностями структуры каждого языка [Гак 1977].

Продуктивность «бытийных» предложений в современном русском языке иногда служит основанием для его отнесения к так называемым языкам **бытия**, противопоставляемым языкам **обладания**, таким, например, как романские и германские языки. Как пишет Н. Д. Арутюнова, русский язык (возможно, под финно-угорским влиянием) постепенно эволюционировал в сторону «языков бытия». Семантическое и функциональное разнообразие предложений с глаголом *быть*, их центральное положение в русском синтаксисе свидетельствует об общей ориентации русского языка на пространственно-предметный аспект мира [Арутюнова 1999: 790-791; Чинчлей 1996: 107]. Мы, вслед за В.Г. Гаком, А.В. Циммерлинг и В.Ю. Копровым полагаем, что подобное противопоставление языков весьма относительно. Об этом говорит материал современных славянских языков, сохраняющих как посессивную конструкцию с *быть*, так и конструкцию с *иметь*.

В английском языке для выражения обладания используется предложение только одного типа – двуактантная конструкция с глаголом обладания: N – V – N: *She has two children; He owns a prosperous firm*. Таким образом, русским предложениям типов (1), (2) и (3) соответствует одно английское, ср.:

У него есть / имеется машина; Он имеет машину → *He has a car*.

Следствием этого межъязыкового расхождения являются разнообразные ошибки в русской речи англофонов: **Ты имеешь билет? *У меня есть мало времени* и т. п. См. также пример передачи речи иностранца, взятый из художественного текста: *Русский врач будет иметь много работы* (Ю. Герман).

Как отметил В.Ю. Копров, в сфере выражения отношения обладания на одном полюсе находится английский язык с его единственной конструкцией с ядерным глаголом *иметь*; на другом полюсе – венгерский язык с единственной конструкцией с глаголом *быть*; между этими полюсами расположен русский язык с его двумя конкурирующими между собой конструкциями. Ср. предложения в трёх языках: *Many people have saving accounts* – *Многие люди имеют сберегательные счета* / *У многих людей есть сберегательные счета* – *Sok embernek van bankbetétje* [Копров 2000: 117-118].

Кроме того, противопоставление предложений с *быть* и *иметь* отнюдь не исчерпывает всех типологических возможностей оформления отношений между субъектом и объектом обладания. В языках мира встречается и тип, где показателем посессивной связи является не глагол, а частица: **Я конь да.* = *У меня есть конь*; **Я телега нет* = *У меня нет телеги* (в тюркских языках) и тип со специальным притяжательным аффиксом **Я конястый*, **Я трёхлошадястый* (характерен для монгольского языка) [Циммерлинг 2000: 186].

Именными (предметными) актантами инвариантной семантической структуры (ИСС) любого посессивного предложения являются субъект-посессор и объект. В качестве носителя отношения обладания в русском языке часто выступает особый семантический актант – **локализатор-посессор** (о локализаторах и локативах см. подробнее [Всеволодова 1982; Гак 1998: 76-84; Копров 2000: 51-52]).

4.2.1. Локативно-посессивная конструкция

Одним из переходных явлений в области синтаксиса простого предложения являются предложения со значением посессивной локализации (или локативной посессивности) типа **У + N 2 – (V) – N**:

У меня есть эта книга; У них (есть) сын; У студентов бывают каникулы и т. п.

Их семантическая структура выражается формулой: «локализатор-посессор – обладание – объект».

См. примеры из текстов медико-биологического профиля: *А в затылочной области есть боли?(10)¹*; *Кожный зуд бывает также при эритремии, хроническом лимфолейкозе (22); Каких-либо высыпаний на коже нет (17).*

Такие конструкции не раз были предметом изучения в отечествен-

---

¹ Список источников фактического материала, обозначенных цифрами, см. в конце раздела 4.2.

ном и зарубежном языкознании, однако до настоящего времени вопрос об их семантической природе остаётся актуальным. Различия во взглядах могут быть объяснены сложным, противоречивым характером исследуемого объекта, его многоаспектностью и полифункциональностью.

Можно говорить о том, что та или иная конструкция имеет набор значений, в число которых входит и значение обладания, однако оно представлено не во всех случаях употребления этой конструкции. В то же время конструкция обладает неким общим значением, через которое значение обладания оказывается связанным с другими грамматическими отношениями. См. замечание Е.М. Вольф о том, что «нет таких грамматических структур, которые обозначают только владение в узком смысле слова» [Вольф 1977: 170].

Взаимосвязь пространственного и посессивного значений является языковой универсалией, поскольку **обладание** чем-либо предполагает существование этого объекта, немислимое без его **пространственной** характеристики. Эти понятия связаны с номинативной стороной высказывания, определяющей актантно-ролевое воплощение компонентов отражаемой предметной ситуации. Однако хотя категориальная близость посессивности и локативности прослежена на материале многих языков, каждый из них воплощает это соотношение по-своему.

В русском языке данные значения в основном связаны с рассматриваемой локативно-посессивной конструкцией $У + N_2 - (V) - N$. При этом в пределах функционирования этой конструкции обладание может выражаться с разной степенью интенсивности: оно может выступать в качестве основного или второстепенного компонента значения. Значение обладания, так же как и пространственное значение, может, в зависимости от коммуникативной интенции говорящего, попадать или не попадать в фокус сообщения.

Для выявления специфических черт семантики и функционирования предложений обладания необходимо рассмотреть их в сравнении с семантически и формально близкими им локативными высказываниями. Связь между ними неоднократно отмечалась лингвистами, хотя в разных концепциях она интерпретируется по-разному.

В ряде работ к локативным относят как предложения типа *У ворот скамья*, так и предложения типа *Скамья у ворот*. Действительно, их объединяет общее значение: отношения между элементами в обоих случаях сводится к пространственной соположенности двух элементов. В этом смысле оба предложения могут быть соотнесены с категорией локализации [Lyons 1967], пространственности [Всеволодова 1982] или с семантико-функциональным полем локализации [Копров 2004; 2010: 258-264].

Различия между предложениями обладания (в широком смысле) и упомянутыми выше локативными предложениями проявляются на глубинном уровне в разных возможностях их номинализации.

Предложения обладания могут трансформироваться в атрибутивную синтагму с приименным родительным или притяжательным прилагательным, ср.: *У брата есть машина* → *машина брата*. Предложения же локализации не допускают подобной атрибутивной трансформации. В номинативных конструкциях, производных от этих предложений, локативный член сохраняет свою структуру, ср.: *У реки дом* и *Дом у реки* – *дом реки.

В русском языке субъект локализации и пространственный локализатор отличаются большим разнообразием, благодаря чему сфера функционирования предложений данного типа необычайно широка. Между разновидностями предложений локализации существует много переходных случаев, поэтому подчас бывает трудно разграничить предложения локализации, обладания и характеристики субъекта. Решению вопроса способствует анализ лексико-грамматического наполнения конструкции.

4.2.1.1. Лексико-грамматическое наполнение конструкции

Основным глаголом, передающим локативно-посессивное значение, является глагол *быть* с соответствующей парадигмой форм (*есть* – *был* – *будет*; *бывают*; *будь*).

Основным в конструкциях рассматриваемого типа является значение собственно обладания (фактического владения). При его реализации обладатель отмечен признаком 'одушевлённость', уже – 'лицо', а объект обладания выражен именем конкретно-предметной семантики и отмечен признаками 'неодушевлённость' и 'отторжимость'.

Субъектный компонент *у* + *кого* при занятии позиции объекта одушевлённым существительным получает роль главного участника отношений (от которого отношение отсчитывается, по которому оно определяется): *У него был катер*. Как отмечают Г.А. Волохина и З.Д. Попова, видимо, так и сложилась устойчивая семантическая структура «у кого есть что», получившая приоритетное употребление в русском языке для обозначения отношений владельца и его собственности [Волохина 1999: 25-26]; см. также [Полежаева 1998; Додиченко 2001].

Устойчивость схемы допускает употребление в форме «у + род. падеж» и неодушевлённого существительного, которое в таком случае становится носителем признака: *И у всякой-то баини крещёное своё имя* (Замятин).

В позиции **объекта** встречаются имена различных лексико-грамматических разрядов, что приводит к реализации предложением иных значений, чем собственно обладание. Имеются в виду прежде всего имена, обозначающие:

- 1) антропоним: *У него есть брат*;
- 2) неодушевлённые предметы (сущности) в широком смысле:
  - а) опредмеченное качество, свойство, внутреннее состояние субъекта: *У мальчика есть талант (вкус)*; *У меня озноб, головокружение*;
  - б) имена событийной семантики: *У нас собрание*; *У соседей несчастье*.
  - в) часть тела: *В молодости у него были усы*; *На правой щеке у неё (есть) маленькая родинка*.

Остановимся подробнее на особенностях семантики данной конструкции с некоторыми специфическими объектами обладания.

1. Устранимый объект.

Если позицию объекта обладания занимает предикатное имя, обозначающее аффект или психическую реакцию, то обычно возможна парафраза с несубстантивным членом (кратким прилагательным в безличной форме), выражающим то же значение. Это преобразование можно представить как варианты: *У меня тоска* $\leftrightarrow$ *Мне тоскливо*. Такие предложения являются не двуактантными, а одноактантными по структуре. Псевдодвуактантные конструкции с предикатным именем типа *У меня есть надежда*; *У меня плохое настроение* и одноактантные адъективные конструкции типа *Мне мутно*; *Мне весело* имеют в русском языке ряд общих таксономических свойств, главное из которых состоит в том, что и те и другие ориентированы на актуальные ситуации.

2. Неустранимый объект.

Если актант представлен непредикатным существительным, он не может быть элиминирован при сохранении посессивной семантики конструкции.

1) Партитивный объект – часть тела. Известно, что само физическое тело человека может трактоваться как «часть» интегрального описания человека: *У неё красивые глаза*.

2) Оценочный объект. В позиции объекта обладания могут выступать некоторые функциональные параметры человека (*твёрдый характер, железная воля, крепкая хватка, быстрая реакция, лишний вес* и т. п.). Такие высказывания, как и высказывания с предикатным существительным, некоторые лингвисты исключают из числа посессивных на том основании, что «канонического» объекта обладания в них нет. Действительно, в структурах типа *У неё приятный голос*; *У завода*

большие производственные мощности между именами устанавливаются семантические отношения, которые в широком смысле можно трактовать как отношения целого и части.

Ш. Балли, касаясь вопроса о смысловой устроенности посессивных конструкций со значением неотчуждаемой принадлежности и о количестве актантов в таких конструкциях, исходит из «интерноминального» характера отношений между целым и его частью. Такое осознание связи между целым и его частью дает учёному основание для утверждения о том, что в конструкциях, передающих отношения части и целого, эти компоненты не являются двумя разными актантами [Балли 1926: 71]. И. Пете отмечает, что в структурах типа *у кого (есть) что* имя со значением отчуждаемого предмета может употребляться без определения. В то же время для имени со значением неотчуждаемого предмета такое употребление несвойственно [Пете 1970: 93], например: *У неё зелёные глаза* – **У неё (есть) глаза*.

Преимущественное употребление прилагательного при существительном со значением неотчуждаемой принадлежности свидетельствует об атрибутивной функции такого словосочетания, функции признака, характеризующего имя со значением обладателя. Это обстоятельство накладывает ограничения на абсолютное употребление в локативно-посессивной конструкции имени со значением неотчуждаемого предмета обладания.

Приём, подтверждающий различия в структуре смысла предложений со значением отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности, основан на сравнении смысловой информативности конструкций, полученных в результате преобразования моделей *у кого (есть) что* со значением как отчуждаемой, так и неотчуждаемой принадлежности.

Так, конструкции типа *у кого (есть) что* со значением неотчуждаемой принадлежности нередко могут быть преобразованы в синонимичную структуру, построенную по формуле $N - \text{cop Adj}$: *У неё зелёные глаза* = *Она зеленоглазая*. Сравнивая эти предложения, нетрудно убедиться, что в структуре *У неё зелёные глаза* сочетание прилагательного и существительного в именительном падеже равно по семантике сложному прилагательному, мотивированному этим сочетанием. Структуры же *у кого (есть) что* с подлежащим, имеющим значение отчуждаемой принадлежности, не могут быть преобразованы в конструкцию типа $N - \text{cop Adj}$ даже в тех случаях, когда от имени в позиции подлежащего можно образовать соответствующее прилагательное, ср.: *У него есть сбережения* – **Он сберегательный*. Кроме того, как отмечает О.Н. Селиверстова, даже если существительное в позиции подлежащего допускает образование однокоренного прилагательного, то и

тогда конструкция с этим прилагательным по смыслу может не быть тождественной структуре *у кого (есть) что* в силу неравнообъёмности прилагательного и мотивирующего его существительного [Селиверстова 1975: 42]. Не тождественны по смыслу и предложения *У нее (есть) состояние – Она состоятельная; У матери (есть) хозяйство – Мать – женщина хозяйственная*.

Во многих случаях высказывания с оценочным объектом можно интерпретировать как синтаксические клише. Оценочные объекты почти всегда выражены целыми синтагмами, отдельно субстантивное слово не встречается, ср.: *У неё лишний вес*, но не **У неё вес* (см. об этом [Филлмор 1981; Журинская 1979; Циммерлинг 2000; Чинчлей 1996: 101-104]).

Таким образом, предложения, построенные по одной синтаксической модели *У + N2 (V) N*, могут иметь существенные различия в структуре своей семантики. Предложения, передающие отношения неотчуждаемого обладания, имеют двукомпонентную структуру, но их типовое значение отражает одноактантную ситуацию «предмет и его свойство» (подробное описание таких предложений см. [Величко 1986: 56-62]). Предложения, передающие отношения отчуждаемого обладания, отражают собственно посессивную ситуацию – отношение между двумя предметами, один из которых имеет значение субъекта-посессора, другой – предмета обладания.

Как показал анализ фактического материала, в локативно-посессивной конструкции возможны следующие **комбинации актантов**:

- 1) антропоним – предмет (в широком смысле),
- 2) антропоним – зооним,
- 3) антропоним – антропоним,
- 4) зооним – предмет,
- 5) зооним – зооним,
- 6) зооним – антропоним,
- 7) целое – часть.

Рассмотрим каждое из этих соотношений подробнее.

1. Антропоним – предмет.

Здесь представлен самый богатый набор предложно-падежных форм выражения посессора-локализатора и наиболее широкий диапазон предметов обладания:

Какие у вас боли? (10); У очень ослабленных больных несмотря на наличие воспалительного процесса в бронхах кашель может не быть (22); Не было ли в прошлом у больного аллергических реакций на пищевые продукты? (22); Так, наиболее высокие показатели у представите-

лей инженерно-конструкторских профессиональных групп и рабочих горячих цехов (у них меньше длина тела, но больше относительный размер объема груди) (1); До сих пор остаётся неясным, почему у одних людей, употребляющих алкоголь многие годы, психозов нет, а у других они появляются (2); У больных бессмысленный взор, бессвязная речь, в которой невозможно уловить смысл, сознание глубоко изменено (2).

Анализ семантики данных предложений показывает, что по локативно-посессивной модели с посессором-антропонимом в русском языке строятся сообщения об отношении владения, о личности человека, его внешности, физическом и эмоциональном состоянии, об отношении к другим людям и о происходящих в жизни событиях.

2. Антропоним – зооним.

Отношение обладания человека животным выражается с помощью форм посессора *У + N2, С + N5, При + N6*.

В предложениях с *У + N2* в значении посессора-локализатора выражается просто факт обладания. Однако на употребление данной формы некоторые ограничения накладывает контекст. Так, возможен контекст, в котором высказывание *У них в отделении были мыши / тараканы* может быть понято как предложение с локализатором, а не как предложение обладания (*В их отделении были мыши / тараканы*).

С ним была собака неизвестной породы.

У вас есть домашние животные? Какие именно? (10).

3. Антропоним – антропоним.

В данном случае факт посессивного отношения означает: 'есть лицо (объект обладания), связанное с другим лицом (посессором) какими-либо отношениями'. Такое отношение может выражаться при всех трёх формах субъекта:

– *У вас есть близкие родственники? – У меня есть родители и сестра (10).*

При посессоре в форме *С + N5* и *При + N6* должно соблюдаться правило: предмет обладания имеет значение лица, находящегося в подчинённом положении по отношению к посессору. Он может быть выражен существительными *санитар, медсестра, секретарь, машинистка, личный повар, слуга* и т. п., но не *главврач, заводчиком, директор, начальник* и т. п.: *При нём был санитар; С ним была медсестра*. В таких случаях отношения, связывающие два лица, неравны. Нарушение этого правила приведёт либо к тому, что предложение будет неправильным (*Хирург совершал обход. *При нём был главврач*), либо к тому, что будет выражено не посессивное значение: *С ним был главврач* (т. е. *на обходе были хирург и главврач* – оба лица являются субъектами действия – они вдвоём делали обход). Для значения посес-

сивности требуется соблюдение правила направления подчинённости от объекта к посессору.

То же самое происходит и в случае, если отношения между двумя лицами равны: *С ним была сестра – Там были он и сестра; При нём была сестра – Сестра за ним ухаживала.*

На употребление формы $У + N2$ в значении посессора-локализатора накладывается меньше ограничений. «Объект обладания» здесь не обязательно должен быть подчинённым субъекта, но он обязательно должен быть связан с ним тесными, близкими отношениями – родственными, соседскими, служебными, юридическими и т. п. (*сестра, мать, жена, дети, невеста, друзья, родственники, близкие, родные, знакомый, приятель, клиент, больной* и пр.). Так, предложение *У неё никого нет* означает, что у посессора ни с кем нет близких отношений.

Лица, не связанные тесными отношениями (*гость, прохожий, незнакомец, один человек*), являются актантами не посессивной, а локативной ситуации. Предложение типа *У меня был гость* понимается как локативное с локализатором в форме $У + N2$. Ср. возможность неоднозначной интерпретации предложения *У меня была аспирантка* и как посессивного, и как локативного.

4. Зооним – предмет.

Эти отношения выражаются формами посессора $У + N2$, *На + N6*. В данном случае значение обладания несколько отличается от собственно владения, так как животные в роли посессора не вписываются в контекст, связанный с подлинной ситуацией владения. Обе формы могут употребляться в одинаковых ограниченных условиях – предмет обладания находится на теле животного (*ошейник, намордник, репей* и т. п.). Форма $У + N2$ также употребляется и при выражении обладания предметами, внешними по отношению к животному, но которыми оно пользуется, например: *у собаки – кость, миска, будка; у пчел – улей, мёд; у лисы – нора* и пр.

5. Зооним – зооним.

Кроме $У + N2$ другие свободные формы выражения посессора здесь не употребляются. Предметом обладания в данном типе отношений будут являться лишь детеныши животных: *У кошки три котенка.*

6. Зооним – антропоним.

Выражение наличия объекта-лица у животного-посессора представляет собой метафоризованный способ выражения обратного отношения, т. е. его следует понимать как принадлежность животного лицу. Так, предложение *У этого пса нет хозяина* означает, что этот пёс никому не принадлежит, т. е. никто не владеет этим животным. Истинный субъект-обладатель выступает в данном предложении формально в роли предмета обладания.

7. Целое – часть.

Как уже отмечалось, для выражения отношения между посессором-лицом и объектами, рассматриваемыми как его неотторжимая принадлежность, в русском языке употребляется та же конструкция, что и для выражения собственно обладания (когда объект – отторжимая собственность).

В подобных высказываниях проявляется тенденция представлять человека как обладателя элементов внутреннего и внешнего микромира. Это яркий пример того, что называют эгоцентрической моделью мира в языке или антропоцентризмом языка. Отсутствие специализированных предикативных средств выражения значения неотторжимости (прежде всего партитивности) вполне естественно, поскольку этот тип посессивных отношений обычно не устанавливается актом предикации (как в случае с отторжимой собственностью), а предполагается самой семантикой объекта: партитивное отношение чаще всего не предсказывается, а составляет презумптивную часть семантической структуры предложения (как в атрибутивных посессивных конструкциях).

Понятие неотторжимости применимо и в тех случаях, когда речь идет о денотатах, представляющих парциальное целое и его части метафорически, т. е. в том смысле, в каком каждый родственник представляет собой часть семьи, а друзья являются обязательными компонентами феномена дружбы [Журинская 1979: 296]. Иными словами, основу этого понятия составляет партитивное отношение, однако благодаря метафорическим переносам сфера неотторжимости проявляет тенденцию к расширению.

Таким образом, при помощи данной конструкции выражаются две семантические разновидности обладания, различающиеся в целом по признаку отторжимости / неотторжимости объекта: собственно обладание и несобственно обладание.

Семантическая субкатегоризация актантов рассматриваемой комбинации связана с характером объекта в высказываниях, принадлежащих к зоне несобственно обладания. Поскольку именно эта зона составляет постепенный переход от значения обладания к локализации, она нуждается хотя бы в беглом обзоре.

Так, например, в предложениях *У двери нет ручки; У дома не было крыши; В книге нет одной страницы* и т. п. выражается отношение «целое и его часть»; неодушевлённый посессор-локализатор здесь выступает в форме *У + N2* или *В + N6*. В то же время в предложениях *В этом краю много озёр; Сейчас в пруду полно мальков* выражается значение локализации, т. е. в форме *В + N6* выступает локализатор, так как *дверь – ручка, дом – крыша, книга – страница* соотносятся как це-

лое и его составная часть, а пары *край – озёра*, *пруд – мальки* такого соотношения не предполагают.

Существует формальная процедура, подтверждающая посессивный или локативный характер формы $B + N6$: в посессивном значении данную форму заменяет форма $У + N2$, а в локативном – нет, поскольку объём локативного содержания у этих форм не совпадает.

См. также примеры сочетаний актантов, в которых выражена разная степень неотторжимости элемента от включающего его целого:

а) элемент является необходимой составной частью целого: *сарай – дверь*; *квартира – комнаты*; *окна – стёкла*; *ценок – хвост*; *стол – ножки*: *В сарае даже двери не было*; *В квартире было три комнаты*; *В окне недоставало нескольких стёкол*; *У щенка не было хвоста*;

б) элемент, который воспринимается как составная часть целого, но без которого целое может выполнять свои функции: *дверь – ручка*, *лампа – абажур*, *окно – решётка*: *У лампы нет абажура*; *В каждом окне его квартиры была железная решётка*;

в) элемент, который может быть либо составной частью целого, либо необязательным компонентом чего-либо; в зависимости от содержания, вкладываемого в высказывание говорящим, предложением может передаваться либо посессивное, либо локативное содержание: *дом – погреб*, *дом – сад*, *город – метро*, *дом – мебель*: *В моём доме есть погреб*; *В нашем городе нет метро*; *В доме не хватает мебели*;

г) элемент – необязательный компонент чего-либо: *коробка – ампулы*, *класс – парты*, *лес – ели*: *В коробке не хватает ампулы* (отношение локализации).

В первых двух группах (а) и (б) выражено отношение неотторжимой принадлежности, причём в первой – особенно тесной; целое без составной части здесь либо перестаёт существовать, либо осознаётся как нечто ущербное. Поэтому предложение с таким значением, как правило, употребляется при отрицании или же в тех случаях, когда наличие составной части необходимо подчеркнуть (*У дерева есть корни*), или когда при описании предмета специально указываются его параметры (*У этого насекомого восемь ног*).

Широкое употребление формы $У + N2$ по сравнению с другими формами, выступающими при одном и том же предикате, свидетельствует о менее конкретизированном значении самой данной падежной формы, выступающей в предложениях в качестве локализатора-посессора. То же доказывает и возможность локальной конкретизации предмета обладания.

Форма $На + N6$, как уже совмещающая в себе значение и субъекта посессивности, и локализатора, не допускает именного локализатора.

Остальные же формы его допускают, но в разной степени. Формы *С + N3*, и *При + N6* могут употребляться с именным локализатором лишь в рамках отношений лицо – предмет: *Со мной деньги в кармане; При мне в сумке все бумаги*. В рамках других отношений эти формы при наличии локализатора выражают иное значение: *С ним в комнате была собака; При нём в комнате была собака*.

Форма *В + N6*, выступающая только при выражении отношения целое – часть, употребляется с локальным конкретизатором эпизодически, в силу особенностей самого отношения: *В диссертации в первой главе 50 страниц* (возможно многоступенчатое деление целого).

И лишь форма *У + N2* способна употребляться с локализатором во всех типах отношений: *У меня в руках ящерица; У собаки в хвосте репей; У собаки в будке щенки; У двери на этой стороне нет ручки*.

Высказывания со значением посессивности сообщают только о факте обладания предметом (если нет совмещения значения локализации и обладания, как в форме *На + N6*), поэтому появление здесь локализатора связано с внесением дополнительной предикации со значением местонахождения: *У нас тигры водятся в Уссурийском крае (У нас есть тигры. Тигры водятся в Уссурийском крае)* (см. об этом подробнее [Журинская 1979: 303; Чинчлей 1996: 106]).

Таким образом, формальное сходство посессивных и локативных высказываний создаёт основу для своеобразного **перехода** семантики высказываний от посессивности к локативности.

В типичных случаях в предложениях обладания и в локативных предложениях соответствующие актанты (обладатель и локализатор) различаются по признаку одушевлённости / неодушевлённости, ср.: *У нас есть фиалки* и *В лесу есть фиалки*. Этот признак играет существенную роль, но не является решающим. Так, например, человек может иногда рассматриваться как «вместилище» некоторых свойств, качеств: *В этом молодом человеке есть какая-то непонятная сила; В нём есть талант*; ср.: *У него есть талант*. С другой стороны, конструкция с *У + N2* может использоваться и с неодушевлёнными предметами: *У стула почему-то только три ножки; У «Волги» мощный мотор; У этого дерева вкусные плоды*. Очевидно, что для использования конструкций с *У + N2* при неодушевлённых именах объекта существенным является признак его неотторжимости.

Итак, практически все семантические типы сообщений, касающиеся **личной** сферы, могут получить в русском языке форму локативно-посессивных предложений. Давая общую характеристику предложений, относящихся к микромиру человека, Н.Д. Арутюнова приходит к выводу о том, что беспредельно расширяя семантический репертуар

существительных, входящих в такие предложения, русский язык получает возможность при помощи одной синтаксической структуры передавать самые разнообразные сообщения о человеческой жизни [Арутюнова 1976: 256-257].

В глагольной позиции предложений данного типа кроме ядерного глагола *быть* регулярно встречаются глаголы, модифицирующие общее значение обладания, т.е. привносящие в данное отношение дополнительные динамические (аспектуальные, фазисные и т.п.) значения:

1) *бывать*: – *А боль в области сердца у вас бывает?* – *Бывает.* – *А в подложечной области боли бывают?* – *Нет, не бывают* (10); *У таких больных бывает понос, чередующийся с запорами* (17);

2) *возникать*: *Тахикардия может возникать у лихорадящего больного* (17); *Подобные переломы у детей до 4 лет могут возникать в переднем и заднем отделах позвонков* (8); *В момент спазма бронхов у больного возникает приступ удушья* (17); *Какие ещё ощущения у вас возникают?* (10); *У больных возникает ограниченность движений* (22);

3) *возрастать*: *Потребность в этом витамине возрастает у людей, контактирующих с пылью* (21);

4) *исчезать*: *У больного после выделения и отделения мокроты хрипы могут исчезать* (22).

Многочисленные примеры подобных предложений из медико-биологической сферы языка описываются в следующих разделах нашего исследования.

4.2.2. Локативно-посессивная конструкция с глаголами в пассивно-возвратной форме

Для выражения ИСС «посессор-локализатор – обладание – объект» используется также специфическая конструкция $У + N\ 2 - V\ refl - N$:

*У нас **имеется** всё необходимое; У больного **наблюдается** повышенная температура.*

Данную конструкцию многие исследователи часто не выделяют в отдельный тип, включая её в рассмотренный выше локативно-посессивный тип. Мы считаем целесообразным анализировать подобные предложения как отдельный семантико-структурный тип, составляющий переходную область от локативно-посессивной конструкции с глаголом *быть* к субъектно-объектной конструкции с глаголом *иметь* в активной форме.

В позициях посессора-локализатора и объекта здесь встречаются имена тех же разрядов и в тех же комбинациях, что и в конструкции с *быть*:

У детей раннего возраста имеется гиперпигментация открытых участков кожи, отставание психомоторного развития (12); У детей старшего возраста – атрофический гастрит, витилиго, поражение спинного мозга (12); У большинства больных имеются хронические очаги инфекции – хронический тонзиллит, аденоидит, кариес зубов, хронический холецистит (12); Нервно-психические нагрузки имеются и легко развиваются у детей с тревожно-мнительной настроенностью, особенно в пубертатном возрасте (12); Голова ненормально малых размеров имеется у людей с врожденным умственным недоразвитием (22); У человека временная гетеротермия имеется у новорожденных, у взрослых – во время фазы быстрого сна (18); В возрасте 2-19 дней как у доношенных, так и у недоношенных детей имеются центральные механизмы, влияющие на ритм сердца и дыхания (19); У некоторых лимфоцитов в цитоплазме имеется несколько крупных вишнево-красных зёрен (22).

В глагольной позиции здесь используются глаголы различных лексико-грамматических разрядов. Объединяет их достаточно формальный признак – наличие возвратного постфикса -ся. В задачи нашего исследования не входит анализ широкого круга значений и функций, присущих этой специфической форме русского языка (см. об этом в Главе I настоящей работы). Отметим только, что использование в локативно-посессивной конструкции глаголов с постфиксом -ся обусловливает необходимость рассмотрения конструкций со значением обладания с точки зрения категории залога и залоговости.

Встречающиеся в рассматриваемой конструкции глаголы подразделяются на три группы.

1. Глагол *иметься*, обладая самой широкой сочетаемостью, составляет ядро данной подсистемы: *У него имеется дача; У них имелись кое-какие деньги*; если обладание какой-либо собственностью имеет периодический характер, то допустим глагол *водиться* (с метафорическим оттенком): *У него водятся лишние деньги* (ср.: *У него бывают лишние деньги*).

2. Глаголы, в которых рассматриваемое значение создаётся за счёт нейтрализации в определённых семантических условиях других компонентов значения: *наблюдаться, отмечаться, регистрироваться, обнаруживаться, выявляться, выделяться, проявляться, определяться, прослеживаться, встречаться, локализоваться, выслушиваться, пальпироваться*.

Глаголы рассматриваемой группы имеют различную сочетаемость с именами объектов [Лобанова 1984].

Глагол *отмечаться* используется в медико-биологических текстах вместе с именами, обозначающими явления (кроме явлений природы) или процессы:

У больных с ишемической болезнью сердца с 6 до 15 ч отмечается наибольшая частота экстрасистол (19); При туберкулезных плевритах отмечается лимфоцитоз, а при ревматических – нейтрофилия (22); При ряде заболеваний сердца отмечается повышение температуры тела (22); Изредка синхронно с пульсацией сонных артерий отмечается покачивание головы (22); При исследовании сердца отмечается значительное расширение его границ влево, вверх и вправо (22).

Глагол *наблюдаться*, *встречаться* сочетается с более широким кругом явлений (включая природные), а также с обозначениями процессов:

Редкое поверхностное дыхание наблюдается при резком угнетении функции дыхательного центра у людей с ярко выраженной эмфиземой лёгких (22); Ночной кашель наблюдается при туберкулезе, лимфогранулематозе или новообразованиях (22); При далеко зашедшей сердечной недостаточности одышка наблюдается даже в покое (22); Местное побледнение кожи наблюдается при ограниченном нарушении артериального кровоснабжения (17).

У детей переломы рёбер встречаются в 10,6-35,3 % случаев (8); Поражение лимфатических узлов встречается при некоторых инфекциях, диффузных болезнях соединительной ткани, туберкулёзе (17).

Глаголы *обнаруживаться*, *проявляться*, *выявляться*, *определяться*, *прослеживаться*, *сочетаясь* с обозначениями явлений, одновременно акцентирует качественную характеристику явления:

На продольных и поперечных распилах обнаруживается много трещин, расслаивающих костную ткань (5); В зоне долома нередко обнаруживаются элементы вколачивания отломков кости (5); При рентгеновском исследовании обнаруживается увеличение тени сердца в поперечнике (22); У здоровых взрослых чётко проявляется суточный ритм изменения частоты сердечных сокращений и менее чётко – ритмические изменения пульса в дневной и ночной периоды (19); У больных с митральным пороком IV стадии не выявляются ритмы газообмена артериальной крови, которые выявляются у больных митральным пороком других степеней (19); При аускультации выявляется ослабление I тона у верхушки сердца (22); На рентгенограмме поясничного отдела позвоночника определяется косопоперечный перелом поперечного отростка III позвонка справа (8); На рентгенограммах боковой проекции повреждение губчатого вещества прослеживается в виде затемнённых полос (8).

Для рассматриваемой нами сферы языка характерны глаголы *выслушиваться*, *пальпироваться*:

Шум трения плевры может в течение многих лет выслушиваться после перенесения плеврита у практически здорового человека (17);

Сухие хрипы выслушиваются во время вдоха и выдоха (17); У верхушки сердца выслушивается мягкий систолический шум (22); При аускультации на верхушке сердца выслушивается ослабление 1 тона (22); При муковисцидозе пальпируются плотные фекальные массы, есть признаки синдрома мальабсорбции (12).

3. Кроме того, поскольку важной особенностью научных текстов является изложение становления явлений, понятий, представлений, здесь активно используются фазисные глаголы: *появляться, открываться, формироваться, вырабатываться, сохраняться, поддерживаться, утрачиваться* и др.

Как считает А.В. Циммерлинг, имеются основания для отнесения высказываний типа *У него открылся нарыв* к тому же классу, что *У него на руке нарыв*: в обоих случаях между актантами *у него* и *нарыв* реализуется семантическое отношение, близкое к посессивному. Непереходные глаголы типа *открылся (прекратился* и т. п.) можно трактовать как полузнаменательные лексемы, заменяющие глагол *быть* и эксплицирующие изменения в денотативном статусе явления, относящегося к сфере субъекта (*нарыв*) [Циммерлинг 2000]; см. также [Ширяев 2001]:

У больных во время кашля нередко появляются позывы на рвоту (17); У ребёнка может появиться страх перед белым халатом медиков (12); Уже к 5-ти годам у детей вырабатывается правильная осанка (12); У больных хронической сердечно-сосудистой недостаточностью формируется утолщение дистальных фаланг и закругление ногтей (17); Суточные ритмы основных показателей у пожилых людей сохраняются вплоть до 90-летнего возраста (19); За счёт более лабильного внешнего дыхания у жителей высоких широт поддерживается более стабильный уровень рО₂ (19); При поражении этой корковой зоны утрачивается способность к тонким координированным движениям конечностей и особенно пальцев рук (18).

Как видим, в текстах медико-биологического профиля локативно-посессивные предложения с глаголами в пассивно-возвратной форме представлены весьма широко, что оправдывает их изучение в рамках отдельного типа предложений микрополя обладания.

4.2.3. Субъектно-объектная конструкция обладания

Как уже говорилось, конструкция с глаголом обладания (ядерный глагол – *иметь*) реализует разновидность субъектно-объектных отношений, которая выражается формулой: «посессор – обладание – объект».

Здесь также встречаются и другие глаголы ЛГР обладания: *владеть, обладать, распоряжаться, располагать*: *Тонков располагал*

убедительными, многократно проверенными доказательствами (Д. Гранин); *Этот человек обладал редкой способностью мыслить творчески* (Д. Гранин).

В личной активной конструкции посессор оформлен как подлежащее, а объект обладания – как прямое или косвенное дополнение: N – V – N 2 / 4 / 5.

Сфера функционирования предложений с глаголом *иметь* по мере развития русского литературного языка сокращается: в ряде случаев конструкция с *быть* вытеснила предложение с *иметь* [Гак 1998: 593-595]. Однако в научном стиле речи, в том числе в текстах медико-биологического профиля, предложения данного типа представлены достаточно широко. См. несколько примеров:

Баскетболисты при высоких значениях длины тела имеют меньший обхват груди, пловцы имеют укороченное туловище, длинные ноги, широкие плечи и суженный таз (1); К 3-4 годам 70-80 % детей имеют вируснейтрализующие антитела против вируса герпеса 1 типа (12); Клеточные физиологические часы ЦНС не имеют стрелок – они координируют информационные и управляющие процессы (19).

4.2.3.1. Лексическое наполнение конструкции

1. По субъектно-объектному типу чаще всего стоят предложения с ядерным глаголом *иметь*.

Здесь может наблюдаться то же многообразие типов посессора и объекта, что и в двух рассмотренных выше конструкциях. В качестве посессора может выступать антропоним, а в качестве объекта – неодушевлённый предмет: *Больные стенокардией всегда должны иметь при себе нитроглицерин* (22). Однако по отношению к одежде, еде, а также к тому, что бывает у человека «при себе», предложение с глаголом *иметь* не употребляется.

Конструкция с *иметь* уместна и применительно к человеку и его телу при рассмотрении какого-нибудь клинического случая, т.е. при анатомическом описании, например: *Этот больной имел одну почку* (24).

Для сообщения об объектах неотчуждаемой собственности данная конструкция используется, как правило, с инвертированным порядком слов: *Лицо она имела круглое и молоджавое, глаза голубые*.

По мнению многих исследователей, такие структуры нельзя отнести к каноническим субъектно-объектным конструкциям [Авилова 1976: 20]. В них реализуются отношения не подлинной переходности, имеющей место в тех случаях, когда действие направлено на внешний объект (*Рабочие строят дом*), а отношения между предметом и его свойства-

ми: *Она имеет способности к математике*. Переходность носит здесь ослабленный характер: действие, не будучи направлено на внешний объект, замыкается в сфере субъекта, вернее, какой-то его части. Поэтому всё внимание в таких конструкциях сосредоточивается на характеристике одной из частей посессора: *Часть детей имеет более сильную рефракцию зрения* (12). Таким образом, структуры со вторым именным компонентом, имеющим значение неотчуждаемой принадлежности, на уровне типового значения могут быть истолкованы как одноактантные, передающие отношения «предмет и его свойство».

Предложения непредметного значения, относящиеся к микромиру человека, строятся по субъектно-объектной модели, если входящее в них существительное соотносимо с глаголом, прилагательным или перифрастическим оборотом: *Она имеет от меня секреты; Он имеет связи*.

В русском языке «разрешается» иметь следующие объекты: *сердце, совесть, способности, права, таланты, причуды, особенности, странности, привилегии, тот или иной нрав, вид, то или другое выражение лица, характер, гордость, доверие, презрение к кому-либо, понятие, представление, положение в обществе, сведения о чём-либо, соображения, мнение, точку зрения, профессию, знания, образование, цель, причину, основания, возможность, нужду*.

В медицинском коллективе каждый работник имеет свой круг обязанностей (12); *Судебный медик должен иметь представление об общих принципах рентгеновского изучения головы* (9); *Медсестра не имеет права рассказывать о симптомах и возможном прогнозе заболевания* (12); *Обычно человек не имеет к ним ключа доступа* (15).

Употребление глагола *иметь* в высказываниях об объектах динамического, событийного типа окказионально; оно допустимо лишь по отношению к межличностным событиям (*разговор, спор, ссора, столкновение, совет, совещание, дискуссия, обсуждение*), например: *Врач имел с пациентом доверительный разговор* (24).

Нельзя иметь следующие объекты: *стирку, уборку, ремонт, лекции, экзамены, собрания, репетиции, просмотры, соревнования* [Арутюнова 1983]; в таких ситуациях регулярно используются локативно-посессивные предложения.

В современном русском языке глагол *иметь* часто употребляется с **неодушевлёнными** посессорами. Мы можем сообщить о наличии определённой части предмета, его свойстве, качестве, параметрах и т.п., например:

Нижние резцы имеют по одному тонкому корню (11); *Грудная полость имеет 2 отверстия: верхнее и нижнее* (8); *Аппарат эхокардиограф имеет ультразвуковой датчик с пьезокристаллами* (22); *Клетки*

органов и тканей имеют специфические рецепторы для каждого данного гормона (21); Каждый аппарат для аускультации имеет свои индивидуальные акустические артефакты (17); Второй шейный позвонок имеет зубовидный отросток (8).

Большая вероятность именно субъектно-объектного оформления предложения обладания с неодушевленным субъектом существует в тех случаях, когда объект представляет собой его физически неотторжимую часть. При этом существительные, с которыми ассоциируется прежде всего понятие места, в субъектно-объектных предложениях обладания обычно не употребляются; ср., например, неестественность предложения **Сад имеет много фруктовых деревьев*.

Наиболее широко представлены в медико-биологических текстах перифрастические обороты «*иметь* + (определение) объект»:

иметь значение: В патогенезе плевритов большое значение имеет реактивность организма (22); Лабораторные исследования имеют лишь вспомогательное значение (12); Особое значение имеет улучшение настроения больных (12);

иметь характер (характеристику): При герпетической инфекции сыпь имеет характер группирующихся пузырьков (12); При хроническом бронхите одышка имеет смешанный характер (22); Края вертикальных трещин имеют разрывной характер (7); Нарастающий характер имеет пресистолический шум (22);

иметь признаки: На малоберцовой кости концы отломков имеют аналогичные признаки (7); Края такого перелома по всей поверхности имеют признаки сжатия (7);

иметь форму: Костные фрагменты последующих уровней имеют неправильную трапецевидную форму (9); Деформируемый участок кости имеет овальную форму (9); Гиперстеническая грудная клетка имеет форму цилиндра (22); Почки имеют бобовидную форму (21);

иметь вид: Край перелома на внутренней костной пластинке нередко имеет лезвиеобразный вид (9); Сами переломы имеют косой или косопоперечный вид (7);

иметь контур / траекторию / ориентацию / поверхность / размеры / массу и т. п.: Звездчатые диплоетические каналы имеют извилистые контуры (9); Общая зона разрушения кости имеет косую траекторию (7); По своему направлению главные растягивающие и сжимающие напряжения имеют вертикальную ориентацию (7); Кости могут иметь выпуклую поверхность (17); Агглютинины имеют малую массу (12);

иметь цвет / окраску / вкус / запах / звучность: Вначале геморрагические высыпания имеют красный цвет (22); Сыворотка крови

больного имеет желтоватую окраску (22); Эти вещества имеют сладкий вкус и применяются в качестве заменителя сахара (21); Шум трения перикарда может иметь различную звучность (22);

иметь место: Переломы описанного характера имеют место при повышенной хрупкости кости (6); При всех формах умственной недостаточности имеет место и речевое недоразвитие (12).

2. Семантическая субкатегоризация значения обладания, выраженного глаголами *владеть*, *обладать* и *располагать* также связана с употреблением в объектной позиции имён различной семантики.

При заполнении данной позиции именами **конкретной** семантики выражается значение реального обладания, фактического владения.

В предложениях с глаголом *владеть* и конкретно-предметным именем в объектной позиции посессивная ситуация предстаёт в сфокусированном виде (в большей степени, чем в высказываниях с *иметь*).

Глагол *владеть* в отличие от нейтрального *иметь* предполагает для посессора право пользоваться объектом обладания, т.е. использовать его по назначению в своих интересах, получать от него какую-то выгоду для себя. В этом значении глагол *владеть* может сочетаться, например, с наречием *законно / незаконно*. Возможно, поэтому данный глагол не используется в сочетании с именами конкретной семантики, обозначающими лицо, часть целого и в сочетании с другими именами.

Глаголы *владеть* и *обладать* употребляются и с некоторыми **абстрактными** существительными типа *тайна*, *способ*, *метод* (*владеть тайной*), и с существительными, указывающими на свойство посессора (*обладать талантом*, *необыкновенным голосом*, *абсолютным слухом*, *изысканным вкусом* и т.п.). См. соответствующие примеры из текстов медико-биологического профиля:

Клетки многих ядер гипоталамуса обладают нейросекреторной функцией (18); Часть нейронов пищевого центра обладают хеморецепторной чувствительностью к некоторым веществам и гормонам крови (18); 80% людей старше 60-ти лет обладают сниженной вкусовой чувствительностью (18); Женщины всех возрастных групп обладают лучшей чувствительностью, чем мужчины (18); Сёстры при изучении данной ступени сестринского процесса должны владеть навыками специализации (12); Врач обязан владеть тонкими медицинскими манипуляциями (12); Поликлиники располагают комплектно-табельным оснащением, транспортом, радиостанцией (26).

В английских предложениях обладания единственного конструктивного типа позицию сказуемого обычно занимает глагол *to have (to have got)*: *I have four dollars (M. Wilson); The Valterras had a six-room*

apartment (M. Wilson); *I've got good news for you* (M. Wilson); *You've certainly got ten days* (M. Wilson).

Используются также глаголы *to possess, to own*: *He now owned every floor in the building* (M. Wilson); *She possesses a lot of jewelry*.

В именных позициях здесь встречаются имена тех же лексико-грамматических разрядов, что и в соотносимых русских предложениях. Однако в английском предложении глагол *to own* не сочетается с именами, обозначающими мелкие предметы обладания; у русского глагола *иметь* такого ограничения нет. В то же время свойство глагола *to possess* сочетаться с такими именами не характерно для соотносимых с ним русских глаголов *владеть* и *обладать* [Копров 1982].

3. Отношение обладания может рассматриваться не только как состояние, но и как процесс. В этом случае в русском языке употребляются динамические посессивные глаголы, обозначающие приобретение или утрату объекта: *получить, приобрести, достать; утратить, потерять*:

Тошнота иногда приобретает условно-рефлекторный характер (17); *Уже на границе зон разрыва и сдвига излом приобретает пилообразный контур с наклоном зубцов навстречу магистральной трещине* (5); *Переломы утрачивают первоначальную морфологическую картину* (7); *При фиброзной дисплазии костная ткань почти утрачивает эту функцию* (26); *В легких карбогемоглобин теряет CO₂*.

В работе Г.А. Волохиной и З.Д. Поповой наряду с «чистой» ситуацией владения рассматривается ситуация «агенса сохраняет / изменяет имущественную принадлежность объекта» [Волохина 1999: 120]. Схемы, описывающие данную ситуацию, следуют устройству схем воздействия агенса на объект и несамостоятельного перемещения объекта в пространстве. Типовые глаголы в таких ситуациях следующие: *хранить* (иметь объект), *брать* (начинать иметь объект), *давать* (переставать иметь объект). В схеме «кто хранит (имеет) что» в основном используются глаголы деятельности по сохранению имущества и по выполнению каких-либо других операций в отношении имущественных ценностей: *держат, хранить, беречь, защищать, караулить*, т.е. говорящий интересуется не столько фактом обладания объектом, сколько выполнением определенных функций по отношению к нему: *В одной руке старичок держал клеенчатую хозяйственную сумку, а в другой – толстую палку с серебряным набалдашником* (Иванов). *Хорьку с крысами справиться недолго, а нам он сохранит продукты* (Чаплина).

Значение динамического обладания передается и предложениями типа N3 – V – N1/2 с глаголом *доставаться* или с пассивным причас-

тием от глагола *дать*: *Последнему больному лекарства не досталось; Эксперимент проведён, нам дан лишь результат* (Знание – сила).

Однако выражающееся этими предложениями значение не изосемично: во втором примере оно складывается из трехактантного значения «агенса – действие – объект – адресат», значения обладания объектом, возникающего у адресата в результате действия неопределённого агенса (о категории определённости / неопределённости актантов см. Главу I работы), а также значения принадлежности объекта посессору.

4.2.4. Предложения с глаголами обладания в релятивно-структурном аспекте

Вопрос о соотношении грамматической семантики предложений обладания различных конструктивных типов заслуживает специального рассмотрения.

4.2.4.1. Предложения обладания в свете категории залога и залоговости

Исходя из разделяемой нами концепции залога и залоговости (см. Главу I), в предложениях типа *У него имеется машина* посессор-локализатор выступает как зависимая субстанция, поскольку позицию подлежащего занимает семантический объект. Глагол *иметь* получает возвратную форму несовершенного вида *иметься* (ср. с пассивной конструкцией). Все это имеет следствием залоговую «пассивизацию» посессора-локализатора, например:

У новорожденных имеется более быстрая адаптация обонятельных рецепторов (18); У некоторых больных кожный зуд имеется и без наличия желтухи (17).

Ср. также предложения с невозвратным глаголом *иметь* и с возвратным глаголом *иметься*: *На заднем конце каждого ребра имеется головка – Рёбра от II до X имеют гребень головки ребра (8); Головки I, XI, XII рёбер не имеют внутрисуставной связки – В каждом из суставов головок II и X имеется внутрисуставная связка (8).*

Как отмечалось в предыдущем разделе нашего исследования, в локативно-посессивной конструкции регулярно используются и другие глаголы в возвратно-пассивной форме (*наблюдаться, отмечаться, обнаруживаться* и др.). Их залоговая семантика также нуждается в конкретизации.

Так, в личных активных конструкциях соответствующие невозвратные глаголы обозначают действия грамматически активных аген-

сов, например: *Больные отмечают наличие общей слабости, бессонницы, нарушения деятельности ЖКТ (11)*. В анализируемых текстах встречаются также неопределённо-личные предложения, в которых в качестве остающегося за рамками высказывания «наблюдателя» выступает врач: *В этот период у рожениц отмечают метаболический ацидоз, компенсированный газовым алкалозом (19)*.

Таким образом, глагол *отмечать* является здесь общим компонентом, одновременно реализующим два типа отношений между актантами – действия и посессивной локализации: *Врач отмечает, что у рожениц есть метаболический ацидоз*. См. примеры подобных неопределённо-личных конструкций: *У больных с заболеваниями сердца выявляют отёки – один из критериев сердечной недостаточности (17)*; *В поясничном отделе обычно определяют так называемый вертикальный поясничный указатель (5)*.

Такая же ситуативно-структурная контаминация наблюдается и в двучленных пассивных конструкциях с причастием: *У больного обнаружен перелом обеих костей правой голени (5)*. Данный пример, в котором пассивный агент не лексикализован, объект находится в постпозиции, а предложно-падежной формой представлен локализатор-посессор, может быть интерпретирован как вариант высказывания: *У больного имеется перелом обеих костей правой голени*.

Как было показано ранее, в предложении типа *У него есть машина* актанта, представленный предложно-падежной формой *у* + N2, одновременно выступает и в роли обладателя, и в качестве сферы, области локализации объекта: *Два года назад у больного была операция на кишечнике (17)*; *Да, у меня дома есть аппарат для измерения давления (10)*; *У вас часто бывают головные боли? (10)*.

Грамматическое залоговое значение *у* такого посессора-локализатора предельно ослаблено.

Признавая, вслед за В.Ю. Копровым, три рассмотренные варианты конструкции обладания залоговыми трансформами [Копров 2001: 70; 2010: 267-268], расположим их в порядке убывания **активности** посессора:

Поликлиника располагает новейшим диагностическим оборудованием → Поликлиника имеет новейшее диагностическое оборудование → У поликлиники имеется новейшее диагностическое оборудование → У поликлиники есть новейшее диагностическое оборудование.

Итак, в ходе нашего исследования была установлена специфика залоговой семантики посессора в предложениях обладания различных конструктивных типов, которая оказывает влияние на функционирование этих предложений в текстах медико-биологического профиля.

4.2.4.2. Предложения обладания в свете категории определённости / неопределённости / обобщённости актантов

Сущность грамматической категории определённости / неопределённости / обобщённости актантов была рассмотрена в Главе I.

В субъектно-объектных предложениях со значением обладания, которые используются в текстах медико-биологического профиля, посессор, как правило, предстаёт как грамматически **определённый**: *Стеклодувы и музыканты имеют широкую и выпуклую грудную клетку (8); Первое ребро, в отличие от остальных, имеет верхнюю и нижнюю поверхность (8); Челюстно-лицевая область, полость рта обладают рядом биологических особенностей (11).*

Сходная картина наблюдается у локативно-посессивных предложений: в большинстве случаев посессор-локализатор представлен той или иной предложно-падежной формой (у меня, во мне, на мне, со мной и др.) как определённый: *У нижнего третьего моляра нет предшественника – молочного зуба, нет дистального соседа (11); У мужчин атеросклероз наблюдается в 3-4 раза чаще, чем у женщин (22).*

В то же время в синтаксической структуре локативно-посессивного предложения данная позиция может быть и не занята. Такие предложения особенно характерны для научного стиля, в том числе для медико-биологических текстов. Локализатор-посессор выступает здесь как **неопределённый**. Указание на посессор-лицо часто опускается, когда речь идет о мыслях, идеях, концепциях, соображениях, т. е. о продуктах интеллектуальной деятельности: *В настоящее время нет общепринятой классификации хронической почечной недостаточности (22); Есть различные способы установления числа эритроцитов в крови (22).*

В других случаях отсутствие в предложении локализатора-посессора означает, что он мыслится **обобщённо**. Такие предложения, выражающие своего рода этический приговор, употребляются по преимуществу в отрицательной форме, например: *Нет к врачам после этого никакого уважения; На вас как молодого специалиста нет никакой надежды.*

В текстах медико-биологического профиля в качестве неопределённого (обобщённого) посессора чаще всего фигурируют участники процесса лечения – больной или медицинский персонал, медицинская наука и практика, например:

1) предложения с глаголом *быть, бывать*: *При травмах могут быть: ушиб, вывих зуба, перелом коронок и корня с повреждением пульпы (26); Непроизвольные движения головы бывают при паркинсо-*

низме (22); Падение температуры ниже нормы бывает при тяжелой недостаточности кровообращения (22); Есть и опыт вакцинации детей с острыми заболеваниями (12); В лабораторной практике нет методов раздельного определения уробименогенов и уробименов (22);

2) предложения с глаголами обладания в пассивно-возвратной форме:

При рождении после 34 недель имеются первые изгибы на ушных раковинах (12); Во всех случаях независимо от этиологии имеются основные общие признаки заболевания пневмонией (22); При нормотрофии имеется чистая, розовая, бархатистая кожа (12); Имеется большая литература по вопросу влияния климата высоких широт на биоритмы человека (19); Имеются 2 основных механизма борьбы с новообразованиями (23).

Как видим, в текстах медико-биологического профиля обозначение локативно-посессивной конструкцией локализатора-посессора как пассивного способствует его представлению и как грамматически неопределённого.

4.2.5. Актуализирующий аспект предложений обладания

Для понимания особенностей функционирования предложений обладания в текстах необходимо учитывать их коммуникативную перспективу (актуальное членение).

Путём инверсии прямого (нейтрального) порядка слов каждый компонент русских предложений обладания может быть актуализован, превращён в коммуникативное ядро высказывания.

4.2.5.1. Коммуникативная перспектива локативно-посессивных предложений с глаголом *быть*

Усвоение правил функционирования русских предложений данного типа с глагольной формой *есть* и без неё представляет для неносителей русского языка значительные трудности, поскольку, например, в английском языке имплицирование глагольной формы *to have* невозможно.

В русском предложении в ряде случаев форма *есть* обязательна, в других она нормативно отсутствует, а в третьих возможны оба варианта. Перечислим некоторые основные условия функционирования данной конструкции, выявленные в актуализирующем аспекте.

1. Форма *есть* обязательна в следующих случаях:

1) в предложениях с нейтральной, общенформативной коммуникативной перспективой, где в качестве исходного пункта высказыва-

ния (темы) выступает форма, обозначающая посессор, а все остальные элементы выражают новую информацию – ремю, например: *У меня есть диплом врача*;

2) в так называемых интродуктивных предложениях, требующих обязательного развертывания ситуации в других высказываниях: *Есть у меня в в поликлинике один приятель. Работает он терапевтом...*;

3) в предложениях, рема которых заключена в самой форме *есть*; к числу таких предложений относятся:

а) общие вопросы и ответы на них: *У тебя здесь есть знакомые? – Да, есть*;

б) возражения против высказываний противоположного содержания: *Ты считаешь, у неё нет диабета? Ошибаешься, он у неё есть*;

в) предложения с противопоставлением *есть / нет*: *Новокаина у нас нет, но анальгин есть*;

4) в предложениях, в которых ремой является субъект-посессор: *У кого есть вакцина? – Вакцина есть у Ольги*.

2. Форма *есть* отсутствует в следующих случаях:

1) если в предложении в качестве ремы выступает качественное или количественное определение объекта: *У них трое пострадавших; У него заботливая сиделка*;

2) в высказываниях, ремой которых является объект: – *У вас, наверное, есть диплом врача? – Нет, у меня диплом медсестры*.

3. В предложениях с общеинформативной коммуникативной перспективой, в которых сообщается о качественной характеристике не единичного, не обязательного для посессора объекта, возможно использование обоих вариантов конструкции. При этом в предложениях с *есть* подчёркивается особое свойство, исключительность выражаемого объекта по отношению к другим объектам того же вида, а в предложениях без *есть* качественная характеристика, выраженная определением, распространяется на весь ряд подобных объектов в целом. Ср.: *У этого поэта есть прекрасные стихи – У этого поэта прекрасные стихи*. См. об этом [Арутюнова 1983: 83-91; Копров 2006: 99-103].

В текстах медико-биологического профиля представлены высказывания следующих семантических типов и коммуникативных разновидностей.

1. Высказывания о физическом состоянии человека.

Предложения этого типа обозначают состояния человека, в том числе спонтанные, стихийные. Непроизвольность состояния, его независимость от воли лица подчеркивается возможностью замены формы *у неё* на форму *с ней*. Ср.: *У неё / с ней обморок; У него / с ним приступ*).

1) Рема заключена в глаголе: *Сейчас у вас есть головная боль?* (10); *У вас сейчас есть чувство расширения головы?* (10); *У меня бывают боли в сердце* (10); *Шум в ушах есть?* – Да, есть (10).

Если предмет не конкретизирован, возможен только такой тип актуализации.

2) В коммуникативный фокус попадает объект или характер состояния: *В качестве патологических примесей к калу у детей может быть кровь* (12); *Наряду с жидким стулом у детей бывают запоры* (12).

3) Актуализируется локализатор-посессор: *Непереносимость белков коровьего молока бывает у детей 1-го года жизни* (12); *Повышения СОЭ не бывает у здоровых людей* (22).

4) При актуализации качественного определения объекта обладания в предложении типа (1) его семантическая характеристика не изменяется: *У приобретенной гипотрофии могут быть эндогенные корни* (12); *В отдельных случаях у разнополых близнецов помимо выраженной степени недоношенности была разная масса* (19).

При актуализации качественного определения объекта обладания в варианте предложения типа (2) обнаруживается тенденция к его сближению с одноактантным признаковым предложением: *Какой у вас аппетит?* – *У меня хороший / плохой аппетит* (10); *Какой у вас был сон до последнего ухудшения?* – *Чаще плохой* (10). Ср.: *Недостаточность кровообращения сосудистого происхождения чаще бывает острой и в этом случае называется коллапсом* (22).

5) При актуализации количественного определения предложение обладания сближается с одноактантным нумеративным предложением: *У человека известно более 100 заболеваний, вызванных питанием* (21) – *Заболеваний, вызванных питанием, известно более ста*; *Количество извилил у всех людей примерно одинаково* (21); *У больного может быть не одно, а два заболевания и больше* (22).

6) В текстах рассматриваемого профиля часто актуализируются причинные распространители состава предложения, например: *Небольшое количество мокроты обычно бывает при фаринголарингитах, остром бронхите, бронхиальной астме; умеренное количество – при хроническом бронхите, пневмониях; большое количество – при нагноительных заболеваниях лёгких, кавернозных формах лёгочного туберкулеза* (17); *У детей старшего возраста запоры бывают при гипотериозите, колитах* (12).

2. Высказывания о «несобственно обладании».

В этих высказываниях говорится об отношении объекта-антропонима к лицу – центральному компоненту системы отношений: *У Коли есть брат*; *У меня две сестры*; *У него мать в Калуге*.

Предложения данного вида могут иметь следующие коммуникативные варианты.

1) Сообщается о наличии / отсутствии объекта: – *В этом городе есть родственники?* – *Нет, здесь родственников нет (10).*

2) Сообщение касается свойств объекта отношения: – *Родственники в этом городе есть?* – *Есть. Родной брат (10).*

Отношения несобственно обладания при данной актуализации стремятся к преобразованию в качественную предикацию: имя лица становится темой, детерминируемой посессивным определением у меня, у тебя, а прилагательное-определение приобретает функцию предиката предложения. Ср.: *Мамаша у него престарелая* = *его мамаша престарелая*.

3. Высказывания об объекте – свёрнутой ситуации.

Предложения такого рода очень близко соприкасаются с предложениями других семантико-структурных типов. Ср.: *У меня много работы* = *Я сейчас много работаю*; *У меня затруднения с постановкой диагноза* = *Я затрудняюсь поставить диагноз*; *У тебя тут ошибка* = *Ты тут сделал ошибку*.

Обычно предложения этого разряда имплицитуют, что локализатор-посессор принимает то или другое участие в свёрнутой ситуации: *У меня завтра операция* (либо я буду делать операцию, либо мне будут делать операцию).

К этой же категории могут быть отнесены предложения, в которых сообщается о социально значимой (и в этом смысле внешней) характеристике лица, его возможностях, положении в обществе и т. п.: *У него связи*; *У врача там хорошее положение в обществе*; *У него (перед ним) большое будущее*; *Сейчас у неё есть выбор*; *У неё есть свои минусы (плюсы, преимущества, достоинства, недостатки и пр.)*.

Предложения, включающие событийные имена, могут иметь следующие коммуникативные варианты:

1) актуализован предикат: (*У тебя есть время?*) *Нет, времени сейчас у меня совсем нет*;

2) актуализован событийный объект: (*Что у тебя завтра?*) *Завтра у меня защита проекта*;

3) актуализовано качественное определение объекта: *У него была длительная и напряжённая операция*. Как и в прочих разрядах локативно-посессивных предложений, такая актуализация обнаруживает тенденцию к преобразованию отношений обладания в качественную предикацию субъекта: *Операция у него была длительной и напряжённой*;

4) актуализовано количественное определение имени. Такая актуализация возможна только применительно к счётным и «массовидным»

событийным объектам: *(Сколько у тебя завтра лекций?) У меня завтра две лекции.*

4. Высказывания о физических свойствах человека, в том числе о его «неотчуждаемой собственности» (части целого): *У него было хорошее зрение; У неё поблекшее, обветренное лицо.*

Предложения этого разряда имеют следующие коммуникативные формы:

1) утверждается наличие или отсутствие признака. Такая актуализация возможна по отношению к «переменным», некомплектным частям тела, в патологических случаях, а также при наличии особого коммуникативного задания: *У него нет одной ноги; У этого инвалида есть обе ноги, у него только нет на одной ноге пальцев; У тебя же есть руки, сделай это сам;*

2) актуализируется часть тела; такая актуализация также возможна только применительно к «необязательным» частям тела или организма: *В раннем детском возрасте практически отсутствует диплоетическое вещество (9); Атлант – первый шейный позвонок, у него отсутствуют кости (7);*

3) в коммуникативный фокус попадает посессор-локализатор: *Отсутствовали суточные ритмы для рСО₂ у проживающих в Заполярье в течение года (19);*

4) коммуникативный фокус наведён на качественное определение объекта. Такого рода актуализация вполне закономерна, поскольку в общем случае нет нужды делать специальные сообщения о наличии у человека «комплектных» частей: *(Какие у неё глаза?) У неё голубые глаза;*

6) в коммуникативном фокусе находится количественное определение имени: *Веснушек на лице её было множество;*

7) в текстах медико-биологического профиля регулярно используются высказывания с глаголами *присутствовать / отсутствовать*. Намного чаще, чем у высказываний с глаголом *быть*, здесь в качестве ремы выступает сам глагол: *Жалобы у таких больных могут отсутствовать (17); У недоношенных новорожденных в 1-е сутки после рождения дневные, ночные и суточные эллипсы фактически отсутствуют (19); У больных с митральным пороком IV стадии суточные ритмы изменений рН отсутствуют (19).*

4.2.5.2. Локативно-посессивные предложения с глаголом в пассивно-возвратной форме

1. Коммуникативная перспектива высказываний с глаголом *иметься*.

1.1. Нейтральные высказывания, в которых реме соответствует глагол в совокупности с именем объекта: *У новорожденных имеется реакция на все 4 вида вкусовых раздражителей, порог раздражения вкусовых рецепторов (18); У раненых имеется комплексное повреждение с превалированием не челюстно-лицевой травмы (26).*

1.2. Сообщаемое заключено в глаголе: *У доношенных новорожденных детей суточные ритмы изменения температуры имеются (19); Все ферменты ЖКТ, необходимые для переваривания грудного молока, имеются, но отличаются более низкой активностью (12).*

1.3. В коммуникативный фокус высказывания попадает объект: *В норме у человека в пищеварительном тракте всегда имеется микробная флора (17); У всех детей с поражением ЦНС имеется та или иная форма аллергии (12); В лёгких у недоношенных детей в 1-ю неделю после рождения имеются явные признаки неравномерного распределения воздуха (19).*

1.4. В коммуникативный фокус попадает локализатор-посессор: *Оно (голубоватое пятно) имеется только у млекопитающих (18); Локальное увеличение узлов обычно имеется у больных с местными воспалительными процессами (17); Подобные свойства имелись и у человека в доисторическую эпоху (19).*

1.5. При актуализации качественного определения в предложениях данного типа не наблюдается тенденции к преобразованию локативно-посессивных предложений в предложения субъектно-предикатного типа, которая ярко выражена у предложений с глаголом *быть*: *У 1 группы имеются более чёткие циркадные ритмы, которые по расположению акрофаз опережают 2 группу (19); Имеются заболевания по своей сути полиэтиологические, например, неврозы и аллергические реакции (22).*

1.6. При актуализации количественного определения высказывания также сохраняют структуру предложений обладания: *У молодых людей, находящихся на стандартном режиме и выполняющих большие физические нагрузки, имеются два минимума (в 18 и 4-6 ч) и один максимум (в 22 ч) ВЕ (19); Имеется значительное количество проб, определяющих активность компонентов свёртывающей и противосвёртывающей систем крови (22).*

1.7. В высказываниях подобного типа часто имеет место актуализация темпорального, причинного и т.п. распространителя: *Изменения*

деятельности сердечно-сосудистой системы имелись уже при пересечении трёх часовых поясов (19); Реакция зрительного анализатора на различные цвета имеется сразу после рождения (18).

2. Коммуникативная перспектива предложений с глаголом *наблюдаться*.

Предложения данного типа составляют в текстах медико-биологического профиля вторую по объёму группу после высказываний с глаголом *иметься*. И это не случайно, поскольку значительную часть информации в медицине получают именно методом наблюдения за состоянием пациента, частей его тела, внутренних органов, за ходом болезни и т. д. Здесь отмечаются в основном те же возможности варьирования коммуникативной перспективы высказывания, что и в предыдущем случае.

2.1. Нейтральная перспектива: *У некоторых больных наблюдаются приступы чрезвычайно резких болей в поясничной области или ниже по ходу мочеточника (22); У 2439 человек наблюдались признаки сердечной недостаточности, у 74 – нарушение ритма сердечной деятельности (19).*

2.2. В высказываниях с ремой-глаголом глагол, как правило, находится в отрицательной форме: *У части больных полного выздоровления не наблюдается (22).*

2.3. Лексической семантике данного глагола наилучшим образом отвечает такая коммуникативная перспектива высказывания, когда ремой является объект: *При экспертизе трупов наблюдаются множественные переломы черепа (9); При уремической коме, почечной эклампсии и нефропатии беременных наблюдаются судороги (22).*

2.4. Достаточно регулярно в рематическую позицию попадает локализатор-посессор; условием для этого является наличие у него определения, стоящего в постпозиции: *Суточный ритм сердечных сокращений наблюдается у детей всех возрастных групп (19); Кашель наблюдается также и у людей с выраженным неврозом (22); Нормальная грудная клетка наблюдается у всех здоровых людей правильного телосложения (22).*

2.5. В высказываниях с объектом, занимающим тематическую позицию, актуализации может подвергаться не только посессор, но и обстоятельственный распространитель: *Сердцебиение может наблюдаться и у здоровых людей при большой физической нагрузке, беге, эмоциональном напряжении (22).*

2.6. В высказываниях с объектом, занимающим начальную – тематическую – позицию, и неопределённым (обобщённым) посессором в фокусе, как правило, имеются обстоятельственные распространители:

а) временные: *Это не наблюдается при ударных воздействиях (6); Синусовая аритмия наблюдается при повышении внутричерепного давления (22);*

б) причины: *Наиболее часто миокардит наблюдается при ревматизме, реже – при сепсисе, дифтерии, скарлатине (22);*

в) места (если они соотносятся с посессором как части целого): *Подобные разрушения наблюдаются на грудных клетках плоской и конической форм (8); Наиболее зияющие трещины наблюдаются на верхней части передней поверхности тела и на прилежащем участке верхней замыкательной пластинки (8).*

3. Коммуникативная перспектива предложений с глаголом *отмечаться*. Анализ фактического материала позволяет выявить следующие варианты коммуникативной перспективы высказываний данного типа.

3.1. Нейтральная перспектива: *У больных отмечается отсутствие аппетита, иногда затруднён приём пищи (11); У больных отмечается цианоз, иногда кожа приобретает желтушно-цианотический оттенок (22); У больных хронической пневмонией отмечается одышка, субфебрильная температура, постоянный кашель с гнойной мокротой (22); У здорового человека на периферической сфигмограмме отмечается крутое восходящее колено (22).*

3.2. В высказываниях с ремой-глаголом глагол, как правило, находится в отрицательной форме: *Изменений со стороны крови обычно не отмечается (22); Рассасывания корней зубов не отмечается (26).*

3.3. Ремой является объект: *Отмечается оскольчатый перелом тела нижней челюсти (9); Отмечается небольшое увеличение печени (22); При микроскопическом исследовании отмечаются разрывы мелких тканей (22).*

3.4. Регулярно в рематическую позицию попадает локализатор-посессор: *Именно у птиц отмечается наиболее тесная связь видовой деятельности с наступлением дня и ночи (19); Наиболее стабильная осанка наблюдается у детей в возрасте 10 лет (12); Сухость языка отмечается у лихорадящих больных, при сахарном диабете (17).*

3.5. Как правило, в высказываниях с объектом, занимающим тематическую позицию, и с неопределённым (обобщённым) посессором в фокусе высказывания находятся обстоятельственные распространители времени: *Противоположное кислотно-основное состояние отмечено в ночные часы (19); Ответ на стимул и привыкание к нему отмечается с 22-й и 30-й недели беременности (19).*

4. Коммуникативная перспектива предложений с глаголом *обнаруживаться*. Среди собранных нами примеров высказываний с данным глаголом можно выделить три варианта их актуального членения.

4.1. В начальной – тематической – позиции находится локатив (пространственный, временной); ремой высказывания является объект: *На дне этого перелома обнаруживается прямолинейная трещина со вмятиной и выкрашиванием компакты (9); Часто обнаруживаются сухие и влажные хрипы (22).*

4.2. Глагол в отрицательной форме, как правило, находится в фокусе высказывания: *Осколки на боковых отделах кости не обнаруживаются (5).*

4.3. В тематической позиции находится объект; ремой высказывания является обстоятельственный распространитель (пространственный, временной, причинный, условный и т. д.): *Основные отличительные признаки обнаруживаются в зоне долома (5); Суточные ритмы изменения дыхания и кровообращения с чётким выделением ночной фазы обнаруживаются у недоношенных детей на 1-2 сутки антенатального периода (19); Шум плеска справа от средней линии живота обнаруживается при расширении препилорического отдела желудка (22).*

5. Коммуникативная перспектива предложений с глаголами *выявляться, определяться, проследиваться*. В высказываниях с перечисленными глаголами отмечены следующие варианты коммуникативной перспективы.

5.1. Ремой высказывания является объект: *Выявляется прерванность контура замыкательной пластиной (8); В местах предшествующих переломов выявляются разрастания костной ткани (17); У больных бронхиальной астмой в межприступный период определяются функциональные нарушения со стороны бронхов, эмфизема лёгких (22).*

5.2. Глагол в отрицательной форме, как правило, находится в фокусе высказывания: *Со стороны других органов и систем существенных отклонений от нормы не выявляется (22); У здоровых людей пульсация аорты и лёгочной артерии не определяется (17).*

5.3. Рема высказывания – локализатор-посессор: *Чётко проследиваются суточные ритмы у жителей высоких широт (19).*

5.4. В качестве ремы высказывания выступает обстоятельственный распространитель: *Высокие показатели оксигенации проследиваются в 1-е сутки в 16 ч (19).*

6. Коммуникативная перспектива предложений с глаголом *встречаться*.

6.1. В качестве ремы высказывания выступает локализатор-посессор (часто с определением в постпозиции): *Врождённые кисты и свищи встречаются в основном у детей (26); В экспертной практике травма тазового комплекса наиболее часто встречается у людей зрелого возраста (6).*

6.2. Регулярно в фокусе сообщения находятся обстоятельственные распространители: *Тяжёлые неврологические осложнения у детей встречаются только при первичной цитомегавирусной инфекции у матери во время настоящей беременности (12); Альвеолярные макрофаги встречаются при воспалительных заболеваниях (17).*

4.2.5.3. Субъектно-объектная конструкция

1. Коммуникативная перспектива высказываний с глаголом *иметь*. Субъектно-объектные высказывания с данным глаголом, представленные в текстах медико-биологического профиля, представлены следующими коммуникативными разновидностями.

1.1. Высказывания об обладании конкретным неодушевлённым объектом не отличаются большой частотностью. В качестве посессора в них, как правило, выступает неодушевлённый предмет, реже – антропоним, находящийся в отношениях с объектом как целое и часть.

1) Высказывания с нейтральной перспективой; объект при этом обычно имеет качественное или количественное определение: *Глубоконедоношенный ребёнок имеет тонкую морщинистую кожу тёмно-красного цвета, обильно покрытую пушком (12); Толстый кишечник имеет обильную микрофлору (21); Резцовый канал со стороны носовой полости имеет два отверстия (9); Третий моляр (зуб мудрости) может иметь два, три и более корней (11).*

2) Рема высказывания – объект. Такая перспектива характерна для высказываний с модальным модификатором, особенно предписывающего характера: *Сосуды должны иметь хорошо подобранные и хорошо держащиеся крышки (12).*

3) Рема заключена в глаголе; актуализированный глагол обычно имеет отрицание: *Невоспалительная жидкость мутного облачка не имеет (22); Сама почечная ткань болевых рецепторов не имеет (22).*

1.2. Высказывания о «несобственно обладании». В этих высказываниях говорится об отношении объекта-антропонима к лицу – центральному компоненту системы отношений. Предложения данного вида могут иметь следующие коммуникативные варианты.

1) В высказываниях с нейтральной перспективой сообщается о наличии / отсутствии у посессора объекта: *Больной Степанов Петр Иванович, 62 лет, женат, имеет троих детей (10); Из родственников имеет жену и родителей (10).*

2) В качестве ремы высказывания выступает глагол: *В данном городе родственников не имеет (10).*

3. Высказывание об объекте – абстрактном понятии.

1) В высказываниях с общеинформативной перспективой объект всегда сопровождается определением (качественным или количественным): *Остальные признаки имеют лишь относительную диагностическую ценность (6); В педиатрии сестринский диагноз имеет 3 составляющие: биолого-генеалогический, социальный и клинический (12); Патологические желтухи имеют одну или несколько характерных черт; имеют продолжительность более 10 дней (12).*

2) В коммуникативном фокусе высказывания находится глагол: *Другие показатели внешнего дыхания цикличности не имеют (19); Переломы после повторной травмы дополнительных разрушений не имеют (5).*

3) При инверсии в рематическую позицию попадает посессор: *Абсолютную ценность при диагностике имеют только зигзагообразность просветления и раздвоенность контуров просвета (9); Наибольшую подвижность имеют шейный и верхний поясничные отделы позвоночника, наименьшую – грудной (8).*

4) В распространённом высказывании в рематической позиции может находиться распространитель: *Свои особенности имеет работа с детьми в глазных и оториноларингологических отделениях (12); Некоторые особенности имеют линейные переломы затылочной кости при падении человека навзничь (9).*

2. Коммуникативная перспектива высказываний с глаголом *обладать*.

1) Для высказываний данного типа характерна нейтральная коммуникативная перспектива: *Женское молоко обладает уникальным аминокислотным составом (12); Белки обладают каталитической активностью (21).*

2) Вторым наиболее частотным вариантом актуального членения рассматриваемых высказываний является инверсия позиции посессора, при которой он становится ремой: *Лактогенным действием обладает витамин В (12); Свообразными реакциями и способностью к разрушению обладают межпозвоночные диски (8).*

3) В предложениях с распространённым составом в рематической позиции регулярно оказываются определительные и обстоятельственные распространители: *Управляющие, координирующие автономные центры донорского гомотрансплантированного сердца, обладают памятью, фиксирующей стереотипный ход функции сердца на протяжении суток (19).*

4.2.6. Некоторые русско-английские параллели в сфере обладания

Параллели в сфере обладания на материале художественной литературы русского и английского языков проведены в работе В.Ю. Копрова [Копров 2010: 265-272].

1. Русские предложения обладания различных конструктивных типов с прямым порядком слов имеют в английском языке эквиваленты в виде субъектно-объектной конструкции.

Примеры перевода локативно-посессивных предложений: *У меня масса времени* (Д. Гранин) → *I've got heaps of time*; *У меня есть вакантное место в институте Академии наук* (Д. Гранин) → *I have a vacant job going in the Academy of Sciences*; *У Матвеева не было диплома* (Д. Гранин) → *Matveyev had no degree*.

См. обратную параллель: *I have all the time in the world* (М. Wilson) → *У меня времени сколько угодно*; *Dr. Gorin has ideas about electronic controls* (М. Wilson) → *У доктора Горина есть кое-какие соображения насчет электронной системы управления*.

Менее частотные в русском языке высказывания субъектно-объектного типа имеют в английском языке прямой эквивалент: *Он имеет машину* → *He has (got) a car*.

В письменной речи в результате инверсии форма посессора или глагольная форма, перенесённая в конечную позицию, получает статус ремы высказывания. При переводе таких предложений на английский язык, где порядок слов является более жёстким, используются специальные актуализирующие средства: *Этой компанией владеет он же* → *It is he who owns this company*; *Такие деньги он имеет* → *He does have that sum of money*. Предложения с посессором-ремой иногда переводятся английскими конструкциями с глаголами ЛГР **принадлежности**, например: *Этой компанией владеет он же* → *This company belongs to him*.

2. При переводе английских предложений обладания на русский язык возникает проблема выбора наиболее адекватной вариантной русской конструкции.

Английским предложениям с формой *to have* обычно соответствуют русские предложения с глаголом *быть*: *I've only got an hour* → *У меня в запасе только час*; *Have you got a key to this door?* → *У тебя есть ключ от этой двери?*

Предложения с глаголом *to have* также обычно переводятся русскими предложениями с глаголом *быть*: *She had a blue umbrella* → *У неё был голубой зонтик*; *She doesn't have a watch* → *У неё нет часов*.

Иногда таким предложениям соответствуют русские конструкции с

глаголом *иметь*: *Maybe we never did have anything on what we thought were our own terms* (M. Wilson) → *Кто знает, быть может, мы никогда и не имели того, что, по-нашему, нам было нужно*.

Однако при англо-русском переводе следует иметь в виду, что ситуативная семантика, охватываемая английской конструкцией с широкозначным глаголом *to have*, выходит далеко за пределы сферы обладания, посессивности и даже типового значения «отношение между двумя предметами» и, соответственно, ей могут соответствовать русские предложения совершенно иных семантико-структурных типов, например:

I've had no sleep, none at all (M. Spark) → *Я не спал сегодня, совсем не спал*; *Trasker and Erik usually had lunch together at the round table in the far corner of the hall* (M. Wilson) → *Эрик и Траскер обычно завтракали за круглым столом в дальнем углу зала*; *To the right of Regan's office, Professor Charles Tremaine had his lab* (M. Wilson) → *Направо от кабинета Ригана находилась лаборатория профессора Чарльза Тримейна*.

Можно с уверенностью предположить, что межъязыковые параллели, проведённые В.Ю. Копровым в сфере предложений со значением обладания на материале художественной литературы, характерны и для медико-биологических текстов.

Итак, подведём некоторые итоги.

В русских текстах медико-биологического профиля высказывания с семантикой обладания, касающиеся посессора-антропонима, регулярно получают форму локативно-посессивной конструкции. Однако следует иметь в виду, что данная конструкция, отличаясь многозначностью и широкой сферой функционирования, используется для выражения не только отношений обладания, но и локализации, а также признака субъекта.

В текстах медико-биологического профиля весьма широко представлены локативно-посессивные предложения с глаголами обладания в пассивно-возвратной форме, что требует их изучения как отдельного типа конструкций со значением обладания.

Наличие в русском языке трёх конструкций со значением обладания предполагает их многоаспектный анализ для выявления различий, существующих между ними в категориальной семантике и функционировании.

Специфика залоговой категориально-грамматической семантики посессора в предложениях обладания различных конструктивных типов оказывает сильное влияние на функционирование этих предложе-

ний в текстах медико-биологического профиля. Выражение обладателя локативно-посессивной формой с залоговым признаком «пассивность» способствует его представлению как грамматически неопределённого. В текстах медико-биологического профиля в качестве неопределённого (обобщённого) посессора чаще всего фигурируют участники процесса лечения – больной или медицинский персонал, медицинская наука и практика.

Каждый компонент структуры предложений обладания может быть актуализован, т.е. превращён в коммуникативное ядро высказывания.

Как показало сопоставление русских и английских средств выражения обладания, русской синтаксической подсистеме, состоящей из трёх конструкций, противопоставлена всего одна английская конструкция. При этом два варианта русского локативно-посессивного предложения имеют специфические характеристики, не свойственные синтаксической подсистеме английского языка.

Такие существенные межъязыковые расхождения требуют особого внимания при их изучении в иностранной аудитории и в практике перевода.

Список источников фактического материала

1. Агаджанян Н.А., Желтиков А.А., Северин А.Е. Экопортрет и здоровье жителей средней полосы России. – М. – Тула, 2000.
2. Бабаян Э.А., Ганапольский М.Х. Наркология. – М., 1990.
3. Бамдас Б.С. Неврозы. – М., 1963.
4. Булынин В.И., Глухов А.А. Резекция печени: Применение новых технологий. – Воронеж, 1995.
5. Диагностикум. Т. 1. Механизмы и морфология переломов длинных трубчатых костей. – Новосибирск, 1996.
6. Диагностикум. Т. 2. Механизмы и морфология повреждений таза. – Новосибирск, 1977.
7. Диагностикум. Т. 3. Механизмы и морфология повреждения позвоночника. – Новосибирск, 1998.
8. Диагностикум. Т. 4. Механизмы и морфология повреждения грудной клетки и пояса верхней конечности. – Новосибирск, 1999.
9. Диагностикум. Т. 5. Механизмы и морфология переломов костей черепа. – Новосибирск, 2000.
10. Дьякова В.Н. Диалог: встреча с больным. Заполнение медицинской карты стационарного больного: Пособие по развитию речи для студентов-иностранцев. – М., 1986.
11. Ермолов В.Ф. Пропедевтика и хирургическая стоматология. – Воронеж, 2001.

12. Захарова Л.И., Двойников С.И., Рябчикова Т.В., Чайковская Л.В. Сестринское дело в педиатрии. – М., 2000.
13. Ильичева В.Н. Сравнительная характеристика реакций уровней коры при действии ионизирующего излучения и алкогольной интоксикации. – Воронеж, 2001.
14. Кошелев П.И. Острый абсцесс лёгких: комплексное лечение. – Воронеж, 1998.
15. Кубанов В.И. Искусство управлять общением. – Р/н Д., 1997.
16. Никитин А.В., Гусманов В.А. Непосредственное исследование больного с основами синдромной диагностики. – Воронеж, 1995.
17. Никитин А.В., Переверзев Б.М., Гусманов В.А. Основы диагностики заболеваний внутренних органов. – Воронеж, 1999.
18. Нормальная физиология: Учебные модули для самостоятельной работы студентов: Учебное пособие. Под ред. В.Н. Яковлева. – Воронеж, 2001.
19. Окунева Г.Н., Власов Ю.А., Шевелева Л.Т. Суточные ритмы гомеостаза и кровообращения человека. – Новосибирск, 1987.
20. Ортопедия и травматология детского возраста: Руководство для врачей. – М., 1983.
21. Павлоцкая Л.Ф., Дуренко Н.В., Эйдельман М.М. Физиология питания. – М., 1989.
22. Пропедевтика внутренних болезней. Под ред. В.Х. Василенко, А.Л. Гребенева. – М., 1989.
23. Тексты для самостоятельного чтения на 1 курсе: Для студентов-иностранцев медицинских вузов. – М., 1989.
24. Тексты по медицине для студентов-иностранцев 2 курса. – М., 1989.
25. Туманов А.К. Судомедицинское исследование вещественных доказательств. – М., 1961.
26. Хирургия: Журнал имени Н.И. Пирогова. – 1988. № 4, 6.
27. Четвериков Н.С. Неврозы, их лечение и профилактика. – М., 1966.
28. Яковлев В.Н., Есауленко И.Э. Физиология головного мозга. – Воронеж, 2001.

4.3. Микрополе принадлежности в русском и английском языках

Данный раздел посвящён описанию семантико-структурного устройства синтаксических конструкций со значением **принадлежности** в русском и английском языках. В ходе исследования мы опираемся на точку зрения, согласно которой микрополе принадлежности представляет собой составную часть семантико-функционального поля посессивности (см. об этом в разделе 4.1.).

В качестве предикативных средств выражения принадлежности в рассматриваемых языках выступают предложения двух семантико-структурных типов: дваактантные вербальные предложения (ядро микрополя) и одноактантные номинативные и адъективные предложения (периферия микрополя) [Копров 2000: 43, 118-119; 95-101].

Основной целью является описание номинативного аспекта языковых явлений, передающих значение принадлежности объекта посессору.

Особое внимание мы уделяем анализу лексического наполнения конструкций, что обусловлено важностью учёта особенностей соотношения актантов и признакового компонента семантической структуры предложений для определения типа выражаемого ими посессивного отношения. При этом необходимо иметь в виду, что средства выражения принадлежности могут использоваться и для реализации других типовых значений.

4.3.1. Дваактантные вербальные предложения

Типовое значение дваактантных вербальных активных предложений – это «отношение между двумя предметами», в частности – субъектно-объектные отношения. Предложения, выражающие принадлежность, являются их разновидностью и имеют семантическую структуру «объект – принадлежность – посессор». Объект принадлежности выступает здесь как подлежащее синтаксической конструкции, а посессор – как дополнение. Данный тип конструкций обозначается структурной схемой $N_1 - V - N_3$:

Зажигалка принадлежала Степану (Ю. Герг); *У Глеба, в свою очередь, было две комнаты в коммуналке на Сенной – в одной жила его мать, другая принадлежала ему* (М. Палей).

Как уже отмечалось, данная конструкция, описывая посессивную ситуацию с точки зрения объекта принадлежности, представляет собой перифразу конструкции обладания ($N_1 - V - N_5$), в которой ситуация отражается со стороны посессора, ср.: *Пётр владеет домом* → *Дом принадлежит Петру*.

В глагольной позиции здесь употребляется только один глагол, в чистом виде передающий значение принадлежности – *принадлежать*. По данным, приведённым Р. Мароевичем, этот глагол развивает в себе посессивное значение в XVIII веке [Мароевич 1983: 60]; о происхождении глагола *принадлежать* см. также [Даль 1955].

В глагольной позиции английских предложений данного типа выступает глагол *to belong*:

*The apartment **belonged** to a chemistry instructor on leave* (M. Wilson) – Квартира **принадлежала** одному из преподавателей химического факультета, уехавшему в отпуск.

Анализ семантики двукантных конструкций с глаголом *принадлежать* / *to belong* в рассматриваемых языках показывает, что передаваемое ими содержание далеко не исчерпывается семантикой собственно принадлежности. Более того, само отношение между субъектом и объектом принадлежности оказывается неоднозначным. Это объясняется тем, что данная конструкция является структурой с относительно свободным составом лексики при выраженной тенденции к заполнению структуры лексикой определённых ЛГР. Таким образом, в зависимости от лексико-грамматических разрядов имён, занимающих позиции субъектного и объектного компонентов, данная конструкция способна реализовывать различные типы посессивных значений.

При реализации значения **собственно принадлежности** посессор, как правило, относится к ЛГР антропонимов; при этом объект посессивности выражен именем конкретно-предметной семантики и отмечен признаками ‘неодушевлённость’ и ‘отторжимость’ (ЛГР конкретных неодушевлённых существительных):

Судя по всему, эта дачка принадлежит Луканову (Г. Куликова); *Павлик никак не ожидал такого богатства. Полон стол игрушек и сластей – и всё это принадлежит только ему* (В. Катаев).

Ср. переводные пары высказываний в русском и английском языках:

Это первый и единственный телефон на Дальней улице, и принадлежит он Коростелёву (В. Панова) – *It was the first and only telephone on Dalnaya Street, and it belonged to Korostelev* (пер. на англ. О. Шац, И. Меннинг);

I thought she had come to believe that the land on which we had built our house belonged to her, or belonged to her tribe or whatever they call themselves (A. Christie) – *По-моему, она решила, что земля, на которой мы построили себе дом, принадлежит ей или её племени, или как они там себя называют* (пер. с англ. Н. Емельяниковой).

Однако если в качестве посессора выступает имя деятеля (автора), а в качестве объекта принадлежности – результаты его деятельности, обозначаемые конкретными существительными, то рассматриваемая конструкция реализует разновидность посессивного значения – ‘**продукт деятельности – деятель**’:

«Это один из моих первых романов», – она перевернула книгу и показала мне обложку с фотографией... Книга действительно принадлежала Канунниковой (В. Платова); *Исторические катаклизмы при-*

ковывали к себе насторожённое внимание поэта. **Ему принадлежат эти строки...** (из газ.);

Иногда в подобных случаях посессор назван метафорически: *Излишне предупреждать вас, уважаемый читатель, что песни, которые вы прочтёте вслед за моим ещё одним предисловием, принадлежат перу замечательного, покойного Николая Николаевича Фетисова* (Е. Попов).

Помимо конкретных неодушевлённых существительных, в качестве объекта принадлежности при одушевлённом субъекте в предложениях рассматриваемого типа выступают существительные следующих ЛГР:

1) ЛГР неконкретных существительных, среди которых выделяют следующие подтипы:

а) имена, обозначающие опредмеченные качества, свойства, внутренние состояния, разного рода психические манифестации человека: **Красота** не принадлежит женщине и не является её собственным свойством – просто в определённую пору жизни её лицо отражает красоту, как оконное стекло – невидимое за крышами домов солнце (В. Пелевин); *If Johnny isn't working hard in class, then does **the responsibility** belong to the teacher and not the parents?* (AND 853)² – Если Джонни плохо работает в классе, то разве **ответственность** за это лежит на учителях, а не на родителях?

б) имена, обозначающие объекты внутреннего мира человека: **Эта правда** принадлежит только нам: тебе и мне (А. Данилова); **Тайна** принадлежит Свете (Д. Донцова); **The whole world belongs to him** (М. Wilson) – **Весь мир** принадлежит ему;

в) имена, обозначающие различные абстрактные сущности, функционально связанные с человеком: **Аня** – наёмная служащая, **дело** принадлежит нам с Мариной... (Д. Донцова); **Tomorrow belongs to me** (ARP 314) – **Завтрашний день** принадлежит мне;

г) отглагольные существительные, обозначающие действия и результаты действий человека: **Отпечаток пальца** принадлежал явно не Мицукю (В. Платова); *Yet, with a pain which had not yet fully claimed her, she knew that there had been **an act** and that **it** belonged to her* (I. Murdoch) – Однако с болью, которая пока ещё не полностью овладела ею, она сознавала, что **действие** свершилось и принадлежало ей;

2) ЛГР антропонимов: **Сын** уезжал с лёгким сердцем, **он** давно не принадлежал матери, а теперь вообще перестанет принадлежать

---

² Этот и другие примеры заимствованы из интернет-ресурса National Corpus of English (<http://www.natcorp.ox.ac.uk>).

кому бы то ни было (В. Платова); *У его жены могут быть какие-то свои дела, он готов был терпеть, но когда они вместе, она* должна принадлежать ему, всецело и безраздельно (Т. Устинова); *I belong to you* (А. Christie) – *Я принадлежу тебе; I belong to no one but myself* (НА9 243) – *Я не принадлежу никому, кроме самого себя.* Такие предложения передают родственные, профессиональные отношения, а также отношение моральной зависимости одного человека от другого.

3) ЛГР зоонимов: *А английский мопс Хуч вообще-то принадлежит ближайшему приятелю, полковнику Дегтярёву* (Д. Донцова); *I knew the horse, sir. It used to belong to Mr. Carey over at Shettlegroom* (А. Christie) – *Я узнал эту лошадь, сэр. Она раньше принадлежала мистеру Кэри из Шеттлгрума.* В подобных случаях выражается отношение собственно принадлежности.

4) ЛГР «части тела»: *Мясистый нос, грубые, навсегда обветренные щёки* могли принадлежать и добряку и чёрствому человеку (Д. Гранин); *Да и красивая шея, выглядывавшая из воротника чёрной блузки, могла принадлежать только молодой особе* (Д. Донцова); *There was a quick thin man in the middle of him, and the face belonged to the thin man. The suit and the smile, the cheeks and jowls, belonged to the fat one* (М. Wilson) – *Казалось, в эту жирную тушу забрался юркий тощий человечек: физиономия принадлежала ему, а костюм, улыбка, подбородок и щёки – другому, очень толстому человеку; She was glad that a face she had liked belonged to a man she could admire* (А. Rand) – *Ей было приятно, что лицо принадлежало человеку, которым она могла восхищаться.*

В подобных предложениях выражается отношение между человеком и его «физическими составляющими» (частями тела и внутренними органами). Данное отношение рассматривается языковым сознанием как включающее две ступени посессивных отношений: 1) «человек (единство духовного начала и тела) и его тело»; 2) «тело (единство частей тела) и его части». При этом в посессивных конструкциях, как правило, выражается принадлежность отдельных частей тела не телу, а его «обладателю», человеку, ср.: **рука тела и рука человека.* Это подтверждается также тем, что позицию объекта принадлежности в рассматриваемых нами предложениях могут занимать имена, обозначающие собственно тело:

В следующее мгновение в комнату внесли корчащееся тело. Оно издавало жуткие стоны и отборную матерщину. Тело принадлежало дембелю (А. Геласимов); *In the same way, the husband's body does not belong to him alone but also to his wife* (BND 1676) – *Таким же образом, тело мужа принадлежит не только ему, но и его жене.*

С отношениями посессора-лица и объектов неотторжимой принадлежности связано понятие личной сферы, введённое Ш. Балли [Bally 1926]. Приведённые выше примеры свидетельствуют о том, что в некоторых случаях в роли объекта принадлежности могут выступать названия объектов личной сферы человека (наименования частей тела, лиц, связанных с посессором родственными или иными социальными отношениями и т.п.) и наименования различных абстрактных понятий, являющихся объектами принадлежности метафорически. Такое отношение точнее можно было бы определить как неотторжимую принадлежность по функции [Категория посессивности, 1989: 45-46].

Для выражения значения неотторжимости в русском языке не используются какие-то специальные конструкции, поскольку этот тип посессивных отношений обычно предполагается самой семантикой объекта посессивности. Здесь употребляется та же конструкция, что и для предикации значения собственно принадлежности. Широкозначность данной конструкции можно проиллюстрировать следующим примером: *В том, что найденные возле Житомира **кости принадлежат собаке**, убедился недавно известный археолог Копаяев. Сейчас покусанный Копаяев принимает уколы от бешенства и очень сожалеет о том, что трогал чужую еду* (Комсомольская правда).

Отметим также возможность метафорического использования данной конструкции с именем ЛГР «части тела» в качестве объекта принадлежности: *«Голуаз» оказались первыми западными сигаретами, и **моё сердце принадлежит** им безраздельно* (Д. Донцова).

В роли посессора как в русском, так и в английском языке могут выступать существительные следующих ЛГР:

1) ЛГР антропонимов: ***Мюру и Мерлизу** до революции принадлежал самый роскошный и модный универсальный магазин в Москве* (В. Панова); *Было известно, что иногда он проигрывал с себя всё. Например, штиблеты, бывшие на нём, принадлежали **не ему*** (В. Катаев); *That watch belonged to **a nobleman, my father**, and is all the inheritance I have* (FRE 991) – *Те часы принадлежали **благородному человеку, моему отцу**, и являются единственным полученным мной наследством*; *The country as far as eye could see belonged to **Hannah*** (I. Murdoch) – *Вся территория, насколько мог видеть глаз, принадлежала **Ханне***;

2) ЛГР зоонимов: *Тоненький непрезентабельный серый мех, больше всего смахивающий на кроличий, при жизни принадлежал **шиншилле*** (Д. Донцова); *А кресло у окна принадлежит, как известно, **нашей кошке Василисе*** (Г. Куликова);

3) ЛГР неконкретных существительных, среди которых особое место занимают существительные, называющие совокупность предметов

как одно целое. В обоих языках это собирательные существительные, или, по терминологии авторов «Теоретической грамматики современного английского языка», существительные раздельной собирательности, которые употребляются только в форме единственного числа [Иванова 1981: 24]: *Вы принадлежите к начальству* (Н. Воронов); *It was evident, even before she spoke again, that she belonged to the 'gentry'* (I. Murdoch) – *Было очевидно, даже прежде чем она заговорила снова, что она принадлежит к «джентри»*.

С точки зрения семантики мы относим к данному разряду также существительные, которые, являясь по грамматическим признакам конкретными (изменяются по числам, сочетаются с количественными числительными), как и собирательные, обозначают совокупность предметов (существительные, передающие объединительную собирательность): *В наши дни кастовый характер сект в основном сохраняется; монахи принадлежат к той же касте, что и жители самой деревни* (Н. Краснодембская); ... *the president of Russia should not belong to a political party* (CAJ 413) – ... *президент России не должен принадлежать к политической партии*.

Рассмотрим конструкции с посессором, выражающим совокупность предметов, в которых позицию объекта занимают существительные различных ЛГР:

а) объект принадлежности – антропоним: *Мать и дочь принадлежали к одной породе восточных жён, любящих своих мужей страстно, властно и самоотверженно* (Л. Улицкая); *The rogue, like the artist and perhaps the gentleman, belongs to no class* (S. Maugham) – *Мошенник, как и артист, а может быть, джентльмен, не принадлежит ни к какому классу*;

б) объект принадлежности – зооним: *Пауки принадлежат к отряду членистоногих класса паукообразных (из газ.)*; *Gibbons belong to the higher primates...* (СК2 1390) – *Гиббоны принадлежат к высшим приматам*;

в) объект принадлежности – неодушевленное конкретное существительное: *Есперсен называл слова, которые принадлежат более чем к одной части речи, грамматическими омофонами* (И. Иванова); *The horns, though they properly belong to the brass group, are so frequently used as part of the woodwind ensemble that we feel bound to include them in our consideration of this orchestral group* (GVS 138) – *Рожки, хотя они, строго говоря, принадлежат к медным духовым инструментам, так часто используются в ансамбле деревянных духовых инструментов, что мы считаем необходимым в нашем рассмотрении включить их в данную оркестровую группу*.

В предложениях типов (а), (б) и (в) выражается такая разновидность партитивных отношений, как классификационные отношения, т.е. обозначение принадлежности объекта к виду, роду, классу [Золотова 1982: 160]. К ним близки отношения, для обозначения которых Н.Д. Арутюнова использует термин «отношения членства», понимаемый как отношения, устанавливающиеся между «объединениями однородных и неоднородных предметов в колеблющиеся по составу конгломераты – наборы, сервизы, гарнитуры, коллективы, учреждения и пр. и их составляющими» [Арутюнова 1999: 17-18].

Как видно из приведённых примеров, в таких случаях в русском языке часто используется вариант конструкции с предлогом *к*, а в английской – *to*. В английском языке существует также вариант с предлогом *among*: *Although these insects are often called greenfly or blackfly they do not belong among the true flies (Diptera)* (EUR 291) – *Хотя этих насекомых часто называют зелёными мухами или чёрными мухами, они не принадлежат к семейству настоящих мух (Diptera)*;

4) ЛГР конкретных неодушевлённых существительных: *Очевидно, при коммунистах санаторий принадлежал какому-нибудь профсоюзу* (Д. Донцова); *More recently the land belonged to the Bute family who rebuilt Cardiff castle in the nineteenth century and laid the foundations for Cardiff's prosperity as a coal port* (AM1 18) – *Сравнительно недавно эта земля принадлежала семье Бьют, которая восстановила замок Кардифф в 19 столетии и заложила основы процветания Кардиффа как угольного порта*. В данном случае позицию посессора занимают имена со значением коллективного владельца, а объект обозначает коллективную собственность.

В качестве посессора могут выступать и другие семантические типы неодушевлённых конкретных существительных, в частности обозначающих артефакты, что приводит к реализации разновидности партитивного отношения, которое Г.А. Золотова называет отношением «целого и составной части» [Золотова 1982: 160]: *Конкретная нитка принадлежит конкретной вещи* (Е. Платова); *That cover belongs to this jar* (The New Webster's Encyclopedic Dictionary) – *Та крышка – от этого кувшина*.

Иногда конструкция с именем, обозначающим артефакт в роли посессора, метафорически передает отношение 'деятель – результат деятельности': *Обувь так же индивидуальна, как и отпечатки пальцев! И конкретный след всегда принадлежит конкретному ботинку* (В. Платова).

Отдельно следует отметить, что в английском языке рассматриваемая конструкция значительно чаще, чем в русском, выражает другую синтаксическую семантику. Очевидно, это связано с тем, что глагол *to*

belong является более многозначным по сравнению с его русским эквивалентом. Кроме значений 'принадлежать' и 'относиться к', глагол *to belong* имеет значения 'быть родом, происходить из', 'находиться, помещаться' [Мюллер 1970; Longman Dictionary of Contemporary English 2001; Longman Dictionary of English Language and Culture 1992; The New Webster's Encyclopedic Dictionary 1997].

При этом позицию объекта семантической структуры предложения обычно занимают конкретные существительные (как одушевлённые, так и неодушевлённые). Таким английским предложениям в русском языке регулярно соответствуют:

а) двуктантные личные вербальные предложения локализации «субъект – локализация – локализатор» (N – (V) – (pN)). В глагольной позиции предложений данного типа находятся глаголы ЛГР локализации [Арутюнова 1983: 26-41; Копров 1999: 79]. Ср.: *A few – they belonged to the front, to that protective ring of leather-coated men beneath the scaffold – a few started laughing* (J. Le Carre) – *Несколько человек – из тех, что стояли впереди, у подножия трибуны, в защитном кольце одетых в кожаное людей, – эти несколько человек смеялись* (пер. с англ. Т. Озерской, Т. Кулаковской-Ершовой);

б) безличные предложения с отрицанием: *I took her few spare clothes out of the wardrobe, her two good robes and her spare trousers. One had a sense that they had been hanging there for a few hours only and didn't belong, they were in passage like a butterfly in a room* (G. Greene) – *Я вынул из гардероба её одежду: два праздничных платья и штаны. Казалось, им здесь не место и они пробыли тут совсем недолго, всего несколько часов, словно бабочка, которая ненароком залетела в комнату* (пер. с англ. Е. Голышевой, Б. Изакова).

Как в английском, так и в русском и языке конструкция принадлежности используется также для неизосемического выражения качественного признака субъекта:

To Erik, Regan belonged to a forgotten era of whisked men (M. Wilson) – *Для Эрика Ризан принадлежал к той далёкой эпохе, когда мужчины носили бакенбарды* (пер. с англ. Н. Тренёвой); *The cars looked crudely ordinary, vividly modern, over-bright, sitting there neatly side by side upon gravel. They did not belong to the world, to the time, from which he had just emerged* (I. Murdoch) – *Машины были современными, слишком яркими и выглядели очень заурядно, стоя аккуратно бок о бок на гравии. Они не принадлежали ни к тому миру, ни к тому времени, из которого он только что появился* (пер. с англ. И. Балод); *That story does not belong in this post-war period* (CRY 1217) – *Эта история не из послевоенного времени.*

4.3.2. Одноактантные предложения

На ближней периферии микрополя принадлежности находятся одноактантные предложения с субъектно-признаковым значением, в которых в позиции подлежащего находится объект принадлежности, а его посессор, являющийся одновременно и его предикативным признаком, выражается **лексически**.

В признаковой позиции принадлежности в конструкциях русского языка находятся:

1) притяжательные (личные и возвратные), а также неопределённые и отрицательные местоимения-прилагательные: *Впрочем, одеяло тоже **было не моё*** (А. Геласимов); *Прогрессивка – **моя**, премия – **моя**, а все прошлые дела в архив* (Е. Попов);

2) притяжательные и относительные прилагательные: ***Папина** была идея* (А. Геласимов); *Машина была старая, а квартира – **родительская**, но всё же, все жё...* (Т. Устинова);

3) существительные в родительном падеже: *Дом не твой, а **Тимофея Ильича Кольцова*** (Т. Устинова).

В английских конструкциях позицию признакового компонента занимают:

1) абсолютные притяжательные местоимения: *The studio **is yours**. Everything belongs to you* (S. Maugham) – *Мастерская твоя. Здесь всё твоё*;

2) существительные в родительном падеже: *They'll hand me some dresses and say they **were my mother's*** (M. Wilson) – *Они дадут мне несколько платьев и скажут, что они мамыны*;

3) сочетания существительного с предлогом *of*: *Klaus Karfeld **was not, altogether, of this school*** (J. Le Carre) – *Клаус Карфельд отнюдь не принадлежит к этой школе*;

4) относительные прилагательные: *You see, Tahiti's **French*** (S. Maugham) – *Таити ведь принадлежит французам*.

Таким образом, в зависимости от части речи, занимающей признаковую позицию в структуре предложения, выделяются одноактантные конструкции принадлежности двух частеречных типов:

номинативные ($N_1 - (\text{cop}) N_2$): признаковый компонент – имя существительное / неопределённое или отрицательное местоимение;

адъективные ($N_1 - (\text{cop}) \text{Adj}_{1/5}$): признаковый компонент – притяжательное или относительное прилагательное / притяжательное местоимение.

Проанализируем особенности лексического наполнения одноактантных конструкций принадлежности в связи с выражаемыми ими посессивными значениями различных типов.

4.3.2.1. Притяжательные местоимения в позиции признакового компонента

Притяжательные местоимения в данной позиции предложения в русском и английском языках обычно дейктически обозначают антропонимов. В ряде конструкций русского языка значение притяжательного местоимения усиливается прилагательными *собственный, личный*, находящимися в постпозиции к местоимению. Ту же функцию выполняет английское прилагательное *own*.

Субъектную позицию в таких конструкциях регулярно занимают существительные следующих ЛГР.

1) ЛГР конкретных неодушевлённых существительных: *И зажигалка моя, и машина без тормозного фонаря тоже моя* (Т. Устинова); *Neither the house nor anything in it was completely his* (М. Wilson) – *Ни дом, ни обстановка не принадлежали ему целиком; Perhaps that little television there is hers* (CJX 1494) – *Возможно, этот маленький телевизор принадлежит ей.*

В данных примерах выражается значение собственно принадлежности. Если же позицию подлежащего занимают имена, называющие продукты человеческой деятельности, то конструкция реализует дополнительное значение ‘деятель – продукт деятельности’: *Реклама, между прочим, ваша* (Т. Устинова); *Those papers you saw were mine* (М. Wilson) – *Статьи, которые вы видели, – мои;*

2) ЛГР антропонимов: *Теперь этот идиот на сто процентов был мой* (А. Геласимов); *Ты справилась, когда твой муж сказал тебе, что он больше не твой, а чей-то, и наплевать ему на тебя* (Т. Устинова); *She wanted to bring me down to her level; she cared nothing for me, she only wanted me to be hers* (S. Maugham) – *Ей надо было низвести меня до своего уровня; она обо мне ничего знать не хотела, хотела только, чтобы я целиком принадлежал ей.*

В подобных случаях выражаются посессивные отношения таких подтипов, как родство, социальные связи между объектом и посессором, а также значение морального подчинения объекта посессору. Среди данных конструкций в русском языке выделяются случаи выражения «эмоциональной», положительно оцениваемой говорящим принадлежности лица к определённой группе (иногда – к локусу обитания) в виде элемента оппозиции «свой – чужой» (см. об этом в работах [Васильева 2001; Цивьян 1973]):

Менты были «свои» (Т. Устинова); *Вашу маму у нас помнят. Так что ты не кто-нибудь, а своя, потомственная* (В. Панова); *А Ястребов этот пришлый, не наш* (Т. Устинова). Ср. с употреблением в по-

зиции признака прилагательного *чужой*: *Через месяц они забудут о том, что Игорь Никоненко когда-то был «чужой»* (Т. Устинова);

3) ЛГР зоонимов: *Нам дали алиментного щенка, он ваш и будет каждый день вас радовать* (Д. Донцова). В подобных случаях, как правило, выражается значение собственно принадлежности, однако возможны и другие варианты, например, притяжательное местоимение в признаковой позиции может метафорически выражать локус обитания объекта: *Господи, – всплеснула руками Зоя, – вот что значит первый этаж. И крысы, и мыши, и тараканы – все наши* (Д. Донцова);

4) ЛГР «части тела»: *Да, девушка перерезала вены, а кровь на ноже не только её, всё это требует детальной проработки* (Т. Полякова); *To me, your face was beautiful because it was yours* (M. Wilson) – Для меня **Ваше** лицо было прекрасно потому, что оно – Ваше. Как и двуктактные конструкции с существительным ЛГР «части тела» в качестве объекта принадлежности, одноактактные адъективные конструкции выражают неотторжимую принадлежность по функции;

5) ЛГР неконкретных существительных, среди которых выделяются следующие подтипы:

а) отглагольные существительные, обозначающие действия / состояния или результаты действий: *Но в последнее время Архипову стало казаться, что и эти воспоминания – не его, он как будто ворует их у тех, кто когда-то жил той самой настоящей жизнью* (Т. Устинова); *Yet the decision not to spend that day at Sandringham is hers and hers alone* (СВС 2310) – Однако **решение** не проводить тот день в Сандрингеме принадлежит ей и только ей;

б) имена, обозначающие объекты внутреннего мира человека и различные абстрактные сущности, функционально связанные с человеком: *Я ещё не понимала всех последствий своего озарения, но уже знала, что тайна теперь моя* (В. Пелевин); *His schedule was his own, and every so often he arranged to meet Savina for lunch* (M. Wilson) – Он мог распоряжаться своим временем по собственному усмотрению и часто завтракал с Сабиной где-нибудь в городе;

в) имена, обозначающие разного рода психические и физиологические манифестации человека: *И голос, между прочим, совершенно опделённо ваш.* (Т. Устинова); *And I want to say it now... my mind, my will, my being and my soul, Dagny – yours, for as long as I shall live* (A. Rand) – И я хочу сказать сейчас... мой ум, моя воля, весь я и моя душа, Дагни – твои, пока я жив.

4.3.2.2. Прилагательные в позиции признакового компонента

Одноактантные конструкции русского языка с **притяжательными** прилагательными в позиции признакового компонента выражают индивидуальную принадлежность предмета одушевлённому посессору (*мамин, отцов, кошкин*). В отличие от них одноактантные конструкции с **относительными** прилагательными в позиции признакового компонента способны выражать принадлежность предмета нескольким лицам, а также коллективную принадлежность. Прилагательные данного разряда называют признак через отношение к предметам как одушевлённым, так и неодушевлённым (*соседский, государственный*) (соответствующие примеры см. ниже).

Позицию подлежащего в таких синтаксических конструкциях могут занимать существительные различных ЛГР:

1) ЛГР конкретных неодушевленных существительных: *Просто он как-то сказал, что у него нет медведя, а я спросила, чем плох тот, который стоит на полке. И оказалось, что ничем. Что он всем хорош, да к тому же ещё и папин* (Т. Устинова); *Пляж государственный, а надо, чтобы был свой* (Т. Устинова);

2) ЛГР антропонимов: *Я местный, сафоновский* (Т. Устинова).

3) ЛГР зоонимов: *Пёс был общедворовым: несколько лет назад появился неизвестно откуда и завоевал нашу любовь общительным и веселым нравом* (Т. Полякова);

4) ЛГР неконкретных существительных: *Папина была идеяка* (А. Геласимов).

В проанализированных нами английских источниках подобных примеров не встретилось.

4.3.2.3. Существительные в родительном падеже в позиции признакового компонента

Существительные в родительном падеже в позиции признакового компонента более характерны для английского языка. В русском языке в данной позиции они употребляются весьма редко, в частности при противопоставлении: *Когда отъехали, я ему говорю – это они твой джип взорвали? Он улыбается и говорит – не мой, а твоего папы* (А. Геласимов).

Р. Мароевич пишет о ярко выраженной атрибутивности посессивного генетива, который в процессе развития русского языка стал вытеснять притяжательные прилагательные – но лишь в функции атрибута. Функцию посессивных предложений, тема которых – объект

посессивности, а рема – посессор, берут на себя предложения с глаголом *принадлежать* [Мароевич 1983: 60]. М.В. Всеволодова отмечает, что для передачи подобных отношений в русском языке чаще используются одноактантные номинативные предложения, в которых в позиции предикативного признака находится имя, обозначающее объект принадлежности, с зависимым элементом – существительным в родительном падеже, называющим посессора. Ср.: *Эта машина – Петра; Это машина Петра* [Всеволодова 2000: 260].

В английских конструкциях с признаковым существительным в родительном падеже, как правило, выступают одушевленные существительные (ЛГР антропонимов и зоонимов).

Позицию субъекта синтаксической структуры могут занимать существительные различных ЛГР. Наиболее часто встречаются следующие:

1) ЛГР конкретных неодушевленных существительных: *It is, or rather it has been, a glove... It might possibly be Miss Wade's* (A. Christie) – *Это скорее была перчатка... Может быть, это перчатка мисс Уэйд?*; *The thing is, it isn't mine, the money. It's my mother's* (J. Salinger) – *Дело в том, что деньги не мои. Они мамыны.*

В данных примерах одноактантные конструкции с конкретными неодушевленными существительными в субъектной позиции передают отношение собственно принадлежности, однако возможно и отношение 'продукт деятельности – деятель': *"Oh, that was Tony's story," she said lightly. "Not mine," Tony remarked. "It's Erik's and Holtzer's. I just happened to hear something yesterday* (M. Wilson) – *«О, случилось у Тони, он знает», – небрежно бросила она. «Вы ошибаетесь, Лили, – заметил Тони. – Это знают Эрик и Хольцер. Я лишь краем уха что-то слышал вчера».*

2) ЛГР неконкретных существительных: *The other voice was raised now: it was a woman's* (S. Maugham) – *Опять другой голос. Это была женщина.*

Отметим, что английские одноактантные конструкции разных типов с посессивным значением на русский язык часто переводятся двуактантными предложениями с глаголом *принадлежать*, например:

The police are as confident as they can be that the body they've found is hers (KIK 3408) – *Полиция уверена насколько это возможно, что найденное тело принадлежит ей*; *The selection would be his, so that the advantages would be his* (M. Wilson) – *Выбор принадлежит ему, следовательно, и преимущество останется за ним*; *I am a Unitarian* (G. Greene) – *Я принадлежу к унитарной церкви* (пер. с англ. Е. Голышевой, Б. Изакова).

4.3.2.4. Дальняя периферия предикативных средств выражения принадлежности

На дальней периферии предикативных средств выражения принадлежности в рассматриваемых языках расположены следующие конструкции:

1) одноактантные номинативные предложения, в которых позицию признака занимают:

а) имена в родительном падеже с предлогом *из*; такие предложения передают партитивные отношения членства: *Она была совсем из другого класса, в котором нет места милицейским капитанам...* (Т. Устинова);

б) имена в родительном падеже с предлогом *от*: *Павел Алексеевич взял: письмо было от женщины-маляра с Нижнего плато* (В. Маканин); в английском языке таким русским конструкциям регулярно соответствуют одноактантные конструкции, в которых в позиции признака находится имя с предлогом *from*: *There is a letter for you. I think perhaps it is from her* (G. Greene) – *Тебе письмо. Кажется, оно от неё*. В обоих подобных случаях выражается значение ‘продукт деятельности – деятель’;

в) существительные, называющие представителей какой-либо общности или предмет, представляющий вид, род и т.п.: *Мой сосед – сектант*; *Золото – благородный металл*. Ср.: *Мой сосед принадлежит к секте*; *Золото принадлежит к благородным металлам*. В подобных случаях также передаётся партитивное отношение. Функционирование конструкции такого типа на дальней периферии СФП принадлежности обусловлено тем, что сема отношения уже присутствует в самом широком круге конкретных имён, что связано с тремя степенями формирования идентифицирующего значения, выделенными Н.Д. Арутюновой: 1) вычленение из окружающей действительности: *Тарелка – из этого сервиза*; 2) отождествление (установление идентичности предметов самим себе): *Ты мне не дочь*; 3) классификация: *Кедр принадлежит к хвойным деревьям* (*Кедр – хвойное дерево*) [Арутюнова 1999: 15-23];

г) особое место среди периферийных конструкций, выражающих значение принадлежности, занимают русские и английские одноактантные номинативные предложения с такими лексемами, как *собственность, принадлежность / property, possession* и т.п., характеризующими объект посессивности: *Машина частной собственностью не являлась и не могла быть* (Н. Воронов) – *The machine couldn't have been private property* (пер. на англ. Ю. Немецкого, С. Сыроваткина).

Подобные конструкции являются неизосемическими. Поясним это на примере предложения *Стол – ваша собственность*. С точки зрения структуры это одноактантное номинативное предложение, выражающее типовое значение «предмет и его признак». В позиции субъекта здесь находится существительное, называющее объект принадлежности (*стол*), а в позиции предикативного признака – лексема *собственность*, имеющая при себе определение *ваша*, называющее посессора. Таким образом, в предложениях подобного типа определение является обязательным компонентом, что не соответствует общей структурной схеме информативно минимальных одноактантных номинативных предложений: N – (cop) N_{1/5};

2) трёхактантные партиципиальные предложения, в которых позицией отношения занимают страдательные причастия с посессивной семой; субъект действия выступает как неопределённый или обобщённый, а адресат становится в результате этого действия посессором: *Материнский инстинкт дан только женщинам* (Д. Донцова); *Машина, квартира и дача записаны на моё имя...* (Д. Донцова).

Итак, к основным предикативным средствам выражения принадлежности в русском и английском языках относятся синтаксические конструкции двух семантико-структурных типов: двуактантные вербальные предложения, имеющие типовое значение «отношение между двумя предметами», и одноактантные предложения с субъектно-признаковым значением.

Анализ лексического наполнения рассмотренных предложений позволяет дифференцировать подтипы выражаемого ими посессивного отношения. Эти значения, являясь результатом комбинации семантики актантов нескольких категориальных видов, определяют оттенки содержания одноактантных и двуактантных конструкций принадлежности в номинативном аспекте, что подтверждается возможностью их взаимотрансформаций.

В русском и английском языках в двуактантных вербальных предложениях с глаголом *принадлежать* / *to belong* были выделены следующие наиболее типичные комбинации актантов и связанные с ними подтипы посессивного отношения:

1) конкретное неодушевлённое существительное – антропоним (значение собственно принадлежности; ‘продукт деятельности – деятель’);

2) неконкретное существительное – антропоним (значение неотторжимой принадлежности качественных признаков, внутренних состояний, психических манифестаций, объектов внутреннего мира че-

ловека; функциональная связь человека с разного рода абстрактными сущностями; значение 'действие / результат действия – субъект');

3) антропоним – антропоним (родственные, профессиональные отношения между людьми, отношение моральной зависимости одного человека от другого);

4) зооним – антропоним (значение собственно принадлежности);

5) существительное ЛПР «часть тела» – антропоним / зооним (неотторжимая принадлежность по функции);

6) антропоним – неконкретное существительное;

7) неодушевленное конкретное существительное – неконкретное существительное;

8) зооним – неконкретное существительное;

9) конкретное неодушевленное существительное – конкретное неодушевленное существительное

Комбинациями (6)-(8), в которых в позиции посессора выступают собирательные существительные, выражаются партитивные классификационные отношения или отношения членства; комбинацией (9) – значение коллективной принадлежности или отношение целого и его составной части.

Особо выделяются характерные главным образом для английского языка случаи выражения двуактантной конструкцией принадлежности локативного значения (генетически близкого к посессивному).

Значение принадлежности может выражаться одноактантными конструкциями двух частеречных типов (в зависимости от заполнения позиции признакового компонента): номинативными и адъективными.

С особенностями лексического наполнения позиции признакового компонента связаны структурные различия в русском и английском языках.

В конструкциях русского языка позицию посессора (признакового компонента) занимают притяжательные местоимения, притяжательные и относительные прилагательные, существительные в родительном падеже.

В английских конструкциях позицию признакового компонента занимают абсолютные притяжательные местоимения, существительные, неопределённые и отрицательные местоимения в родительном падеже.

Отличительной чертой адъективных одноактантных конструкций русского языка с притяжательными местоимениями (*свой, наши*) в позиции признака является их способность выражать оттенок принадлежности лица к группе лиц или к локусу обитания (оппозиция «свой – чужой»).

На дальней периферии семантико-функционального поля принадлежности в сопоставляемых языках находятся следующие предикатив-

ные конструкции (в позиции подлежащего выступает объект принадлежности):

русские одноактантные номинативные конструкции, в которых позицию признака занимают имена в родительном падеже с предлогом *из* или *от* (им соответствуют английские, в которых в позиции признака находится имя с предлогом *from*);

русские и английские одноактантные номинативные конструкции, в которых в позиции признака выступают: а) существительные, называющие представителей какой-либо общности или предмет, представляющий вид, род; б) лексемы *собственность*, *принадлежность* / *property*, *possession* и т.п., характеризующие объект посессивности;

трёхактантные партиципиальные предложения, в которых позицию признакового компонента занимают причастия, имеющие посессивную сему.

Разновидности посессивного отношения, передаваемые этими периферийными предложениями, зависят как от структурных особенностей конструкций, так и от лексико-грамматической семантики их актантов.

Выводы

1. Посессивность представляет собой особую разновидность субъектно-объектных отношений, связывающую два предмета отражённой сознанием внеязыковой ситуации, при этом один из них (объект посессивности) включается в сферу другого (посессора). Основу посессивности составляют отношения владения, обладания, принадлежности, партитивности. Изучение посессивности как понятийной и языковой категории способствует раскрытию механизма осмысления языковым сознанием внешнего и внутреннего мира человека.

2. Языки располагают разноуровневыми средствами выражения посессивности, при этом различные типы посессивных отношений соотносятся с определёнными языковыми структурами. В процессе функционирования некоторые средства выражения посессивности расширяют, модифицируют и дифференцируют своё значение; с другой стороны, для выражения посессивных отношений используются неизосемические структуры. Отсюда многообразие разноуровневых способов выражения посессивности в конкретных языках.

3. Средства выражения посессивных отношений образуют семантико-функциональное поле, в котором выделяются два центра, обусловленных различными способами языкового отражения действительности, – предикативный и атрибутивный. В зоне предикативной

посессивности русского и английского языков, составлявшей предмет нашего исследования, выделяются два взаимосвязанных микрополя: обладания и принадлежности. Помимо основных изосемических средств, образующих ядро каждого микрополя, сопоставляемые языки располагают периферийными средствами выражения.

4. Многоаспектный анализ предикативных средств выражения посессивности позволил:

1) определить варианты семантической структуры компонентов микрополей обладания и принадлежности в русском и английском языках путём уточнения лексико-грамматической семантики их актантов;

2) выявить залоговые особенности системы средств выражения обладания в русском языке;

3) описать разновидности коммуникативной перспективы русских высказываний со значением обладания;

4) отметить стилистическую специфику функционирования конструкций обладания в текстах медико-биологического профиля.

5. В соответствии с общими принципами семантико-функциональных сопоставительных исследований средства выражения посессивности в русском языке были системно сопоставлены с соответствующими подсистемами английского языка, что позволило выявить основные сходства и расхождения в этой сфере.

6. Проведённый анализ структуры поля посессивности позволил определить линии взаимодействия компонентов данного поля со средствами выражения других типовых значений в русском и английском языках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каждая глава монографии представляет собой законченное исследование со своими подробно сформулированными выводами, и поэтому здесь, как представляется, нет необходимости подводить общие итоги. Отметим лишь ещё раз несомненную практическую значимость проведённой работы.

Основные результаты семантико-функционального сопоставительного описания средств выражения субъектно-объектных отношений в разноструктурных языках могут быть использованы в лекционных курсах по теории языка и по теории перевода, в спецкурсах по сопоставительному синтаксису русского, английского, немецкого, французского и венгерского языков, при составлении учебных пособий и на занятиях по грамматике и переводу с русскими и иностранными учащимися высших учебных заведений.

В качестве перспективы исследования наметим описание всех других аспектов устройства рассмотренных подсистем и расширение привлекаемого для анализа фактического материала.

ЛИТЕРАТУРА

Абраимова Е.В. Безличное предложение в кругу синтаксических синонимов / Е.В. Абраимова // Русское слово и высказывание: рациональное и эмоциональное. – М., 2006. – С. 148-153.

Абрамов Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков: Учеб. для студ. вузов / под ред. Н.Н. Семенюк, О.А. Радченко, Л.И. Гришаевой / А.Б. Абрамов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 288 с.

Абросимова Т.А. Хрестоматия по теоретической грамматике французского языка (на франц. яз.) / Т.А. Абросимова. – Л.: Просвещение, 1972. – 248 с.

Абросимова Т.А. Рефлексивные конструкции в испанском, итальянском и французском языках / Т.А. Абросимова // Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках. – Калинин: КГУ, 1985. – С. 40-55.

Абдуразаков М.А. Грамматическая структура простого предложения. (На материале типологического сравнения французского, русского и узбекского синтаксиса) / М.А. Абдуразаков. – Ташкент: Фан, 1978. – 166 с.

Адамец П. Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка. I. Однобазовые предложения / П. Адамец. – Прага, 1973. – 136 с.

Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка / В.Г. Адмони. – М., 1955. – 392 с.

Адмони В.Г. Типология предложения / В.Г. Адмони // Исследования по общей теории грамматики. – М., 1968. – С. 232-271.

Адмони В.Г. О синтаксической семантике как семантике синтаксических структур / В.Г. Адмони // Изв. АН СССР. СЛЯ. Т. 38, № 1. – М., 1979. – С. 24-35.

Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В.Г. Адмони. – Л.: Наука, 1988. – 238 с.

Акимова Г.Н. К вопросу о валентности переходных глаголов в русском языке / Г.Н. Акимова // Теория языка. Методы его исследования и преподавания. – Л.: ЛГУ, 1981. – С. 28-32.

Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.

Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка / Т.Б. Алисова. – М.: МГУ, 1971. – 293 с.

Алисова Т.Б. «Страдательная» конструкция предложения в русском, французском и итальянском языках // Русский язык за рубежом. – № 4, 1973.

Альпари Ньюласе А. Сопоставление порядка слов предложений в русском и венгерском языках в экспрессивно неокрашенной речи / А.А. Ньюласе // Межкультурная коммуникация. *Lingua*. 808. 2. – Будапешт, 1988. – С. 79-91.

Альтман И.В. Исследование семантики трёхчленных конструкций / И.В. Альтман // Проблемы структурной лингвистики. 1976. – М.: Наука, 1978. – С. 215-233.

Альтман И.В. Локализаторы в структуре предложения / И.В. Альтман // Проблемы структурной лингвистики. 1978. – М.: Наука, 1981. – С. 91-98.

Амиантова И.Э. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как составляющая современной лингвистической парадигмы / И.Э. Амиантова, Г.А. Битехтина, М.В. Всеволодова, Л.П. Клобукова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2001. № 6.

Анищева О.Н. Типология объектной лексической сочетаемости глаголов созидания и разрушения в русском языке / О.Н. Анищева. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1981. – 20 с.

Аношкина Т.Е. О семантическом аспекте в изучении русских предложений со значением посессивного наличия / Т.Е. Аношкина // Предложение как многофункциональная единица языка (русский язык): Межвузовский сборник научных трудов. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1983. – С. 65-76.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 367 с.

Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В.Д. Аракин. – Л.: Просвещение, 1979. – 259 с.

Арват Н.Н. Семантическая структура простого предложения в современном русском языке / Н.Н. Арват. – Киев, 1984. – 159 с.

Арефьева Т.Л. Соотношение смысла и формы в пределах функционально-семантического поля посессивности в современном русском языке / Т.Л. Арефьева // Языковая системность при коммуникативном обучении. – М.: Русский язык, 1988. – С. 95-103.

Аринштейн В.И. Структура предложения и семантика глаголов. (К проблеме обязательности / факультативности объекта) / В.И. Аринштейн // Взаимодействие языковых единиц различных уровней: Межвуз. сб. науч. тр. – Л.: ЛГУ, 1981. – С. 3-16.

Аристова Е.Б. Категория субъекта и агентивные синтаксемы в современном английском языке / Е.Б. Аристова // Категория субъекта и объекта в языках различных типов. – Л.: Наука, 1982. – С. 45-65.

Аристотель. О душе. / Аристотель. – Соч. : В 4 т. – Т. 1. М. : Мысль, 1975. – 447 с.

Аристотель. Никомахова этика, 1118a – 1118b / Аристотель. – Собр. соч. : В 4 т. – Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 116-117.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова. – М., 1976. – 384 с.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.

Арутюнова Н.Д. Русское предложение. Бытийный тип / Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Ширяев. – М., 1983. – 198 с.

Афанасьева О. В. Сравнительная типология английского и русского языков (практикум). Учеб. пособие. – Изд. 2-е, испр. / О. В. Афанасьева, М. Д. Резвцова, Т. С. Самохина. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2000. – 232 с.

Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка / В.В. Бабайцева. – М.: Дрофа, 2000. – 638 с.

Бабайцева В.В. Структурно-семантическое направление в современной русистике / В.В. Бабайцева // Филол. науки. 2006. – № 2. – С. 54-64.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Иностранная литература, 1955. – 416 с.

Балашша Й. Венгерский язык / Й. Балашша. – М.: Изд-во иностр. лит., 1951. – 375 с.

Банару В.И. Некоторые вопросы функциональной перспективы предложения (на материале французского языка) / В.И. Банару. – Кишинёв: Штиинца, 1975. – 64 с.

Баранова К.М. Разноструктурные средства выражения посессивности в современном английском языке / К.М. Баранова. – М.: Школьная кн., 2000. – 104 с.

Баранова К.М. Категория посессивности в языковых картинах мира и способы её выражения / К.М. Баранова // Филология и культура: Материалы IV Междунар. науч. конф. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – С. 160-163.

Бархударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка / Л.С. Бархударов. – М.: Высшая школа, 1966. – 200 с.

Бархударов Л.С. Грамматика английского языка / Л.С. Бархударов, Д.А. Штелинг. – М.: Высшая школа, 1973. – 424 с.

Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 286 с.

Бенуа Ж.-П. Предикативно-ролевая классификация ситуаций в русском языке / Ж.-П. Бенуа // Русистика сегодня. – 1996. – № 2. – С. 81-107. – № 3. – С. 88-114.

Бирюкович Р.М. Именование ситуации существования и обладания в языках различных структурных типов / Р.М. Бирюкович // Номинативные свойства языковых единиц. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. – С. 3-12.

Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка: Учебник. Для студентов филол. ф-тов ун-тов и ф-тов. англ. яз. педвузов / М.Я. Блох. – М.: Высшая школа, 1983. – 383 с.

Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В.В. Богданов. – Л.: ЛГУ, 1977. – 204 с.

Богданов В.В. Залог и семантика предложения / В.В. Богданов // Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – С. 37-42.

Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики / В.А. Богородицкий. – М. – Л.: Соцэкгиз, 1935. – 354 с.

Богушевич Д.Г. Основные положения композиционного синтаксиса / Д.Г. Богушевич // Этапы становления композиционного синтаксиса: проблемы и задачи: сб. науч. ст. / редкол.: Д.Г. Богушевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск: МГЛУ, 2010. – С. 45-55.

Болдырев Н.Н. Теоретическая грамматика современного английского языка / Н.Н. Болдырев, Н.А. Кобрина, А.А. Худяков. – М.: Высшая школа, 2007. – 368 с.

Болла К. Курс современного русского языка / К. Болла, Э. Палл, Ф. Папп. – Будапешт, 1977. – 670 с.

Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1978. – 176 с.

Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1983. – 208 с.

Бондарко А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.

Бондарко А.В. К теории функциональной грамматики / А.В. Бондарко // Проблемы функциональной грамматики. – М., 1985. – С. 16-29.

Бондарко А.В. Семантика лица / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – Л.: Наука, 1991. – С. 5-10.

Бондарко А.В. Переходность/непереходность глагола в системе субъектно-предикатно-объектных отношений // ТФГ. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определённость / неопределённость. – СПб.: Наука, 1992. – С. 114-125.

Бондарко А.В. Аспекты теории функциональной грамматики / А.В. Бондарко // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сб. докладов. Т. 1. / Под ред. Е. Е. Юркова, Н. О. Рогожиной. – СПб.: Политехника, 2003. – С. 25-33.

Бондарко А.В. Категориальные ситуации в функционально-грамматическом описании / А.В. Бондарко // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе: Сб. статей. – М.: Знак, 2004. – С. 36-52.

Бондарко А.В. Русский глагол / А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин. – Л.: Просвещение, 1967. – 191 с.

Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: Учебное пособие. – 2-е изд., испр. и доп. / Е.В. Бреус. – М.: УРАО, 2000. – 208 с.

Буланин Л.Л. Категория залога в современном русском языке / Л.Л. Буланин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 88 с.

Буланин Л. Л. Категория залога и функционально-семантическое поле залоговости / Л.Л. Буланин // Теоретические проблемы функциональной грамматики. Мат-лы Всероссийской научн. конф. – СПб.: ИЛИ РАН, 2001. – С. 179-188.

Булынина М.М. Глагольная каузация динамики синтаксического концепта (на материале русской и английской лексико-семантических групп глаголов перемещения объекта) / М.М. Булынина. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 212 с.

Бурлакова В. В. Синтаксические структуры современного английского языка / В.В. Бурлакова. – М.: Просвещение, 1984. – 160 с.

Буслаев Ф.И. Историческая грамматика / Ф.И. Буслаев. – М., 1959. – 624 с.

Вагнер В. Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа: Фонетика. Графика. Словообразование. Структуры предложений, порядок слов. Части речи: Учеб. пособие / В.Н. Вагнер. – М.: ВЛАДОС, 2001. – 384 с.

Вагнер В. Н. Синтаксис русского языка как иностранного и его преподавание: Учебное пособие / В.Н. Вагнер. – М.: Флинта; Наука, 2005. – 167 с.

Вайс Д. Евразийский облик посессора в современном русском языке / Д. Вайс // Типологические обоснования в грамматике. – М., 2004. – С. 99-118.

Вайс Д. Смысловый потенциал посессивного отношения и его текстуальная обусловленность в современном русском языке / Д. Вайс // Сокровенные

смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 283-295.

Ван Валин Р. Референциально-ролевая грамматика / Р. Ван Валин, У. Фоли // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. – М.: Прогресс, 1982. – С. 376-410.

Васильев Л.М. Семантические модели предложения / Л.М. Васильев // Исследования по семантике. – Уфа: БГУ, 1976. – С. 125-128.

Васильев Л.М. Семантика русского глагола / Л.М. Васильев. – М.: Высшая школа, 1981. – 184 с.

Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика / Л.М. Васильев. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.

Васильев Л. М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Вып. 1 / Л.М. Васильев. – Уфа: Восточный ун-т, 2000. – 200 с.

Величко А.В. Простое предложение. Опыт семантического описания / А.В. Величко, Ю.А.Туманова, О.В.Чагина. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 118 с.

Величко А.В. Система работы над русским предложением в иноязычной аудитории / А.В. Величко, О.В. Чагина. – М.: Русский язык, 1987. – 150 с.

Веренк Ж. Диатеза и конструкции с глаголами на -ся / Ж. Веренк // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 286-302.

Верхотурова Т.Л. Наблюдаемость в языке (на материале русских и английских перцептивных глаголов) / Т.Л. Верхотурова // Вопросы когнитивной лингвистики. – № 2-3, 2004. – С. 14-27.

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.

Виноградов В.Д. Роль функциональной грамматики при обучении русскому языку как иностранному / В.Д. Виноградов // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Методика преподавания русского языка: традиции и перспективы. Том III. Лингвострановедческие основы обучения русскому языку как иностранному. – СПб.: Политехника, 2003. – С. 244-249.

Вишнякова О.Д. Функционально-когнитивная парадигма как сфера концентрации лингвистической мысли в наступившем столетии / О.Д. Вишнякова // Филол. науки. – 2003. – № 6. – С. 36-42.

Володина Г.И. Описание семантических классов предложений в целях преподавания русского языка как неродного / Г.И. Володина / Под ред. В.А. Белошапковой. – М., 1989. – 128 с.

Володина Г.И. Синтаксические варианты предложений как средство передачи субъективных смыслов (в произведениях А. С. Пушкина) / Г.И. Володина // Слово. Грамматика. Речь. – М.: ПАИМС, 1999. – С. 94-101.

Волохина Г.А. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г.А. Волохина, З.Д. Попова. – Воронеж, 1999. – 131 с.

Воронина Д.Д. Типы агенса и значения определённости, неопределённости и обобщённости / Д.Д. Воронина // Филологические науки. – 1975. № 4. – С. 74-82.

Воронцова Г.Н. Очерки по грамматике английского языка / Г.Н. Воронцова. – М.: ИЛИЯ, 1960. – 399 с.

Востоков В.В. Система грамматических значений простого предложения в современном русском языке / В.В. Востоков. Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2000. – 409 с.

Всеволодова М.В. Практикум по курсу «Функционально-коммуникативный синтаксис» / М.В. Всеволодова. – М.: ИПО «Лев Толстой», 1995. – 112 с.

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник / М.В. Всеволодова. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 502 с.

Всеволодова М.В. Русская грамматика XXI века – грамматика языка функционирующего (наше представление о языке; задачи и перспективы) / М.В. Всеволодова // Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. Варна, 17-23 сентября 2007 г. – Т. 1. Новое в системно-структурном описании современного русского языка / под ред. А.А. Градинаровой. – Sofia: Heron press, 2007. – С. 65-73.

Всеволодова М.В. Об одном классе именных синтаксем (у + род. пад.) / М.В. Всеволодова // Мультиязычно-смысловые параметры грамматики и текста. – М.: РАН, Ин-т русского языка, 2002. – С. 101-108.

Всеволодова М.В. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений / М.В. Всеволодова, О.Ю. Дементьева. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. – 176 с.

Вутен С. Прикасаясь к телу, трогаешь душу: как прикосновение влияет на природу человеческого бытия / С. Вутен. – М.: Совершенство, 1998. – 80 с.

Габдуллин С.С. Функционально-семантическое поле залоговости в немецком и русском языках / С.С. Габдуллин. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Башк. гос. ун-т: Уфа, 2006. – 18 с.

Гаврилова В.И. Развитие страдательного значения у предикативных форм возвратных глаголов совершенного вида / В.И. Гаврилова // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, филол. ф-т, 20-23 марта 2010): Труды и материалы / Сост. М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 819-820.

Гаврилова Г. Ф. Предложение-высказывание в когнитивном аспекте / Г.Ф. Гаврилова // НДВШ. Филол. науки. 2001. № 6. – С. 72-78.

Гайсина Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке / Р.М. Гайсина. – Саратов: СГУ, 1981. – 195 с.

Гайсина Р.М. Синтаксис современного русского языка. Часть 1. / Р.М. Гайсина. – Уфа: БашГУ, 2001. – 282 с.

Гайсина Р.М. Язык. Философия. Семантика. Синтаксис. Избранные труды / Р.М. Гайсина. – Уфа: БашГУ, 2008. – 437 с.

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. (На материале французского и русского языков) / В.Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.

Гак В.Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка / В.Г. Гак // Проблемы функциональной грамматики. – М.: Наука, 1985. – С. 5-15.

Гак В.Г. Пространство времени / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Язык и время. – М.: Индрик, 1997. – С. 122-130.

Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.

Гак В. Г. Русский язык в сопоставлении с французским. Изд. 3-е, испр. / В.Г. Гак. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 263 с.

Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2004. – 862 с.

Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке / Е.М. Галкина-Федорук. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1958. – 332 с.

Гиро-Вебер М. Устранение подлежащего в русском предложении / М. Гиро-Вебер // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1984, № 6. – С. 551-556.

Гиро-Вебер М. Семантика глаголов прикосновения во французском и русском языках: *toucher*, касаться, трогать / М. Гиро-Вебер, И. Микаэлян // Логический анализ языка. Языки динамического мира. – Дубна, 1999. – С. 18-35.

Гладров В. К типологии простого предложения в русском языке / В. Гладров // Актуальные проблемы русского синтаксиса. – М.: МГУ, 1984. – С. 36-41.

Гладров В. Семантика и выражение определённости / неопределённости / В. Гладров // ТФГ. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определённость / неопределённость. – СПб.: Наука, 1992. – С. 232-266.

Гладров В. Функциональное описание русского предложения / В. Гладров // Русский язык как иностранный: специфика описания, теория и практика преподавания в России и за рубежом: Тезисы докладов Международной конференции (Москва, филологический факультет МГУ, 4-6 декабря 2001 г.). – М.: МГУ, 2001а. – С. 85-86.

Гладров В. Функциональная грамматика и сопоставительная лингвистика / В. Гладров // Исследования по языкознанию: Сб. статей к 70-летию А.В. Бондарко. – СПб.: СПбГУ, 2001б. – С. 67-78.

Глушак Т.С. Основные тенденции в семантизации синтаксиса / Т.С. Глушак // *Arg grammatica*. Грамматические исследования: тезисы докладов 4-й Международной научной конференции. Минск, 2-3 ноября 2010 г. / Минский гос. лингвист. ун-т; редкол.: Д.Г. Богушевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск: МГЛУ, 2010. – С. 11-15.

Гольдберг В.Б. Структурные связи в лексико-семантическом поле языка / В.Б. Гольдберг. – Тамбов, 2000. – 232 с.

Горохова И.М. Пособие по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков / И.М. Горохова, Н.А. Филиппова. – М.: Высшая школа, 1985. – 191 с.

Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. – М.: АН СССР, 1954. – Ч. 1. – 704 с. – Ч. 2. – 444 с.

Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с.

Гулыга Е.В. Грамматика немецкого языка. Учебник / Е.В. Гулыга, М.Д. Натанзон. – М.: Изд-во «Менеджер», 2008. – 400 с.

Гуревич В.В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков: Учебное пособие / В.В. Гуревич. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 168 с.

Гухман М.М. О происхождении возвратных конструкций / М.М. Гухман // Язык и мышление. – М. – Л., 1948. – С. 104-133.

Гухман М.М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках / М.М. Гухман. М., 1964. – 294 с.

Данков В.Н. Историческая грамматика русского языка. Выражение залоговых отношений у глагола / В.Н. Данков. – М.: Высшая школа, 1981. – 112 с.

Дедова О. М. Предложения обладания в медико-биологических текстах / О.М. Дедова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2002. – 22 с.

Диди-Юberman Ж. То, что мы видим, то, что смотрит на нас / Ж. Диди-Юberman. – СПб.: Наука, 2001. – 264 с.

Додиченко Е.А. Глагольные предложения со значением обладания в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Додиченко. – Саратов, 2001. – 18 с.

Долинина И.Б. Синтаксически значимые категории английского глагола / И.Б. Долинина. – Л.: Наука, 1989. – 216 с.

Долинина И.Б. Конструкции с посессивными актантами / И.Б. Долинина // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996. – С. 127-137.

Дорофеева Т. М. 53 модели русской грамматики / Т.М. Дорофеева, М.Н. Лебедева. – М., 1996. – 280 с.

Дручинина Г.П. Предложения с локативным субъектом / Г.П. Дручинина // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. – М., 2002. – С. 152-158.

Дэжё Л. Типологическая характеристика русской грамматики в сопоставлении с венгерской. Простое предложение / Л. Дэжё. – Будапешт, 1984. – 264 с.

Ельмслев Л. О категориях личности – неличности и одушевленности – неодушевленности / Л. Ельмслев // Принципы типологического анализа языков различного типа. – М.: Наука, 1972. – С. 134-152.

Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. – 404 с.

Жигадло В.Н. Современный английский язык: теоретический курс грамматики / В.Н. Жигадло, И.П. Иванова, Л.Л. Иофик. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1956. – 350 с.

Заметалина М. Н. Функционально-семантическое поле как феномен языка и речи: Учеб. пособие по спецкурсу / М.Н. Заметалина. – Волгоград: Перемена, 2004. – 88 с.

Зарецкая Е.Н. Типология глагольного формообразования (На материале русского, английского и венгерского языков). – М.: Академический проект, 2001. – 158 с.

Зеленецкий А.Л. Сравнительная типология немецкого и русского языков / А.Л. Зеленецкий, П.Ф. Монахов. – М.: Просвещение, 1983. – 240 с.

Зеленецкий А.Л. Сравнительная типология основных европейских языков: Учеб. пособие для студ. лингв. ф-тов высших учеб. заведений / А.Л. Зеленецкий. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 252 с.

Зимек Р. Понимание пассивной перспективы предложения в чешской лингвистике / Р. Зимек // Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – С. 79-87.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 352 с.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1982. – 368 с.

Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: Наука, 2004. – 542 с.

Ибрагимова Д.А. Некоторые парадигматические особенности глаголов зрительного восприятия / Д.А. Ибрагимова. – Вопросы грамматического строя языка. – Вып. 100. – М., 1976. – С. 88-100.

Иванова В.И. Предложение, высказывание: системно-функциональный аспект / В.И. Иванова: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Тверь, 2001. – 37 с.

Иванова Е.Ю. Логико-семантические типы предложений: Неполные речевые реализации / Е.Ю. Иванова. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2003. – 208 с.

Иванова И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов. – М.: Высшая школа, 1981. – 285 с.

Иванова Л.П. Структурно-функциональный анализ простого предложения / Л.П. Иванова. – Киев: Вища шк., 1991. – 166 с.

Иванова Т.А. Некоторые аспекты сопоставительного анализа посессивных конструкций / Т.А. Иванова // Славянская филология. – 1975 а. – Вып. 3. – С. 148-152.

Иванова Т.А. О содержании категории притяжательности / Т.А. Иванова // Вестник ЛГУ. Сер. История, язык, литература. – 1975 б. – Вып. 2. – С. 171-174.

Иванова-Мицевич И.В. Денотативная область вербального информирования и особенности её отражения в английском предложении / И.В. Иванова-Мицевич. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 2008. – 24 с.

Иванова-Мицевич И.В. Семантика английского предложения сквозь призму теории композиционного синтаксиса / И.В. Иванова-Мицевич // Этапы становления композиционного синтаксиса: проблемы и задачи: сб. науч. ст. / редкол.: Д.Г. Богусевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск: МГЛУ, 2010. – С. 128-142.

Ильина В.Ф. Субъектно-объектные отношения и их изменение / В.Ф. Ильина // Язык и общество в синхронии и диахронии. – Саратов: СГУ, 2005. – С. 254-260.

Исследования по сопоставительной типологии языков: межвуз. сб. науч. тр. – М.: МГПИ, 1982. – 165 с.

Казарина В.И. История и теория синтаксиса / В.И. Казарина. – Елец: ЕГУ им. А.И. Бунина, 2005. – 267 с.

Казарина В.И. Современный русский синтаксис. Структурная организация простого предложения. Учебное пособие / В.И. Казарина. – Елец: ЕГУ им. А.И. Бунина, 2007. – 337 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Изд. 6-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 264 с.

Категории бытия и обладания в языке. – М., 1977. – 259 с.

Категория посессивности в славянских и балканских языках. – М.: Наука, 1989. – 264 с.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.

Кашкин В.Б. Факторная модель грамматического действия и перевод / В.Б. Кашкин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 2. – С. 62-67.

Кибрик А.Е. Русский синтаксис в свете когнитивной сферы «посессивности» / А.Е. Кибрик // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / Под общ. ред. М.Л. Ремнёвой и А.А. Поликарпова. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 100.

Кибрик А.Е. Внешний посессор в русском языке / А.Е. Кибрик // Константы и переменные языка. – СПб.: Алетейя, 2003. – С. 307-319.

Кибрик А.Е. Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования / А.Е. Кибрик, М.М. Брыкина, А.П. Леонтьев, А.Н. Хитров // Вопросы языкознания, 2006. – № 1. – С. 16-45.

Кильдибекова Т.А. Глаголы действия в современном русском языке. Опыт функционально-семантического анализа / Т.А. Кильдибекова. – Саратов: СарГУ, 1985. – 158 с.

Кириллова В.А. О «конструктивных» элементах безличных предложений (типа *снегом занесёт – занесло дорогу*) / В.А. Кириллова // Исследования по современному русскому языку. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – С. 90-95.

Кириллова В.А. Структурно-семантические особенности предложений, репрезентирующих ситуации слухового и зрительного восприятия / В.А. Кириллова, Н.Б. Примова // Идеографические аспекты русской грамматики. – М.: МГУ, 1988. – С. 116-125.

Клауди К. Выбор залога при переводе с венгерского на русский / К. Клауди // Язык и текст. Lingua. 808. 2. – Будапешт, 1986. – С. 5-14.

Клобуков Е.В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. (Введение в методику позиционного анализа) / Е.В. Клобуков. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 117 с.

Клобуков Е.В. О соотношении центра и периферии в функционально-семантическом поле персональности / Е.В. Клобуков // Традиционное и новое в русской грамматике. Сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой / Сост. Т.В. Белошапкова, Т.В. Шмелёва. – М.: Индрик, 2001. – С. 107-118.

Книга о грамматике: Русский язык как иностранный: Учеб. пособие / Под ред. А.В. Величко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 816 с.

Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе / Ю.П. Князев. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 704 с.

Кобрина Н.А. Грамматика современного английского языка: Морфология; Синтаксис: Учебное пособие для студентов пед. ин-тов и ун-тов / Н.А. Кобрина, Е.А. Корнеева, М.И. Оссовская, К.А. Гузеева. – СПб.: Лениздат. Союз, 2006. – 496 с.

Ковалева Л.М. Проблема структурно-семантического анализа простой глагольной конструкции в современном английском языке / Л.М. Ковалева. – Иркутск: ИГЛУ, 1987. – 221 с.

Козельская Н.А. Компонентная структура глаголов одной ЛПР конкретного физического действия / Н.А. Козельская // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983. – С. 56-61.

Козюра Т.Н. О некоторых особенностях выражения субъектно-объектных отношений предложениями с глаголами восприятия и умственного действия в русском и французском языках / Т.Н. Козюра, В.Ю. Копров // Научн. вестник Воронеж. гос. архитектурно-строительного ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Вып. 1. – Воронеж, 2006. – С. 83-89.

Козюра Т.Н. Возвратность в семантико-функциональном поле залоговости (на материале предложений с глаголами зрительного восприятия в русском и французском языках) / Т.Н. Козюра. Дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2007. – 151 с.

Кокорина С.И. Специфически русские конструкции как предмет системного описания / С.И. Кокорина // Языковая системность при коммуникативном обучении. – М.: Русский язык, 1988. – С. 75-86.

Колпакова Н.Н. Некоторые особенности выражения посессивных отношений в угорских языках / Н.Н. Колпакова // Вопросы финно-угорской филологии. Вып. 6. – СПб.: СПбГУ, 1997. – С. 51-61.

Контрастивная и функциональная грамматика: межвуз. темат. сб. науч. тр. – Калинин: КГУ, 1987. – 163 с.

Копров В.Ю. О динамическом моделировании простого повествовательного предложения с глагольным сказуемым / В.Ю. Копров // Русский синтаксис. Известия ВГПИ. Т. 203. – Воронеж, 1979. – С. 43-47.

Копров В.Ю. Функционально-семантическое описание русских простых предложений с переходными глаголами физического действия. Дис. ... канд. филол. наук / В.Ю. Копров. – Воронеж, 1980. – 192 с.

Копров В.Ю. Выражение отношений обладания и принадлежности в современном русском языке. Методическая разработка для занятий по грамматике с иностранными учащимися / В.Ю. Копров. – Воронеж: ВГУ, 1983. – 24 с.

Копров В.Ю. О модели функционально-семантической грамматики русского языка / В.Ю. Копров // Studia Russica. XIII. – Budapest, 1989. – С. 19-32.

Копров В.Ю. Опыт типологии простого предложения с точки зрения категории залога и залоговости / В.Ю. Копров // Простое предложение: научный анализ и преподавание в школе и вузе. – Воронеж: ВГУ, 1990. – С. 41-49.

Копров В.Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков) / В.Ю. Копров. – Воронеж: ВГУ, 1999а. – 160 с.

Копров В.Ю. Номинативный аспект структурно-семантического устройства простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков) / В.Ю. Копров. Дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1999б. – 347 с.

Копров В. Ю. Сопоставительная типология предложения / В.Ю. Копров. – Воронеж: ВГУ, 2000. – 192 с.

Копров В. Ю. Изучение русских посессивных конструкций в англоязычной аудитории / В.Ю. Копров // Мир русского слова. – 2001. № 4. – С. 67-72.

Копров В.Ю. Русские предложения с возвратными глаголами и их соответствия в английском языке / В.Ю. Копров // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 5: Сб. научно-методических статей по преподаванию РКИ. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 128-134.

Копров В. Ю. Личность / безличность в лингвокультурологии и в грамматике разнотипных языков / В.Ю. Копров // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 1. – С. 79-85.

Копров В. Ю. Вариантные формы в русском языке: Учебное пособие для иностранных учащихся продвинутого этапа обучения / В.Ю. Копров. – 2-е изд., испр. – М.: Русский язык. Курсы, 2006. – 136 с.

Копров В.Ю. Типовое значение и актантная структура предложения / В.Ю. Копров // Acta Linguistica. Vol. 2 (2008), 1. – С. 3-10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://open.slavica.org/index.php/als/article/view/133/146>.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским / В.Ю. Копров. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Корди Е.Е. О грамматическом и лексическом значении взаимности / Е.Е. Корди // Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – С. 172-180.

Корнева Е.В. Возвратность как семантическая категория (на материале русского и немецкого языков) / Е.В. Корнева. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1996. – 19 с.

Королёв Э.И. О залогах русского глагола / Э.И. Королёв // Мысли о современном русском языке. – М., 1969. – С. 199-215.

Кострова О.А. Немецкий синтаксис: Лекции и практические задания. Учебное пособие / О.А. Кострова. – М.: Высшая школа, 2008. – 223 с.

Краевская Н.М. Прагматические основания создания функционально-сопоставительных грамматик на примере сопоставительного изучения категории посессивности в русском и вьетнамском языках / Н.М. Краевская // Языковая системность при коммуникативном обучении: Сб. статей / под ред. О.А. Лаптевой, Н.А. Лобановой, Н.И. Формановской. – М.: Русский язык, 1988. – С. 44-56.

Красильникова Л.В. Структурные схемы (модели) простого предложения / Л.В. Красильникова // Книга о грамматике: Русский язык как иностранный: Учеб. пособие / Под ред. А.В. Величко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 17-28.

Красильникова Л.В. Выражение принадлежности / Л.В. Красильникова // Книга о грамматике: Русский язык как иностранный: Учеб. пособие / Под ред.

А.В. Величко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 575-581.

Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. – М.: Русский язык, 1989. – 639 с.

Крейдлин Г.Е. Невербальные акты и глаголы касания / Г.Е. Крейдлин // Слово в тексте и словаре: Сб. ст. к 70-летию акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: 2000. – С. 341-352.

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 581 с.

Кретов А.А. Организация лексико-семантической группы зрительного восприятия в индоевропейских языках / А.А. Кретов // Семантические категории сопоставительного изучения русского языка: Сб. науч. тр. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981а – С. 107-114.

Кретов А.А. Синтаксические особенности глаголов зрительного восприятия / А.А. Кретов // Синтаксические связи в русском языке. – Владивосток: ДВГУ, 1981б. – С. 144-153.

Кривченко Е.Л. Предложение как средство событийной номинации / Е.Л. Кривченко. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1987. – 28 с.

Крушельницкая К.Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. – Изд. 3-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 272 с.

Крылова И.П. Грамматика современного английского языка: Учебник для институтов и факультетов иностранных языков / И.П. Крылова, Е.М. Гордон. – 4-е изд., испр. – М.: Книжный дом «Университет», 1999. – 448 с.

Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка / О.А. Крылова. – М., 1992. – 176 с.

Крючкова Л.С. Русский язык как иностранный: Синтаксис простого предложения: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Л.С. Крючкова. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – 464 с.

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1986. – 157 с.

Кузнецик Т.А. Речевое функционирование трёхчленного пассива в современном английском языке / Т.А. Кузнецик // Сб. науч. тр. МПИИЯ. – 1976. – № 104. – С. 51-55.

Куралёва И.Р. Коммуникативно-прагматические функции посессивной конструкции у кого есть что / И.Р. Куралёва // Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. Варна, 17-23 сентября 2007 г. Т. 1. – Sofia: Heron press, 2007. – С. 328-332.

Кустова Г.И. Вид, видимость, сущность (о семантическом потенциале слов со значением зрительного восприятия) / Г.И. Кустова // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 155-175.

Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.

Лариохина Н. М. Синтаксические синонимы в преподавании русского языка как иностранного / Н.М. Лариохина // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 3. – М., 2001. – С. 37-41.

Латышев Л.К. Лексико-семантическая сочетаемость глаголов «обладания» с именами существительными / Л.К. Латышев. Автореф. дис. ... канд. филол. наук – М., 1974. – 18 с.

Лебедева А.Л. Семантико-синтаксическая классификация русских предложений с возвратными глаголами касания / А.Л. Лебедева // Известия Российского гос. пед. ун-та имени А. И. Герцена. № 110: Общественные и гуманитарные науки (философия, история, социология, политология, культурология, искусствоведение, языкознание, литературоведение, экономика, право): Научный журнал. – СПб., 2009. – С. 201-204.

Лебедева А.Л. Семантика и функционирование предложений с глаголами касания / А.Л. Лебедева. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009. – 24 с.

Левицкий А.Э. Перспективы развития функционализма в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике / А.Э. Левицкий // *Ars grammatica*. Грамматические исследования: тезисы докладов 4-й Международной научной конференции. Минск, 2-3 ноября 2010 г. / Минский гос. лингвист. ун-т; редкол.: Д.Г. Богусевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск: МГЛУ, 2010. – С. 19-21.

Левицкий Ю.А. От высказывания к предложению, от предложения к высказыванию / Ю.А. Левицкий. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. – 194 с.

Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса / Ю.А. Левицкий. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2003. – 419 с.

Лекант П.А. Об изучении синонимии в простом предложении / П.А. Лекант // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. – М.: Русский язык, 1980. – С. 187-198.

Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. Учебн. пособие для вузов / под ред. В.Г. Костомарова и В.И. Максимова / П.А. Лекант. – М.: Гардарика, 2003. – 780 с.

Леонтьев А.А. К теоретическому обоснованию универсально-сопоставительной функциональной грамматики / А.А. Леонтьев // Проблемы функциональной грамматики: Тезисы конф. (Звенигород, 1-2 апреля 1983). – М., 1983. – С. 27-29.

Ломов А.М. Типология русского предложения / А.М. Ломов. – Воронеж: ВГУ, 1994. – 279 с.

Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории / Т.П. Ломтев. – М.: МГУ, 1972. – 197 с.

Ломтев Т.П. Структура предложения в современном русском языке / Т.П. Ломтев. М.: МГУ, 1979. – 198 с.

Майтинская К.Е. Венгерский язык / К.Е. Майтинская. – М.: Изд-во АН СССР. Часть 1. Введение. Фонетика. Морфология. – 1955. – 304 с.; Часть 2. Грамматическое словообразование. – 1959. – 226 с.; Часть 3. Синтаксис. – 1960. – 376 с.

Макуца Е.В. Структура и семантика предложений с глаголами физического восприятия в английском языке / Е.В. Макуца. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 2003. – 20 с.

Макуца Е.В. Вычленение и систематизация характеристик глаголов физического восприятия в английском языке как помощь в создании модели ситуа-

ции / Е.В. Макуца // Этапы становления композиционного синтаксиса: проблемы и задачи: сб. науч. ст. / редкол.: Д.Г. Богусевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск: МГЛУ, 2010. – С. 64-71.

Малашенко В.П. Слово в синтаксисе: Избранные труды / В.П. Малашенко; сост.: Т.В. Милевская, Н.О. Григорьева. – Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2004. – 368 с.

Малашенко В.П. Ещё раз о понятии основы предложения / В.П. Малашенко, Т.В. Милевская // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, филол. ф-т, 20-23 марта 2010): Труды и материалы / Сост. М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 431.

Маркот Я.И. Семантико-синтаксическая структура предложений с глаголами физического воздействия в современном английском языке / Я.И. Маркот. Дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1990. – 220 с.

Мароевич Р. Посессивные конструкции в русском языке (история развития и современное состояние) / Р. Мароевич // Филологические науки. – 1983. – № 5. – С. 57 – 61.

Мельчук И.А. О синтаксическом нуле / И.А. Мельчук // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залог. – Л.: Наука, 1974. – С. 343-361.

Мельчук И. А. Определение категории залога и исчисление возможных залогов: 30 лет спустя / И.А. Мельчук // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе: Сб. статей. – М.: Знак, 2004. – С. 286-314.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – СПб.: Ювента; Наука, 1999. – 605 с.

Месеняшина Л.А. О корреляции между оформлением предикатного актанта и семантикой главного глагола (на материале русских конструкций с глаголами восприятия и мышления) / Л.А. Месеняшина // Типология конструкций с предикатными актантами. – Л.: Наука, 1985. – С. 138-140.

Милославский И. Г. Краткая практическая грамматика русского языка / И.Г. Милославский. – М.: Русский язык, 1987. – 284 с.

Моисеев А.И. О категории залога в русском языке (к постановке вопроса) / А. И. Моисеев // Учен. зап. ЛГУ. № 235. Сер. филол. наук, вып. 38. – Л., 1958. – С. 209-211.

Моисеева С.А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках / С.А. Моисеева. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – 248 с.

Моисеева С.А. Полиmodalность глаголов восприятия (на материале французского языка) / С.А. Моисеева // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2006. – Вып. 9. – Ч. II. – С.83-89.

Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. На материале немецкого языка / О.И. Москальская. – М.: Высшая школа, 1974. – 156 с.

Москальская О.И. Синтаксическая парадигматика и деривация / О.И. Москальская // Проблемы общего и германского языкознания. М.: МГУ, 1978. – С. 71-78.

Московкин Л.В. Оптимизация обучения иностранных студентов-нефилологов грамматическому аспекту русского языка / Л.В. Московкин. Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – СПб., 1999. – 46 с.

Мурзин Л.Н. Возвратная конверсия предложения / Л.Н. Мурзин // Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – С. 118-122.

Мустайоки А. Возможна ли грамматика на семантической основе? / А. Мустайоки // Вопр. языкознания. – 1997. – № 3. – С. 15-25.

Мустайоки А. Функциональный синтаксис как основа сопоставления языков / А. Мустайоки // *Studia Slavica Finlandensia*. Т. XX. – Helsinki, 2003. – С. 100-127.

Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам / А. Мустайоки. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 512 с.

Мухин А. М. Функциональный синтаксис / А.М. Мухин. – СПб.: Наука, 1999. – 194 с.

Недялков В.П. Заметки по типологии рефлексивных деагентивных конструкций / В.П. Недялков // Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – С. 28-37.

Недялков В.П. Типология взаимных конструкций / В.П. Недялков // ТФГ: Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991. – С. 276-312.

Недялков В.П. Заметки по типологии выражения реципрокального и рефлексивного значений (в аспекте полисемии реципрокальных показателей) / В.П. Недялков // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе: Сб. статей. – М.: Знак, 2004. – С. 348-357.

Нестер Н.А. Семантико-синтаксические основания реализации глагольного значения взаимности в английском предложении / Н.А. Нестер. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 2006. – 19 с.

Низяева Г.Ф. Неопределённо-личные предложения в современном русском языке. (Семантико-грамматическая организация) / Г.Ф. Низяева. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1972. – 26 с.

Никитин М.П. К вопросу об образованиях зрительных восприятий / М.П. Никитин // Психологический журнал. – Том 6. – № 3, 1985. – С. 14-21.

Николова А. О функциональной модели описания языка / А. Николова // Предложение. Текст. Речевое функционирование языковых единиц. Межвуз. сб. научн. тр. Вып. 2. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2003. – С. 17-27.

Новожёнова З.Л. Русское глагольное предложение: структура и семантика / З.Л. Новождёнова. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 2001. – 51 с.

Новожёнова З.Л. Структурно-семантические типы предложений / З.Л. Новождёнова // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Грамматика / Под ред. О.Б. Сиротининой. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 232-260.

Норман Б. Ю. Переходность, залог, возвратность / Б. Ю. Норман. – Минск: Изд-во БГУ, 1972. – 132 с.

Норман Б. Ю. Грамматика говорящего / Б.Ю. Норман. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. – 229 с.

Норман Б. Ю. Возвратные глаголы-неологизмы в русском языке и синтаксические предпосылки их образования / Б.Ю. Норман // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе: Сб. статей. – М.: Знак, 2004. – С. 394-406.

Обнорский С.П. Возвратные глаголы на -ся в русском языке / С.П. Обнорский // Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка. – Т. XIX. Вып. 1. – М., 1960. – С. 19-21.

Овсянико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка / Д.Н. Овсянико-Куликовский. – СПб.: Изд-во И.А. Куликовской, 1912. – 322 с.

Озеров Н.Н. Краткий курс синтаксиса русского языка: простое предложение / Н.Н. Озеров. – М., 2006. – 112 с.

Онипенко Н.К. Идея субъектной перспективы в русской грамматике / Н.К. Онипенко // Русистика сегодня. – 1994. – № 3. – С. 74-83.

Павлов В.М. Противоречия семантической структуры безличных предложений в русском языке / В.М. Павлов. – СПб., 1998. – 184 с.

Падучева Е.В. Наблюдатель как Эксперимент «за кадром» / Е.В. Падучева // Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С.185-201.

Падучева Е.В. К структуре семантического поля «восприятия» (на материале глаголов восприятия в русском языке) / Е.В. Падучева // Вопросы языкознания. – 2001. – № 4. – С. 23-44.

Панде Х. Ч. К семантике есть в локативных и посессивных конструкциях / Х.Ч. Панде // Russian Linguistics. – 1981. № 5. – Р. 291-299.

Панкина М.Ф. Формирование семантических структур в лексической системе языка: на материале русского и немецкого лексико-семантических полей «кинетическое состояние агенса» / М.Ф. Панкина. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. – 192 с.

Панков Ф.И. Функционально-коммуникативная грамматика как основа лингводидактической модели русского языка / Ф.И. Панков // Мир русского слова и русское слово в мире. Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. Варна, 17-23 сентября 2007 г. – Т.1. Новое в системно-структурном описании современного русского языка / под ред. А.А. Градинаровой. – Sofia: Heron Press, 2007. – С. 190-197.

Пахомова Е.А. Функционально-семантический анализ способов передачи немецкой пассивной конструкции на русский язык / Е.А. Пахомова // Сопоставительный функционально-семантический анализ языковых единиц : межвуз. сб. науч. тр. / Куйбышев. гос. пед. ин-т. – Куйбышев, 1987. – С. 82-87.

Перельмутер И.А. Семантическое определение залога / И.А. Перельмутер // Вопр. языкознания. – 1987. – № 6. – С. 10-20.

Перцов Н.В. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии / Н.В. Перцов // Вопр. языкознания. – 2003. – № 4. – С. 43-71.

Петров А.В. Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка / А.В. Петров; научн. ред. П.А. Лекант. – Архангельск: Поморский ун-т, 2007. – 295 с.

Пешехонова Н.А. Предложения со значением созидания объекта в результате физического труда: структура, семантика, функционирование / Н.А. Пешехонова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Елец, 2008. – 20 с.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1938. – 452 с.

Плоткин В.Я. Строй английского языка / В.Я. Плоткин. – М.: Высшая школа, 1989. – 239 с.

Попов А.С. Синтаксис современного русского языка. Конспекты лекций / А.С. Попов. – Глазов: ГГПИ, 2005. – 130 с.

Попова З.Д. Употребление падежных и предложно-падежных форм в современном русском литературном языке / З.Д. Попова. – Воронеж, 1971. – 74 с.

Попова З.Д. Структурная схема простого предложения и позиционная схема как разные уровни синтаксического анализа / З.Д. Попова // Словарь. Грамматика. Текст. – М.: Наука, 1996. – С. 225-268.

Попова З.Д. Минимальные и расширенные структурные схемы простого предложения как однопорядковые знаки пропозитивных концептов / З.Д. Попова // Традиционное и новое в русской грамматике. Сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой / Сост. Т.В. Белошапкова, Т.В. Шмелёва. – М.: Индрик, 2001. – С. 219-226.

Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З.Д. Попова. – Воронеж: Изд-во Истоки, 2009. – 209 с.

Попова И.Н. Грамматика французского языка / И.Н. Попова, Ж.Н. Казакова. – М., 2001. – 480 с.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. – Т. 1–2. – М., 1958. – 536 с.; Т. 3. – М., 1968. – 551 с.; Т. 4. – М., 1977. – 406 с.

Почепцов Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложения / Почепцов. – Киев: Вища шк., 1971. – 192 с.

Проблемы сопоставительного изучения английского, французского и русского языков: межвуз. сб. науч. тр. – Ростов н/Д, 1984. – 87 с.

Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – 288 с.

Проблемы функциональной грамматики. – М.: Наука, 1985. – 200 с.

Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса. – СПб.: Наука, 2000. – 346 с.

Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. – СПб.: Наука, 2005. – 480 с.

Пупынин Ю.А. О типах субъекта в русских пассивных и активных конструкциях / Ю.А. Пупынин // Функциональный анализ грамматических форм и конструкций. – Л., 1988. – С. 114-129.

Пупынин Ю.А. Безличный предикат и субъектно-объектные отношения в русском языке / Ю.А. Пупынин // Вопр. языкознания. – 1992. – № 1. – С. 48-63.

Распопов И.П. Строение простого предложения в русском языке / И.П. Распопов. – М.: Просвещение, 1970. – 191 с.

Распопов И.П. Очерки по теории синтаксиса / И.П. Распопов. – Воронеж: ВГУ, 1973. – 220 с.

Распопов И.П. Спорные вопросы синтаксиса. Ростов н/Д, 1981. – 128 с.

Рахманкулова И.–Э.С. Практическая функциональная грамматика немецкого языка (интенсивный курс): Учеб. пособие / И.–Э.С. Рахманкулова. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2005. – 226 с.

Реферовская Е.А. Теоретическая грамматика современного французского языка. Ч. I. Морфология и синтаксис частей речи (на фр. яз.) / Е.А. Реферовская, А.К. Васильева. – М.: Просвещение, 1982. – 400 с.

Ронаи Г. К вопросу об абсолютном употреблении переходных глаголов / Г. Ронаи // *Studia Russica*. X. – Budapest, 1986. – С. 179-187.

Ружичка Р. Несколько соображений о теоретических понятиях «залог» и «диатеза» / Р. Ружичка // Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – С. 16-22.

Русская грамматика / V. Barntröva, H. Běličová, O. Leška, Z. Skoumalová, V. Starková. – Praha: Academia, nakladatelství Československé akademie věd., 1979. – 664 с.

Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – 709 с.

Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 462 с.

Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки / Ю.А. Рылов. – М.: Гнозис, 2006. – 304 с.

Рылов Ю.А. Очерки сопоставительного изучения синтаксиса испанского и русского языков / Ю.А. Рылов, Г.А. Бессарабова. – Воронеж: Воронеж. пед. ун-т, 1997. – 187 с.

Савосина Л.М. О нерешённых аспектах актуального членения предложения и их значимости в преподавании русского языка как иностранного / Л.М. Савосина // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, филол. ф-т, 20-23 марта 2010): Труды и материалы / Сост. М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 623-624.

Сай С.С. Прагматически обусловленные возвратные конструкции «опущенного объекта» в русском языке / С.С. Сай // *Вопр. языкознания*. – 2007. – № 2. – С. 75-91.

Сальников Н. Безличные предложения типа «Крышу сорвало ветром» / Н. Сальников // *Russian linguistics*. Dordrecht – Boston, 1977, vol. 3, № 3-4.

Светлик Я. Синтаксис русского языка в сопоставлении со словацким / Я. Светлик. – Братислава: Словацкое педагогическое изд-во, 1970. – 352 с.

Селезнёва Г.Я. Ряды и серии устойчивых сочетаний глаголов созидания с существительными в винительном падеже / Г.Я. Селезнёва. Дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1987. – 192 с.

Селиверстова О.Н. Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом быть / О.Н. Селиверстова // *Вопросы языкознания*. – 1973. – № 5. – С. 95-105.

Селиверстова О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика: Опыт описания / О.Н. Селиверстова. – М.: Наука, 1990. – 152 с.

Селиверстова О.Н. Пространственно-экзистенциальные предложения в русском и английском языках (их соотношение и перевод) / О.Н. Селиверстова, А. Д. Швейцер // *Текст и перевод*. – М.: Наука, 1988. – 246 с.

Семантические типы предикатов / Отв. ред. О.Н. Селиверстова. – М.: Наука, 1982. – 365 с.

Сидорова М.Ю. Современный русский язык. Синтаксис: Сборник упражнений к «Коммуникативной грамматике» / М.Ю. Сидорова. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2001. – 131 с.

Сий Э. Курс венгерского языка / Э. Сий. – Будапешт, 1979. – 630 с.

Сильницкий Г.Г. Глагольная валентность и залог / Г.Г. Сильницкий // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. – Л.: Наука, 1974. – С. 54-72.

Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс) / Е.С. Скобликова. – М.: Флинта, 2006. – 320 с.

Скорикова Т. П. Теория функционально-семантического поля и проблема соотношения системности – функциональности – коммуникативности / Т.П. Скорикова // Языковая системность при коммуникативном обучении: Сб. статей. – М.: Русский язык, 1988. – С. 86-95.

Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка / А.И. Смирницкий. – М., 1957. – 284 с.

Смирницкий А.И. Морфология английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1959. – 440 с.

Смирницкий А.И. Очерки по сопоставительной грамматике русского и английского языков / А.И. Смирницкий. – М.: Высшая школа, 1975. – 380 с.

Современный русский язык: учебник / П.А. Лекант, Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин и др.; под ред. П.А. Леканта. – М.: Дрофа, 2000. – 560 с.

Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. – М.: Высшая школа, 1981. – 559 с.

Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. – 3-е изд. / Л.А. Новиков, Л.Г. Зубкова, В.В. Иванов и др.; под общ. ред. Л.А. Новикова. – СПб.: Изд-во «Лань», 2001. – 864 с.

Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку: сб. ст. – М.: Наука, 1987. – 238 с.

Способы именования ситуаций экстралингвистической действительности / Под ред. Е.Л. Кривченко. – Саратов: Изд-во «Стило», 2006. – 134 с.

Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. (Семиологическая грамматика) / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1981. – 360 с.

Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1989. – 248 с.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика / И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2004. – 189 с.

Структурный синтаксис английского языка. – Л.: ЛГУ, 1972. – 176 с.

Сулейманова О.А. Проблемы русского синтаксиса: Семантика безличных предложений / О.А. Сулейманова. – М., 1999. – 222 с.

Сусов И.П. Семантическая структура предложения. На материале простого предложения в современном немецком языке / И.П. Сусов. – Тула, 1973. – 141 с.

Сусов И.П. Семантика и прагматика предложения / И.П. Сусов. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. – 51 с.

Сушкова И.М. Функционально-семантическое поле принадлежности как средство выражения концепта «посессивность» (на материале русского и английского языков) / И.М. Сушкова // Поиск. Опыт. Мастерство. Актуальные вопросы обучения иностранных студентов. Сб. статей. Вып. 7. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003. – С. 132-139.

Сушкова И.М. Принадлежность в семантико-функциональном поле посессивности (на материале русского и английского языков) / И.М. Сушкова. Дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2007. – 185 с.

Сюткина М.Ю. Межкатегориальные связи экзистенциальных и посессивных конструкций (на материале английского и русского языков) / М.Ю. Сюткина. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2004. – 24 с.

Сыкало О.А. Семантико-синтаксический аспект посессивности в английском языке / О.А. Сыкало. Дис. канд. ... филол. наук. – Минск, 2008. – 130 с.

Сыкало О.А. Структура английского предложения с посессивным глаголом / О.А. Сыкало // Этапы становления композиционного синтаксиса: проблемы и задачи: сб. науч. ст. / редкол.: Д.Г. Богусевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск: МГЛУ, 2010. – С. 159-170.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.

Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991. – 369 с.

Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определённость / неопределённость. – СПб.: Наука, 1992. – 304 с.

Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996. – 229 с.

Тимофеев К.А. К вопросу о залогах русского глагола / К.А. Тимофеев // Русский язык в школе. – 1958. – № 2. – С. 16-22.

Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. – Л.: Наука, 1974. – 383 с.

Титова Л.А. Типология научных текстов медико-биологического профиля / Л.А. Титова // Русский язык как иностранный: специфика описания, теория и практика преподавания в России и за рубежом. Тезисы докл. Международной конф. (Москва, филол. ф-т МГУ, 4-6 дек. 2001 г.). – М.: МГУ, 2001. – С. 300-302.

Фёдоров А.К. Трудные вопросы синтаксиса / А.К. Фёдоров. – М.: Просвещение, 1972. – 239 с.

Фёдоров В.А. Семантические типы неопределённого лица и способы их выражения в простом предложении (на материале русского, немецкого, английского, польского и французского языков) / В.А. Фёдоров // Очерки по русско-немецкой контрастивной лингвистике (лексика, синтаксис). Воронеж, 1995. – С. 78-100.

Фёдорова Н.Н. Семантико-синтаксический потенциал глаголов перемещения в английском языке / Н.Н. Фёдорова. Дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1992. – 220 с.

Фёдорова Н.Н. К вопросу об аспектной структуре семантики предложения / Н.Н. Фёдорова // Этапы становления композиционного синтаксиса: проблемы и задачи: сб. науч. ст. / редкол.: Д.Г. Богушевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск: МГЛУ, 2010. – С. 91-102.

Фигуровская Г.Д. Полевые модели в синтаксисе / Г.Д. Фигуровская // Русский язык вчера, сегодня, завтра. – Воронеж: ВГУ, 2000. – С. 23-27.

Фигуровская Г.Д. Функциональная грамматика и синтаксические поля / Г.Д. Фигуровская // Проблемы изучения и преподавания языка: Межвуз. сб. науч. тр. – Елец: ЕГУ, 2001. – С. 3-17.

Филичева Н.И. Синтаксические поля. Пособие по грамматике немецкого языка для институтов и ф-тов иностр. яз.: Учеб. пособие / Н.И. Филичева. – М.: Высшая школа, 1977. – 213 с.

Формы безличности / под ред. П.А. Леканта; сост. А.В. Петров. – Архангельск: Поморский ун-т, 2006. – 188 с.

Фромм Э. Иметь или быть? / Э. Фромм – М.: Прогресс, 1986. – 393 с.

Функционирование безличных предложений / А.В. Петров, И.А. Нагорный, В.А. Лаврентьев и др.; под ред. А.В. Петрова. – Архангельск, 2009. – 155 с.

Фурс Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты / Л.А. Фурс. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Тамбов, 2004. – 36 с.

Фурс Л.А. Когнитивное моделирование синтаксиса / Л.А. Фурс // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 81-85.

Фюреди М. Синтаксические возможности выражения пассивного залога в венгерском языке. (Описание в рамках падежно-трансформационной грамматики) / М. Фюреди // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 27. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1977. – С. 287-304.

Химик В.В. Неопределённо-личное предложение и персональные ситуации неопределённости / В.В. Химик // Предложение и его структура в языке (русский язык). Межвуз. сб. науч. тр. – М.: МГПИ, 1986. – С. 47-55.

Химик В.В. Практический синтаксис русского языка. Учебно-методическое пособие для иностранных учащихся / В.В. Химик. – СПб.: Златоуст, 2001. – 92 с.

Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса / Н. Хомский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 259 с.

Холодович А.А. Типология пассивных конструкций / А.А. Холодович. – Л.: Наука, 1974. – 383 с.

Храковский В.С. Пассивные конструкции / В.С. Храковский // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. – Л.: Наука, 1974. – С. 5-45.

Храковский В.С. Залог и рефлексив / В.С. Храковский // Проблемы теории грамматического залога. – М.: Наука, 1978. – С. 50-61.

Храковский В.С. Концепция диатез и залогов (исходные гипотезы – испытание временем) / В.С. Храковский // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школы: Сб. статей. – М.: Знак, 2004. – С. 505-519.

Худяков А.А. Теоретическая грамматика английского языка: учеб. пособие для студ. филол. фак. и фак. ин. яз. высш. учеб. заведений / А.А. Худяков. – 3-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 256 с.

Цейтлин С.Н. Система синтаксических синонимов (на материале русского языка) / С.Н. Цейтлин // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках. – Л., 1979. – С. 77-88.

Циммерлинг А. В. Обладать и быть рядом / А.В. Циммерлинг // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 179-188.

Чагина О.В. Как сказать иначе? Работа над синтаксической синонимией русского языка в иностранной аудитории / О.В. Чагина. – М.: Русский язык, 1990. – 176 с.

Чагина О.В. Возвратные глаголы / О.В. Чагина // Книга по грамматике: Материалы к курсу «Русский язык как иностранный» / Под. ред. А.В. Величко. – 2-е изд. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 306-340.

Чагина О.В. Возвратные глаголы в русском языке. Описание и употребление: учебное пособие по русскому языку для иностранных учащихся / О.В. Чагина. – М.: Русский язык. Курсы, 2009. – 264 с.

Чейф У. Значение и структура языка / У. Чейф. – М.: Прогресс, 1975. – 436 с.

Чинчлей К.Г. Типология категории посессивности / К.Г. Чинчлей. – Кишинёв: Штиинца, 1990. – 155 с.

Чинчлей К.Г. Поле посессивности и посессивные ситуации / К.Г. Чинчлей // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996. – С. 100-117.

Шадрин В.И. Категориальная ситуация как компонент ситуативной модели перевода / В.И. Шадрин // Исследования по языкознанию. – СПб., 2001. – С. 356-359.

Шальга А. Венгерский язык в зеркале русского языка / А. Шальга. – Будапешт: Танкеньвкиадо, 1984. – 152 с.

Шатуновский И.Б. Предложения наличия vs. бытийные и локативные предложения в русском языке / И.Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 189-197.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 621 с.

Шведова Н.Ю. Русские бытийные глаголы и их субъекты / Н.Ю. Шведова // Слово и грамматические законы языка. – М., 1989. – С. 5-171.

Шелякин М.А. Русские возвратные глаголы в общей системе отношений залоговости / М.А. Шелякин // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991. – С. 312-326.

Шендельс Е.И. Грамматика немецкого языка. Синтаксис, морфология, текст / Е. И. Шендельс. – М., 1975. – 482 с.

Шишмарёв В.Ф. От латинских залоговых форм к французским / В.Ф. Шишмарёв // Вопросы грамматического строя и словарного состава языка // Учёные записки ЛГУ. – Л., 1952. – № 156, вып. 15. – С. 247-255.

Шмелёва Т.В. Семантический синтаксис: текст лекций / Т.В. Шмелёва. – Красноярск: КГУ, 1988. – 54 с.

- Шубик С.А. Категория залога и поле залоговости в немецком языке / С.А. Шубик. – Л., 1989. – 123 с.
- Щур Г.С. Теории поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 254 с.
- Ямпольский М. Наблюдатель. Очерки истории видения / М. Ямпольский. – М.: Ad Marginem, 1999. – 288 с.
- Ямпольский М. О близком (очерки немиметического зрения) / М. Ямпольский. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 240 с.
- Янко Т.Е. Бытование и обладание: конструкции с глаголом быть / Т.Е. Янко // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 198-211.
- Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке / Н.А. Янко-Триницкая. – М.: АН СССР, 1962. – 248 с.
- Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика / В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1981. – 111 с.
- Яхонтов С.Е. Формальное определение залога / С.Е. Яхонтов // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. – Л., 1974. – С. 46-53.
- Allen W.S. Transitivity and possession / W.S. Allen. – Language. – 1964. – Vol. 40, № 3. – P. 337-343.
- Allen W. Living English Structure / W. Allen. – L., 1965. – 193 pp.
- Anderson J.M. The Grammar of Case: Towards a Localistic Theory / J.M. Anderson. – London: Cambridge University Press, 1971. – 244 pp.
- Anderson J.M. On Case Grammar. Prolegomena to a Theory of Grammatical Relations / J.M. Anderson. – Croom Helm, Humanities Press, 1977. – 313 pp.
- Autour de l'impersonnel. – Grenoble: CEDITEC, 1991. – 472 pp.
- Bach E. Have and be in English Syntax / E. Bach // Language, 1967. Vol. 43, 2. – P. 462-485.
- Baker C.L. English Syntax / C.L. Baker. – The MIT Press, 1989. – 504 pp.
- Baldi Ph. Reciprocal verbs and symmetric predicates / Ph. Baldi // Papers from the 10th regional meeting. – CSL. Chicago, 1974. – P. 17-26.
- Baldinger K. Semantic Theory. Towards a Modern Semantics / K. Baldinger. – New York: St. Martin's Press, 1980. – 320 pp.
- Beedham Ch. The passive aspect in English, German and Russian (Tübingen Beiträge zur Linguistik, 186) / Ch. Beedham. – Tübingen: Gunther Narr Verlag, 1982. – 159 pp.
- Birkenmeier W. Die analytische Wiedergabe des Passivs im Russischen / W. Birkenmeier // Linguistik, 1978. – S. 5-23.
- Bivon R. Studies in the Modern Russian Language. 7. Element Order / R. Bivon. – Cambridge UP, 1971. – 86 pp.
- Blokh M. Y. A Course in Theoretical English Grammar / M.Y. Blokh. – М.: Высшая школа, 1983. – 350 с.
- Boadi L.A. Reciprocal verbs and symmetric predications / L.A. Boadi // Journal of West African languages, 1975. – Vol. 10. – P. 55-77.
- Buscha J. Deutsches Übungsbuch / Buscha J. – VEB Enzyklopedie. – Leipzig, 1977. – 371 с.
- Buscha J. Reflexive Formen, reflexive Konstruktionen, reflexive Verben / J. Buscha // Deutsch als Fremdsprache, 1982. – № 2. – S. 167-174.

Byrne D. Teaching the Passive / D. Byrne // *English Language Teaching*. – 1966, vol. XX. 2. – P. 127-130.

Clark E.V. Locational: Existential, locative, and possessive constructions / E.V. Clark // J. Greenberg ed. *Universals of human language*. – Vol. 1. Method and theory. – Stanford (California): Stanford UP, 1978. – P. 85-126.

Croft W. *Typology and Universals* / W. Croft. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 311 pp.

Czarneski T. Das deutsche und das polnische Passiv in kontrastiver Sicht / T. Czarneski // *Deutsch als Fremdsprache*, 1980. – № 2. – S. 78-85.

Damourette J. Des mots à la pensée. *Essai de grammaire de la langue française* / J. Damourette, E. Pichon. – Paris : Artrey, 1971. – V. 8.

Dezső L. Studies in syntactic typology and contrastive grammar / L. Dezső. – The Hague – Paris – New-York: Mouton Publishers, 1982. – 307 pp.

Di Pietro R.J. *Language Structures in Contrast* / R.J. Di Pietro. – Rowley: Newbury House Publisher, 1971. – 193 pp.

Dimensions of possession // *Typological studies in language*. V. 47 / Ed. by I. Baron, M. Herslund, F. Sorensen. – Philadelphia: John Benjamins, 2001. – 337 pp.

Dixon R.M.W. *A New Approach to English Grammar, on Semantic Principles* / R.M.W. Dixon. – Oxford: UP, 1992. – 416 pp.

Dreyer S. *Lehr- und Übungsbuch der deutschen Grammatik* / S. Dreyer. – Ismaning.: Max Hueber Verlag, 2008. – 400 s.

Dubois D. Catégories sémantiques et sensorialités: de l'espace visual à l'espace olfactif / D. Dubois, C. Rouby, G. Sicard // *Enfance. L'odorat chez l'enfant: perspectives croisées*. – 1997. – № 1. – P. 141-151.

Dubois J. *Grammaire Structurale de Français: la phrase et les transformations* / J. Dubois. – Paris : Larousse, 1969. – 192 pp.

Duden-Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – Mannheim, 1995. – 834 s.

Everaert M. The Syntax of Reflexivization. [Publications in Language Sciences 22] / M. Everaert. – Foris Publications, 1986. – 330 pp.

External possession / Ed. by D.L. Payne, I. Barshi. – Amsterdam; Philadelphia, 1999. – 186 pp.

Foley W.A. *Functional Syntax and Universal Grammar* / W.A. Foley, R.D. Van Valin. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – 416 pp.

Galichet G. *Grammaire structurale du français moderne* / G. Galichet. – Paris : Editions Charles-Lavauzelle, 1973. – 248 pp.

Ganshina M.A. *English Grammar* / M.A. Ganshina, N.V. Vasilevskaya. – M.: Высшая школа, 1964. – 434 с.

Givón T. *Syntax: a functional-typological introduction* / T. Givón. – Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Co. – 1984. Vol. 1. – 464 p.; 1990, vol. 2. – P. 465-1017.

Gordon E.M. *A Grammar of Present-Day English: Parts of Speech* / E.M. Gordon, I.P. Krylova. – M., 1974. – 334 pp.

Greimas A. *Sémantique structurale* / A. Greimas. – Paris : Presses Universitaires de France, 1995. – 262 pp.

Grevisse M. *Cours d'analyse grammaticale* / M. Grevisse. – 7 ed. – Gembloux : J. Duculot., 1968. – 184 pp.

Grevisse M. Précis de Grammaire Française / M. Grevisse. – Ed. 28, revue. – Gembloux: J. Duculot, 1969. – 289 pp.

Groot K. de. Predicate Structure in a Functional Grammar of Hungarian / K. de Groot. – Dordrecht – Providence: Foris Publications, 1989. – 234 pp.

Guiraud-Weber M. Les propositions sans nominatif en russe moderne / M. Guiraud-Weber. – Paris: Institut d'étude slaves, 1984. – P. 399.

Greimas A.J. Sémantique structurale. Recherche de méthode / A. J. Greimas. – Paris: Larousse. Langue et langage, 1966. – 262 pp.

Guiraud P. La syntaxe du français / P. Guiraud. – Paris: Presses Universitaires de France, 1974. – 126 pp.

Gulyga E.W., Nathanson M.D. Syntax der deutschen Gegenwartssprache / E.W. Gulyga, M.D. Nathanson. – JL, 1966. – 185 c.

Halliday M.A.K. An Introduction to Functional Grammar / M.A.K. Halliday. – London – Baltimore: E. Arnold, 1985. – 387 pp.

Helbig G. Probleme der Reflexiva im Deutschen (in der Sicht der gegenwärtigen Forschung) / G. Helbig // Deutsch als Fremdsprache, 1984. – № 2. – S. 78-89.

Helbig G. Deutsche Übungsgrammatik / Helbig G., Buscha J. – Leipzig. 2001. – 397 s.

Helke M. On reflexive in English / M. Helke // Linguistics, 1973. – № 2. – P. 37-49.

Heriau M. Le verbe impersonnel en français moderne: Thèse / M. Heriau. – Lille Université, 1980. – Vol. 1-2. – 1205 pp.

Horn G.M. Lexical-Functional Grammar. [Trends in Linguistics: Studies and Monographs 21. (Editor: Werner Winter)] / G.M.Horn. – Berlin, New York, Amsterdam: Mouton Publishers, 1983. – 394 pp.

Huck G. J. Ideology and Linguistic Theory. Noam Chomsky and the Deep Structure Debates. History of Linguistic Thought / G. J. Huck, J. A. Goldsmith. – L. – New York: Routledge, 1995. – 186 pp.

Ilyish B. The Structure of Modern English / B. Ilyish. – JL.: Просвещение, 1971. – 365 c.

Isacenko A.V. On 'have' and 'be' languages (A typological sketch) / A.V. Isacenko // Slavic Forum : Essays in linguistics and literature / Ed. M. S. Flier. – The Hague, Mouton, 1974. – P. 43-77.

Jacobsen B. Modern Transformational Grammar. With Particular Reference to the Theory of Government and Binding. [North-Holland Linguistic Series, 53] / B. Jacobsen. – North-Holland, 1986. – 441 pp.

Katz D. The World of Touch / D. Katz. Edited and translated by Lester E. Krueger Lawrence Erlbaum Associates. – Hillsdale, NJ, 1989. – 260 pp.

Károly S. Általános és magyar jelentés / S. Károly. – Bp.: Akadémiai Kiadó, 1970. – 414 pp.

Klaudy K. Original Hungarian text vs. text translated from Russian into Hungarian / K. Klaudy // Contrastive studies. Hungarian – Russian. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1984. – P. 127-138.

Klemm A. Magyar történeti mondattan / A. Klemm. – Budapest. I, 1928; II, 1940; III, 1942.

Kobrina N.A. An outline of modern English syntax / N.A. Kobrina, N.A. Korneyeva. – M.: Высшая школа, 1965. – 210 с.

Lagane R. Langue française. La syntaxe / R. Lagane, J. Pinchon. – Paris : Larousse, 1969. – 126 pp.

Lanacker R.W. Observation on French possessives / R.W. Lanacker // *Language*. – 1968. – Vol. 44. – № 1. – P. 16-31.

Lanacker R.W. Possession and possessive constructions / R.W. Lanacker // *Language and the cognitive construal of the world* / J.R. Taylor, R.E. MacLauray eds. – B.; N.Y., 1995. – P. 51-79.

Lander J.A. Dealing with Relevant Possessors // *Possessives and beyond. Semantics and Syntax* / J.A. Lander, J. Kim, B.H. Partee (eds). – GLSA Publications, Amherst, Mass., USA, 2005. – P. 21-40.

Larjavaara M. Présence ou absence de l'objet: Limites du possible en français contemporain / M. Larjavaara. – Saarijarvi: ASE, 2000. – 299 pp.

Leech G.N. Towards a Semantic Description of English / G.N. Leech. – London: Longman, 1971. – 277 pp.

Leinonen M. Impersonal sentences in Finnish and Russian: syntactic and semantic properties / M. Leinonen // *Slavica Helsingiensia* 3. – Helsinki, 1985. – 126 pp.

Lyons J. A note on possessive, existential and locative sentences // *Foundations of Language*. – 1967. Vol. 3. N 4. – P. 390-396.

Lyons J. Natural Language and Universal Grammar: Essays in Linguistic Theory / J. Lyons. – Vol. I. – Cambridge UP., 1991. – 290 pp.

Lieftrink F. Semantico-syntax / F. Lieftrink. – London, 1973. – 178 pp.

Levels of Syntactic Representation. [Studies in Generative Grammar 10]. – Foris Publications, 1981. – 302 pp.

Matthews P.H. Syntax. [Cambridge Textbooks in Linguistics] / P.H. Matthews. – Cambridge UP., 1987. – 306 pp.

McCawley J.D. Thirty Million Theories of Grammar. [Croom Helm Linguistics Series] / J.D. McCawley. – London – Canberra: Croom Helm, 1982. – 223 pp.

McCawley J.D. The Syntactic Phenomena of English / J.D. McCawley. – 2 vols. – Chicago – London: The University of Chicago Press, 1988. Vol. 1. – 366 pp. – Vol. 2. – 367-768 pp.

Miller J. Semantic and Syntax. Parallels and Connections. [Cambridge Studies in Linguistics 41] / J. Miller. – Cambridge UP, 1987. – 262 pp.

Montagu A. Touching: The Human Significance of the Skin / A. Montagu. – NY: Harper Collins, 1986. – 478 pp.

Mulder J.W.F. The Strategy of Linguistics. Papers on the Theory and Methodology of Axiomatic Functionalism / J.W.F. Mulder, S.G.J. Hervey. – Edinburgh: Scottish Academic Press, 1980. – 236 pp.

Nikolskaïa E.K., Goldenberg T.Y. Grammaire française / E.K. Nikolskaïa, T.Y. Goldenberg. – Moscou: Editions «Ecole Supérieure» 1974. – 364 pp.

Nida E. A. Language Structure and Translation. Nida E. A. [Language Science and National Development Series] / E. A. Nida. – Stanford UP., 1975. – 283 pp.

Papp F. The Russian of Hungarian people whose Russian is first-rate / F. Papp // *Contrastive studies. Hungarian – Russian*. – Budapest, 1984. – P. 139-154.

Podlesskaya V. External Possession, Reflexivization and Body Parts in Russian / V. Podlesskaya, E. Rakhilina // External possession. Ed. D. Payne, E. Barschi. – John Benjamins, 1999. – P. 505-521.

Pontoppidan-Sjovall K. Categories of Content and Form in Language. A Study of the personal and impersonal constructions in Russian. [Acta Universitatis Upsaliensis: Studia Slavica Upsaliensia. 5] / K. Pontoppidan-Sjovall. – Uppsala, 1968. – 101 pp.

Quirk R. A University Grammar of English / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – М.: Высшая школа, 1982. – 391 с.

Radford A. Syntax. A minimalist introduction / A. Radford. – Cambridge UP, 1997. – 283 pp.

Schendels E.I. Deutsche Grammatik / E. I. Schendels. – М, 1979. – 382 с.

Scheurweghs G. Present-Day English Syntax. A Survey of Sentence Patterns / G. Scheurweghs. – Longmans, 1966. – 434 pp.

Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik / W. Schmidt. – Berlin, 1983. – 332 s.

Seiler H. Possession as an operational dimension of language / H. Seiler. – Tübingen: Narr, 1983. – 396 pp.

Studies in Relational Grammar. 2. – Chicago – London: The Univ. of Chicago Press, 1984. – 385 pp.

Syntax and Semantics. Vol. 27. The Syntactic Structure of Hungarian. Ed. by F. Kiefer & K. E. Kiss. – Academic Press, 1994. – 475 pp.

Willems D. L'attribut de l'objet et les verbes de perception / D. Willems, B. Defranq // La prédication seconde. – Paris., 2000. – P. 6-21. – (Langue française, № 127).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ – ПРЕСС КНИГА, 2008. – 576 с.

БСЭ: Большая советская энциклопедия в 30-ти томах. – Т. 11. – М.: «Советская энциклопедия», 1973. – 608 с.

Гак В.Г. Новый французско-русский словарь: 70 000 слов, 200 000 единиц пер. / В.Г. Гак, К.А. Ганшина. – М.: Рус. яз., 1997. – 1195 с.

Гольдштейн И.П. Немецкие глаголы с предлогами. Учебный словарь-справочник / И.П. Гольдштейн. – М.: Высшая школа, 2008. – 422 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль – М.: Русский язык-Медиа, 2006. – 216 с.

Зотов В.И. Венгерско-русский разговорник / В.И.Зотов, Б. Жилицки. – М., 1989.

ЛГРРГ: Лексико-семантические группы русских глаголов: Учеб. слов.-справ. / Под общ. ред. Т.В. Матвеевой. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 152 с.

Морен М.К. Словарь синонимов французского языка / М.К. Морен, Н.А. Шигаревская. – М.-Л.: «Просвещение», 1964. – 350 с.

МАС: Словарь русского языка / Гл. ред. втор. изд. А.П. Евгеньева. В 4-х томах. – М.: «Русский язык», 1984.

Мюллер В.К. Англо-русский словарь. 70000 слов и выражений / В.К. Мюллер. – 15-е изд., стереотип. – М.: «Сов. Энциклопедия», 1970. – 912 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1991. – 916 с.

Окунева А.П. Русский глагол. Словарь-справочник / А.П. Окунева. – М.: Русский язык, 2000. – 558 с.

Рахманов И.В. Немецко-русский синонимический словарь. Ок. 2689 рядов / И.В. Рахманов, Н.М. Минина, Д.Г. Мальцева, Л.И. Рахманова. – М.: Рус. яз., 1983. – 704 с.

РЯНСС: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. / Авт. Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон. Под общим руководством академика Ю.Д. Апресяна. – М.: «Русские словари», 1995. – 560 с.

Сиротина Т.А. Большой современный немецко-русский русско-немецкий словарь / Т. А. Сиротина. – М.: БАО-Пресс: РИПОЛ классик, 2006. – 639 с.

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1983. – Т. 3. – 426 с.

У: Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под. ред. Д.Н. Ушакова. – Т. 1-4. – М.: АСТ; Астрель, 2004.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М.: Астрель, 2004.

Физика. Краткий словарь / Под общ. ред. А.С. Богатина. Ростов н/Д: Феникс, 2001. – 416 с.

Щерба Л.В. Русско-французский словарь: 50 000 слов / Л.В. Щерба, М.И. Матусевич. – М. Рус. яз., 1983. – 840 с.

Энциклопедический словарь юного математика. – М.: Педагогика, 1985. – 352 с.

ABBY Lingvo12 [Электронный ресурс].

DE: Nouveau dictionnaire étymologique et historique par A. Dauzat, J. Dubois, H. Mitterand. – Paris: Librairie Larousse, 1964. – 805 pp.

DS: Dictionnaire des synonymes de la langue française par René Bailly / R. Bailly. – Paris : Librairie Larousse, 1971. – 626 pp.

Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language: Dealing with the origin of words and their sense development thus illustrating the history of civilization and culture / E. Klein. – Unabr., one-volume ed. – Amsterdam etc.: Elsevier Publishing Company, 1971. – XXV, 884 pp.

Longman Dictionary of Contemporary English: With New Words Supplement. – 3 ed. – Harlow: Longman, 2001. – 1668 pp.

Longman Dictionary of English Language and Culture / Ed. Director Della Summers. – Harlow: Longman, 1992. – 1528 pp.

PL: Le Petit Larousse. Dictionnaire encyclopédique pour tous. – Paris : Larousse, 1966. – 1792 pp.

PR 1: Le Petit Robert 1. – Paris : Dictionnaires Le Robert, 1991. – 2172 pp.

The New Webster's Encyclopedic Dictionary of English Language. – New York: Gramercy books, 1997. – XV, 1008 pp.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Копров Виктор Юрьевич – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка для иностранных учащихся основных факультетов Воронежского государственного университета. koprov@mail.ru.

Козюра Татьяна Николаевна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов Воронежского государственного университета. lavendure@mail.ru.

Лебедева Александра Леонидовна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов Воронежского государственного университета. volova25@rambler.ru.

Дедова Ольга Михайловна – канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой латинского и русского языков Воронежской государственной медицинской академии. dedova008@mail.ru.

Сушкова Ирина Михайловна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов Воронежского государственного университета. abyrrvalgon@mail.ru.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПОЛЕ ФИЗИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКАХ	13
1.1. Семантико-функциональное поле физического воздействия в ситуативно-структурном подаспекте номинативного аспекта устройства предложения.....	14
1.1.1. Состав семантико-функционального поля физического воздействия.....	14
1.1.2. Актанты семантической структуры предложений физического воздействия.....	15
1.1.3. Субкатегории агенса и пациенса.....	18
1.1.3.1. Субкатегории агенса.....	22
1.1.3.2. Субкатегории пациенса.....	24
1.1.4. Синонимия и вариантность в семантико-функциональном поле физического воздействия в русском, английском и венгерском языках.....	25
1.1.4.1. Лексико-грамматическое наполнение конструкций поля физического воздействия.....	26
1.1.4.2. Синонимические ряды в поле физического воздействия.....	28
1.2. Средства выражения физического воздействия в релятивно-структурном подаспекте.....	30
1.2.1. Залог и залоговость.....	31
1.2.1.1. О концепциях категории залога и залоговости в языках номинативного строя.....	31
1.2.1.2. Категория залога в русском, английском и венгерском языках.....	33
1.2.1.3. Семантико-функциональное поле залоговости в сопоставляемых языках.....	37
1.2.2. Залоговость и безличность.....	45
1.2.3. Определённость / неопределённость (обобщённость) агенса и пациенса.....	46
1.3. Средства выражения физического воздействия в актуализирующем аспекте.....	50
1.4. Эмоционально-экспрессивный и стилистический аспекты средств выражения физического воздействия.....	52
1.5. Русско-английские параллели в поле физического воздействия.....	52
Выводы.....	55

ГЛАВА II. СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПОЛЕ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ	63
2.1. Восприятие в русской и французской картинах мира	63
2.2. Семантико-функциональное поле залоговости в русском и французском языках	66
2.2.1. Категория залога и семантико-функциональное поле залоговости	66
2.2.2. Возвратность в поле залоговости	67
2.2.2.1. Возвратность в русском языке	67
2.2.2.2. Возвратность во французском языке	67
2.3. Глаголы лексико-семантической группы зрительного восприятия в русском и французском языках	72
2.3.1. Глаголы ЛГР зрительного восприятия в русском языке и их связь с возвратностью	74
2.3.1.1. Центр ЛГР зрительного восприятия	74
2.3.1.2. Периферия ЛГР глаголов зрительного восприятия	76
2.3.2. Глаголы зрительного восприятия во французском языке и их возможные возвратные местоименные корреляты	80
2.3.2.1. Центр ЛГР глаголов зрительного восприятия	81
2.3.2.2. Периферия ЛГР глаголов зрительного восприятия	84
2.4. Залоговые конструкции с глаголами зрительного восприятия в русском и французском языках	88
2.4.1. Залоговые конструкции в русском языке	88
2.4.1.1. Предложения с невозвратными глаголами	88
2.4.1.2. Предложения с возвратными глаголами ЗВ	90
2.4.2. Залоговые конструкции во французском языке	92
2.4.2.1. Предложения с невозвратными глаголами	92
2.4.2.2. Предложения с возвратными глаголами	95
2.5. Особенности семантики и функционирования пассивно- возвратных предложений с глаголами зрительного восприятия в русском и французском языках	97
2.5.1. Русские предложения пассивно-возвратного типа	97
2.5.2. Способы передачи пассивно-возвратного значения средствами французского языка	102
Выводы	104

ГЛАВА III. СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СИТУАЦИИ КАСАНИЯ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ	106
3.1. Сущность ситуации касания	106
3.2. Семантическая структура и лексико-грамматическое наполнение предложений с глаголами касания	110

3.2.1. Обязательные и факультативные компоненты семантической структуры предложений с глаголами касания.....	111
3.2.2. Поле глаголов касания в русском и немецком языках	112
3.2.3. Лексическое наполнение актантных позиций в предложениях касания	123
3.3. Русские и немецкие предложения с глаголами поля касания в сфере категории залога и залоговости	128
3.3.1. Категория залога в русском и немецком языках.....	128
3.3.2. Возвратность в сфере залоговости	133
3.3.3. Предложения с глаголами касания различных конструктивных типов в русском языке.....	135
3.3.3.1. Функционирование глаголов касания в активных конструкциях.....	135
3.3.3.2. Функционирование глаголов касания в пассивных конструкциях.....	138
3.3.3.3. Функционирование возвратных глаголов касания в составе предложения	142
3.3.4. Предложения с глаголами касания в немецком языке	149
3.3.4.1. Функционирование глаголов касания в активных конструкциях.....	149
3.3.4.2. Функционирование глаголов касания в пассивных конструкциях.....	150
3.4. Межъязыковые параллели в сфере предложений касания.....	157
3.4.1. Функционирование активных конструкций	157
3.4.2. Функционирование пассивных конструкций	158
3.4.3. Параллели в сфере функционирования конструкций с возвратными глаголами.....	159
Выводы	163

ГЛАВА IV. СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПОЛЕ ПОСЕССИВНОСТИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....

4.1. Посессивность как понятийная и языковая категория	165
4.2. Микрополе обладания	169
4.2.1. Локативно-посессивная конструкция	172
4.2.1.1. Лексико-грамматическое наполнение конструкции	174
4.2.2. Локативно-посессивная конструкция с глаголами в пассивно-возвратной форме.....	183
4.2.3. Субъектно-объектная конструкция обладания	186
4.2.3.1. Лексическое наполнение конструкции	187
4.2.4. Предложения с глаголами обладания в релятивно-структурном аспекте	192

4.2.4.1. Предложения обладания в свете категории залога и залоговости.....	192
4.2.4.2. Предложения обладания в свете категории определённости / неопределённости / обобщённости актантов	194
4.2.5. Актуализирующий аспект предложений обладания.....	195
4.2.5.1. Коммуникативная перспектива локативно-посессивных предложений с глаголом <i>быть</i>	195
4.2.5.2. Локативно-посессивные предложения с глаголом в пассивно-возвратной форме.....	200
4.2.5.3. Субъектно-объектная конструкция	204
4.2.6. Некоторые русско-английские параллели в сфере обладания ..	206
4.3. Микрополе принадлежности в русском и английском языках	209
4.3.1. Двухактантные вербальные предложения	210
4.3.2. Одноактантные предложения.....	218
4.3.2.1. Притяжательные местоимения в позиции признакового компонента	219
4.3.2.2. Прилагательные в позиции признакового компонента.....	221
4.3.2.3. Существительные в родительном падеже в позиции признакового компонента	221
4.3.2.4. Дальняя периферия предикативных средств выражения принадлежности	223
Выводы.....	226
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	228
ЛИТЕРАТУРА	229
СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	257
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	259

Научное издание

Копров Виктор Юрьевич,
Козюра Татьяна Николаевна,
Лебедева Александра Леонидовна,
Дедова Ольга Михайловна,
Сушкова Ирина Михайловна

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ СИНТАКСИС

Субъектно-объектные отношения

Под ред. В.Ю. Копрова

Корректор – Е.В. Эйтингон

АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2.
Отпечатано в издательско-полиграфическом
центре «НАУКА-ЮНИПРЕСС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2.
Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 16,5. Тираж 300 экз.